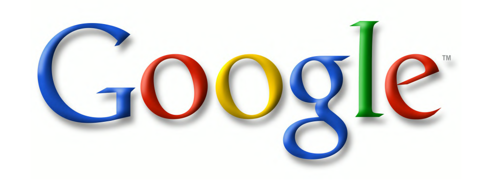

Марковъ-Русскій былевой эпосъ.

А. Марковъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
РУССКАГО БЫЛЕВОГО ЭПОСА.

Выпускъ I-й.

(*Оттискъ изъ XLI и LXII кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»*).

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905.

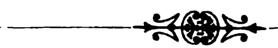
М. Карпов.
3/XII 1910.

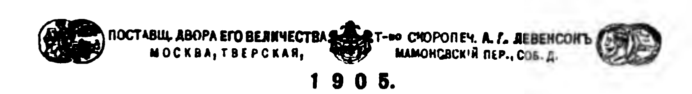
А. Марковъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
РУССКАГО БЫЛЕВОГО ЭПОСА.

Выпускъ I-й.

(Оттискъ изъ XLI и LXII кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»).

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 4 іюня 1905 г.

Изъ исторіи русскаго былевого эпоса.

Наиболѣе важными вопросами при изученіи русскихъ былинъ слѣдуетъ признать слѣдующіе: 1) о происхожденіи нашего эпоса и его первоначальномъ составѣ, 2) о мѣстѣ и времени его сложенія и 3) о его литературной исторіи, т.-е. о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергались его основы въ теченіе вѣковой жизни въ памяти пѣвцовъ; сюда относятся образованіе эпическихъ типовъ и сведеніе цѣлаго ряда произведеній къ одному Кіевскому циклу.

Моя статья содержитъ нѣсколько замѣтокъ по исторіи отдѣльныхъ былинъ, а также касается нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ относительно строенія былины, какъ исторически выработавшагося опредѣленнаго вида поэтическихъ произведеній. Въ отдѣльныхъ замѣткахъ я не задаюсь цѣлью детально изслѣдовать ту или другую былину. Въ виду обилія матеріала, привлекаемаго теперь для уясненія средне-вѣкового фольклора, работа надъ изученіемъ былинъ по необходимости носитъ пока характеръ случайныхъ экскурсовъ, находокъ и догадокъ и не можетъ быть, хотя бы до нѣкоторой степени, цѣльно выполнена однимъ лицомъ; мысль о всестороннемъ изслѣдованіи былинъ—прямо скажу—еще преждевременна. Въ своихъ замѣткахъ я стараюсь, во-первыхъ, вскрыть литературный матеріалъ, который наслоился на былевую основу пѣсенъ и такимъ образомъ затушевалъ составляющія ее первоначальныя историческія воспоминанія; во-вторыхъ—опредѣлить, хотя бы до извѣстной степени вѣроятности, дѣйствительныя событія, на которыя въ извѣстныхъ намъ пересказахъ былинъ сохранились только неясные намеки. Послѣдняя статья касается технической стороны былинъ и историческихъ пѣсенъ.

Сравнивая эти два вида былевой поэзіи съ лирическими пѣснями, преимущественно обрядовыми, я пытаюсь подтвердить историческую теорію образованія русскихъ былинъ; согласно съ этой теоріей, за ихъ основу признаются короткія лиро-эпическія пѣсни, преимущественно величальныя, появленіе которыхъ вызывалось тѣмъ или другимъ историческимъ событіемъ.

I.

Одинъ изъ источниковъ былины о сорока каликахъ со каликою.

Романическую завязку былины о сорока каликахъ составляютъ отношенія одного изъ каликъ къ княгинѣ Апраксіи. Цѣломудренный атаманъ, отвергшій любовь сластолюбивой женщины, возбуждаетъ къ себѣ ея ненависть и, оклеветанный ею, терпитъ жестокое наказаніе отъ своихъ спутниковъ. Давно уже указывали на библейскій разсказъ объ Іосифѣ и женѣ Потифара, какъ на источникъ, которымъ слагатель воспользовался для романической части былины. Но библейскій разсказъ не давалъ объясненія тому факту, почему этотъ эпизодъ былъ привлеченъ слагателемъ былины, разсказывающей о хожденіи сорока каликъ въ Іерусалимъ. Въ своей замѣткѣ я укажу на житіе, которое легко могло быть присоединено къ историческому преданію о хожденіи сорока новгородскихъ паломниковъ, такъ какъ заключало въ себѣ необходимую для этого обстановку. Это—житіе св. Михаила-черноризца (IX вѣка), встрѣчающееся въ славянскихъ Прологахъ XV—XVI вв. второй редакціи. Здѣсь я привожу житіе Михаила по тремъ рукописнымъ Прологамъ изъ библіотеки Румянцевскаго музея, почти тождественнымъ, не считая нѣсколькихъ описокъ и подновленій языка. Рукописи эти слѣдующія: 1) Ундольскаго № 228, начала XVI в. полууст. 2) Румянцевскаго музея № 321, конца XV или начала XVI в. полууст. 3) Ундольскаго № 226, первой половины XVI в. полууст. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ житіе помѣщено подъ 23 мая.

„Страсть отца нашего Михаила мниха.

Сий бѣ отъ Едеса града, благовѣрноу родителю сынъ. Родителема же преставльшимася блаженый Михаилъ раздая все имѣние нищимъ, и отъиде въ Иерусалимъ, и поклонися святымъ мѣ-

стомъ, и иде в лаврои святаго Савы, и бысть мнихъ. Посланъ же бысть оучителемъ въ Иерусалимъ продати роукодѣлье свое. И срѣте и скопець Сѣиды царици, и поимъ приведе и предъ Сѣидоу имоуща съсоуды зѣло горазды. И видѣвши и царица зѣло добра и лѣпа взоромъ и тѣло соухо имоуща отъ поста, и начатъ льстити его, яко егоуптяныни Іосифа, глаголющи: „Се нынѣ благоволихъ о тобѣ, и боуди мнѣ угажая; да аще боленъ еси, изврачюю тя; аще ли нищь еси, обогащю тя; аще ли рабъ чий еси, искоуплю тя". И рече Михаилъ:—Болю о грѣсѣхъ, нищь же быхъ Бога ради, рабъ же есмь Іисусъ Христовъ; тобѣ же не хощоу повиноутися.—Она же ноудяшеть его на дѣло зло. И рече ей:—Нѣсть ми того лзѣ створити, зане мнихъ есмь.—И не могъши его оувѣщати, повелѣ растягши бити немилостивно палицами. Посемъ посла и связана къ цареви, оклеветавъши, яко поругася ей, не далоче соущоу Иерусалима. Царь же, испытавъ о немъ, раздрѣши и и моляше и причаститися вѣрѣ Бохмичи. И рече Михаилъ: „Не боуди мнѣ оставити Бога жива и въслѣдовати дьяволоу". И глагола царь:—Изволи паче животъ и честь, и царствовати съ мною, нежели злѣ оумрети. Нынѣ же проси оу мене егоже хощеши.—Михаилъ же рече: „Въ троемъ единого оу тобе хощю: ли къ старцю моемоу поусти мя, ли въ имя Бога моего крестися, ли мечемъ твоимъ къ Христу посли мя". Разгнѣвавъ же ся царь повелѣ напоити и смертьнаго ядоу. Испивъ же святый невреженъ бысть. Царь же, срама понести не могый, повелѣ оусѣкноути его мечемь. И приведъше и посредѣ Иерусалима, оусѣкноуша и мечемъ. Черноризци же святаго Савы, вьземше тѣло его, несоша в лаврои и положиша и съ святыми отци".

Когда явилось у насъ это житіе, сказать нельзя вслѣдствіе отсутствія у насъ опредѣленныхъ данныхъ о времени появленія Пролога второй редакціи. Впрочемъ, опредѣленіе этого времени не имѣетъ особенно важнаго значенія, потому что русскіе паломники могли слышать устный пересказъ того, о чемъ повѣствуется въ житіи. Это можно предполагать на основаніи того, что игуменъ Даніилъ, ходившій въ Палестину въ началѣ XII вѣка, видѣлъ въ монастырѣ св. Саввы, близъ Іерусалима, гдѣ было его главное мѣстопребываніе, мощи св. Михаила, и сообщаетъ объ этомъ въ описаніи своего путешествія. Извѣстно, что па-

ломники во время своихъ странствованій слышали различныя легенды о мѣстныхъ палестинскихъ святыняхъ. Поэтому можно думать, что разсказъ о подвигѣ св. Михаила могъ дойти до слагателя былины и устнымъ путемъ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что этотъ разсказъ послужилъ однимъ изъ источниковъ для слагателя былины.

Сходство между житіемъ и былиной таково, что не можетъ быть сомнѣнія во вліяніи одного на другую. Прежде всего, сходны имена: въ большинствѣ извѣстныхъ намъ пересказовъ былины невинно страдаетъ отъ сластолюбивой княгини подъатаманье Михайло Михайловичъ. Въ нѣсколькихъ варіантахъ его мѣсто занимаетъ атаманъ Касьянъ, но эпитетъ, который даютъ послѣднему нѣкоторые пересказы, „немилостивый", указываетъ на то, что онъ долженъ играть другую роль—роль жестокаго карателя провинившагося калики; именно такую роль онъ и играетъ въ пересказахъ, гдѣ невинно страдающимъ мученикомъ выступаетъ подъатаманье Михайло Михайловичъ.

Въ житіи Михаилъ—нищій „Бога ради",—раздавши свое имущество, идетъ въ Іерусалимъ поклониться святымъ мѣстамъ. Въ былинѣ калики тоже идутъ въ Іерусалимъ „святой святынѣ помолитися" и по дорогѣ, какъ нищіе, собираютъ подаяніе. Св. Михаилъ „зѣло добръ и лѣпъ взоромъ"; таковъ же и каличій подъатаманье, котораго былина называетъ „красавчикомъ" или „Красотой".

«Отъ лица ево молодецкова,
Какъ бы отъ солнучка отъ краснова,
Лучи стоятъ великія [1])».

Прельщаемый царицей св. Михаилъ отвѣчаетъ ей: „Нѣсть ми того лзѣ створити, зане мнихъ есмь". То же говоритъ и Михайло Михайловичъ княгинѣ Апраксіи:

«Ай нельзя мнѣ сотворити любовь-сердечныя:
У насъ кладена заповѣдь великая...
Еще кто-то изъ насъ-то да за блудомъ пойдетъ...
А судить-то мы будемъ все своимъ судомъ [2])».

Послѣ отказа Михаила, какъ въ житіи, такъ и въ былинѣ слѣдуетъ клевета на него женщины. Но въ житіи царица окле-

---

[1]) Сборникъ Кирши Данилова, 95.
[2]) Бѣломорскія былины, 495—6; ср. 526.

ветала передъ царемъ Михаила, будто бы онъ надъ ней надругался; въ былинѣ же, благодаря продѣлкѣ Апраксіи, Михайло оказывается передъ царемъ воромъ, укравшимъ его чару. Далѣе между житіемъ и былиной не можетъ быть близкаго сходства, п. ч. послѣдняя, вмѣсто иновѣрнаго царя, выводитъ православнаго князя Владимира. Поэтому подъатаманье каликъ не гибнетъ отъ руки князя, а терпитъ казнь отъ своихъ спутниковъ, которые были убѣждены въ томъ, что онъ измѣнилъ одной изъ ихъ заповѣдей—не воровать. Впрочемъ, и въ послѣдней части житія есть нѣкоторыя общія черты съ былиной; какъ здѣсь, такъ и тамъ Михаилъ, прежде чѣмъ ему отрубаютъ голову, подвергается различнымъ мученіямъ: въ житіи царица приказываетъ его бить палицами, а царь пытается его отравить; въ былинѣ—Михаила жестоко наказываютъ: бьютъ его клюками, вытягиваютъ у него языкъ, вырѣзаютъ глаза, отсѣкаютъ руки и ноги, ломаютъ ребра, жгутъ на груди селитру и закапываютъ въ землю. Наконецъ, какъ въ житіи, такъ и въ былинѣ играютъ роль сосуды: въ житіи Михаилъ предлагаетъ царицѣ „съсуды зѣло горазды", въ былинѣ Апраксія кладетъ въ сумку подъатаманья золотую чашу. Послѣдній эпизодъ, можетъ быть, черезъ какое-нибудь посредство, восходитъ къ библейскому разсказу объ Іосифѣ и Веніаминѣ, но этотъ разсказъ удобно было вставить въ романическую фабулу былины именно потому, что уже въ житіи упоминалось о сосудахъ.

Сравненіе житія съ былиной не только указываетъ намъ взаимное ихъ отношеніе, но также позволяетъ сдѣлать выводъ относительно первоначальнаго вида былины. Бо̀льшая часть пересказовъ оканчивается казнью Михаила и его воскресеніемъ; нѣкоторые же пересказы прибавляютъ къ этому разсказъ о болѣзни, которая была послана княгинѣ Апраксіи въ наказаніе за ея грѣхъ, и объ ея исцѣленіи Михаиломъ. На основаніи сравненія былины съ житіемъ Михаила-черноризца можно сказать, что первоначальный видъ былины соотвѣтствовалъ извѣстнымъ намъ краткимъ пересказамъ и оканчивался или смертью Михаила, или его воскресеніемъ.

Сравненіе житія съ былиной интересно еще въ методическомъ отношеніи: оно показываетъ намъ, какъ легко слагатели былинъ, усвоивъ иноземную фабулу, націонализировали ее, пользуясь

русскими историческими преданіями и готовыми рамками кіевскаго былиннаго цикла. Въ данномъ случаѣ мы видимъ очень интересную мозаичную работу слагателя: для созданія былины онъ пользуется преданіемъ о хожденіи сорока новгородскихъ каликъ въ Іерусалимъ (это преданіе извѣстно намъ въ записи XIV вѣка), искусно сливаетъ съ нимъ фабулу житія, усиливаетъ фантастическій элементъ, присоединяетъ къ этому нѣкоторые эпизоды изъ церковной литературы и все это заключаетъ въ рамки былины Владимирова цикла. Иновѣрныхъ царя и царицу онъ смѣло замѣняетъ ласковымъ Владимиромъ стольно-кіевскимъ и его княгиней Апраксіей и выставляетъ популярныхъ богатырей, Добрыню Никитича и Алешу Поповича, въ роли придворныхъ княжескихъ чиновниковъ.

II.

Историческая основа былины о князѣ Романѣ и литовскихъ королевичахъ.

Съ легкой руки покойнаго Безсонова мнѣніе о тождествѣ нашего былиннаго князя Романа съ знаменитымъ галицкимъ княземъ XII вѣка повторяется до сихъ поръ почти всѣми изслѣдователями русскихъ былинъ. Ждановъ въ своей большой статьѣ, посвященной пѣснямъ о князѣ Романѣ [1]), старался обосновать это мнѣніе на подробномъ изученіи фактическаго матеріала. Того же взгляда на историческую основу былинъ о кн. Романѣ держатся акад. Пыпинъ [2]) и проф. В. Ѳ. Миллеръ [3]), упоминавшіе объ этихъ былинахъ послѣ статьи Жданова. В. Ѳ. Миллеръ, не вполнѣ соглашаясь въ частностяхъ съ изслѣдованіемъ послѣдняго, признаетъ, „что указанный авторомъ ходъ литературной исторіи былинъ объ этомъ князѣ соотвѣтствуетъ въ общихъ чертахъ и характеру историческихъ преданій о немъ, и составу сохранившихся о немъ пѣсенъ", а потому въ пѣсняхъ о Романѣ видитъ слѣды галицкихъ сказаній о знаменитомъ князѣ XII столѣтія. Несмотря на такую, безпримѣрную у изслѣдователей бы-

[1]) Русскій былевой эпосъ, стр. 425—523.

[2]) Исторія русской литературы I, 121; III, 41.

[3]) Очерки р. народной словесности, 98, 115, 142.

линъ, солидарность во взглядахъ на этого былиннаго героя, высказана была мимоходомъ одна догадка [1]), которая предлагаетъ видѣть въ одной изъ былинъ о Романѣ слѣды историческихъ воспоминаній о литовско-русскихъ отношеніяхъ XIV—XV вѣковъ: пѣсня говоритъ о походахъ двухъ литовскихъ князей въ Ливонскую землю и на Русь, о сборѣ Романомъ войска на берегу рѣки Березины, упоминаетъ о Москвѣ. Авторъ догадки предлагаетъ искать Романа среди смоленскихъ, брянскихъ и рязанскихъ князей XIV или XV вѣка, изъ которыхъ нѣкоторые носили это имя. Въ виду этого факта, мнѣ думается, что пересмотръ нѣкоторыхъ выводовъ Жданова можетъ быть небезполезнымъ и, пожалуй, приведетъ къ совсѣмъ иному пониманію исторической основы былины о Романѣ и двухъ королевичахъ.

Основной чертой изслѣдованія Жданова является то, что онъ ограничивается общими соображеніями о томъ или другомъ положеніи дѣйствующихъ въ былинѣ лицъ и старается игнорировать имена и географическія названія. Прежде всего, онъ не объясняетъ названій, которыя даются королевичамъ различными пересказами былины: Ливики, Витники, Витвики. *Г. А. С—кій* предполагаетъ въ формѣ „Витвикъ" искаженіе историческаго имени Витовтъ. Ждановъ (стр. 516), не соглашаясь съ такимъ объясненіемъ, припоминаетъ чешское слово vítník=витязь, удалецъ. Но необходимо найти такое названіе, которое объясняло бы всѣ три формы, очевидно, искаженныя. Королевичи называются племянниками литовскаго короля; поэтому можно думать, что первоначально они назывались „литовниками", какъ именуются литовцы въ I Псковской лѣтописи [2]), при чемъ необходимо допустить удареніе въ этомъ словѣ на первомъ слогѣ.

Ливики просятъ у своего дяди войско и казну, чтобы имъ ѣхать на Русь. Король предупреждаетъ ихъ объ опасности такого предпріятія, войска имъ не даетъ и совѣтуетъ ѣхать въ богатую Ливонскую землю и тамъ собрать войско и дань. Ждановъ не понялъ цѣли перваго похода Ливиковъ; онъ согласно съ нѣкоторыми пересказами считаетъ этотъ походъ военнымъ предпріятіемъ, но изъ словъ короля ясно видно, что Ливики

[1]) Г. А. С—кимъ въ Живой Старинѣ, вып. I, отд. III, стр. 19.

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, IV, 181 (подъ 1265 г.), 188 (подъ 1341 г.).

принуждены ѣхать въ Ливонію только съ цѣлью получить войско и провіантъ и имѣть возможность совершить походъ противъ русскихъ.

Тутъ-то два братца два ливика
Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Скорѣе того они поѣздъ чинятъ
Во тую-ли землю во Левонскую...
Получили они добрыхъ коней,
Получили они добрыхъ молодцевъ,
Получили они цвѣтно платьице,
Получили они безсчетну золоту казну [1]).

По другому пересказу, Левики *обрали* коней, платье и золоту казну [2]); по третьему пересказу, они съѣздили въ поле и взяли золото, которое было насыпано въ глубокихъ погребахъ [3]).

Въ другихъ пересказахъ эта поѣздка въ Ливонскую землю описывается, какъ военный походъ. Такое измѣненіе вполнѣ естественно въ нашихъ былинахъ, такъ любящихъ битвы; конечно, оно могло произойти тогда, когда забылся смыслъ перваго похода, какъ подготовительнаго предпріятія для военнаго набѣга на Русь. Рядомъ съ упоминаніемъ Ливоніи пересказы былины даютъ другія географическія названія (Индія, Корела, Кіевъ), указывающія, по мнѣнію Жданова (стр. 504), на то, что мѣстомъ дѣятельности двухъ Ливиковъ первоначальна была не Ливонія, а какая-то другая область. Въ одномъ пересказѣ, вмѣсто Ливонской земли, упоминается „Индія богатая, Корела проклятая". Авторъ припоминаетъ, что это двойное названіе въ другихъ былинахъ обыкновенно соединяется съ другимъ географическимъ названіемъ „городъ Галичъ, Волынь-земля", а это наводитъ на догадку, что первоначальной географіей былины была Галицко-Волынская область. Этотъ натянутый выводъ сдѣланъ вопреки всѣмъ принципамъ критики текста: нѣтъ никакого сомнѣнія, что названіе Индіи-Корелы, представляющее общее мѣсто въ нашихъ былинахъ, замѣнило собою Ливонскую землю, упоминаемую въ большинствѣ пересказовъ нашей былины, но въ другихъ былинахъ не встрѣчающуюся. Къ этому нужно прибавить, что само

---

1) *Рыбниковъ*. I, 423.
2) *Тихонравовъ и Миллеръ*, II, 262.
3) *Гильфердингъ*, № 42.

по себѣ названіе Корелы имѣетъ въ нашей былинѣ нѣкоторый смыслъ: извѣстно, что кореляки жили по сосѣдству съ Ливоніей, и „упрямая“ Корела доставляла много безпокойства новгородцамъ. Замѣчательно, что въ одной былинѣ, записанной у корелки [1]), родина Юнки (т. е. Дюка) Степановича названа Клиномъ, а не Корелой: дѣло въ томъ, что въ XII—XIII вв. часть теперешняго Юрьевскаго (Дерптскаго) уѣзда называлась „Клиномъ“, что было русскимъ переводомъ эстонскаго слова Waija илиWagja [2]). Можно думать, что Ливонская земля была замѣнена въ одномъ пересказѣ былины о кн. Романѣ Индіей-Корелой только потому, что съ этимъ названіемъ соединяется идея богатства, а королевичи отправились въ Ливонію именно за золотой казной; по словамъ короля,—

Ай какъ та земля есть пребогатѣюща:
Много есть злата и серебра,
Много есть безсчетной золотой казны;
Силы-войска-рати—мала мошица. [3]).

Этой же идеей объясняется замѣна Ливоніи въ одномъ пересказѣ *Золотой* ордой.

Какъ я указалъ выше, Ждановъ игнорируетъ въ своей статьѣ бóльшую часть географическихъ названій, упоминаемыхъ въ былинѣ. Между прочимъ, онъ вездѣ называетъ Ливиковъ племянниками *польскаго* короля, между тѣмъ какъ король во всѣхъ пересказахъ былины называется *литовскимъ*. Только въ одномъ мѣстѣ онъ оговариваетъ свою неточность (стр. 507, прим.): „Послѣ соединенія Польши съ Литвой, говоритъ онъ, русскіе люди привыкли въ теченіе долгаго времени представлять себѣ одного короля польско-литовскаго. „Литва“ была, конечно, болѣе извѣстна, болѣе близка; поэтому, говоря о королѣ, упоминали часто только о Литвѣ“. Такіе доводы приводитъ изслѣдователь, конечно, для того, чтобы убѣдить читателя въ галицко-волынскомъ происхожденіи пѣсенъ о кн. Романѣ. Но эти доводы легко рушатся, если только взглянуть на дѣло безъ предвзятой мысли. Легко замѣтить, что въ старыхъ былинахъ короли литовскій и поль-

[1]) Рыбниковъ, I, 308; см. также III, Зам., LI.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, новое изд. I, 365.

[3]) Т. е. малая мошка. У Рыбникова (I, 431) „маломошица“, у Гильфердинга (№ 71) „мало можется“

скій различаются; напр., въ былинѣ о Дунаѣ, ведущей свое начало дѣйствительно изъ Волынской области, король, съ которымъ Дунай вступаетъ въ сношенія, называется обыкновенно *ляховинскимъ* (а земля его—„Чаховой-Ляховой“ [1]).

Приблизительно такъ же Ждановъ поступаетъ и съ другими географическими названіями. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины упоминается Москва, какъ область, принадлежащая князю Роману. Въ этомъ наслоеніи былины нельзя не видѣть, вмѣстѣ съ г. А. С—скимъ, слѣдовъ историческихъ воспоминаній о литовско-русскихъ отношеніяхъ XIV—XV вѣковъ. Ждановъ, напротивъ, замѣчаетъ въ былинахъ о Романѣ наслоенія другой исторической эпохи. „Передъ мыслью народныхъ пѣвцовъ, говоритъ онъ, открывалось какое-то сходство между содержаніемъ пѣсенъ о Романѣ и явленіями московской исторической жизни XVI вѣка. Этою только аналогіей и можно объяснить, какъ въ былины о Романѣ пробрались Никита Романовичъ и самъ грозный царь Иванъ Васильевичъ. Этою же аналогіей объясняется и упоминаніе Ливонской земли“ (стр. 506). Но какія явленія московской жизни XVI вѣка могли имѣть отношеніе къ содержанію пѣсенъ о Романѣ и что это была за аналогія, авторъ намъ не объяснилъ, да и не могъ объяснить, потому что указать здѣсь какую-нибудь аналогію нѣтъ никакой возможности. Если въ двухъ пересказахъ былины (Гильфердингъ, №№ 12 и 42) мѣсто кн. Романа занимаютъ старый Никита Романовичъ и Грозный царь Иванъ Васильевичъ, то эту неудачную замѣну нужно объяснить вліяніемъ позднѣйшихъ историческихъ пѣсенъ. Въ былинѣ говорится о князѣ Романѣ и его сестрѣ Настасьѣ; въ популярныхъ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ часто упоминаются царица Настасья Романовна и ея братъ Никита Романовичъ,—и вотъ простое сходство именъ побудило какого-нибудь пѣвца внести въ старую былину новыя имена историческихъ личностей. Что это внесеніе произошло очень поздно, видно изъ того, что одинъ изъ пѣвцовъ (Калининъ) поселилъ Никиту Романовича „на горочки на Вшивыи“ (№ 12), гдѣ, согласно пѣснѣ объ Иванѣ Грозномъ, стояли палаты его шурина (пѣсня эта извѣстна Калинину), а другой пѣвецъ (Прохоровъ) въ началѣ былины упоминаетъ Романа,

---

[1]) См. Этнографич. Обозрѣніе, кн. XLVI, 81.

а затѣмъ разсказываетъ о Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ (№ 42). Нужно прибавить, что второй пѣвецъ могъ вполнѣ осмысленно замѣнить Никиту Романовича московскимъ царемъ, какъ это сдѣлалъ сказитель Рябининъ, передавая Гильфердингу путаную пѣсню о борьбѣ Скопина и Никиты Романовича съ Литвой [1]). Въ этой пѣснѣ легко разглядѣть соединеніе исторической пѣсни о Скопинѣ-Шуйскомъ [2]) съ былиной о князѣ Романѣ.

Что касается другихъ географическихъ названій, встрѣчающихся въ былинѣ, то Ждановъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, только перечисляя въ примѣчаніи (къ стр. 465) названія русскихъ селъ и улицъ, разоренныхъ королевичами. Я обращу вниманіе прежде всего на то обстоятельство, что литовскіе королевичи, разоривъ владѣнія князя Романа и увезши съ собою его сестру, на возвратномъ пути домой должны были переѣхать черезъ рѣку Березину. Эта рѣка упоминается въ двухъ пересказахъ [3]); въ трехъ другихъ пересказахъ [4]) рѣка названа Смородиной. Нѣтъ сомнѣнія, что первое названіе болѣе древнее, потому что оно извѣстно только въ одной нашей былинѣ; что же касается Смородины, то это эпическое названіе попало сюда, вѣроятно, изъ пѣсни о томъ, какъ „князь Романъ жену терялъ“, не имѣющей къ былинѣ никакого отношенія.

Итакъ, королевичи производили свои опустошенія на востокъ отъ Березины. Городъ, около котораго они воевали, въ большинствѣ пересказовъ называется Москвой, но въ двухъ пересказахъ [5]) Москва не названа, а въ одномъ городъ князя Романа названъ Сребрянскимъ [6]). Въ названіи этого города и надо искать разгадки исторической основы былины. Что Москва замѣнила собою въ болѣе позднюю эпоху названіе этого города, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: мало извѣстное всегда замѣняется болѣе извѣстнымъ, а никакъ не наоборотъ. Итакъ, первоначально городъ князя Романа назывался Сребрянскимъ,

---

1) Рыбниковъ I, 408 + III, стр. XLVII; Гильфердингъ, № 88; ср. Рыбник. IV, 95.

2) Киреевскій VII, 7, 12.

3) Рыбниковъ I, 429 (= Гильф. № 71), 438.

4) Рыбн. I, 422; Гильф. № 61; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 262.

5) Рыбн. I, 422; Гильф. № 42.

6) Рыбн. I, 438.

а это названіе представляетъ собою легкое искаженіе старинной формы „Дьбряньскъ", какъ назывался г. Брянскъ въ XII—XV вв. [1]).

Такимъ образомъ, историческая основа былины является въ слѣдующемъ видѣ. Два племянника литовскаго короля задумываютъ устроить набѣгъ на владѣнія брянскаго князя Романа. Не имѣя достаточно средствъ, они нападаютъ на Ливонію и тамъ легко добываютъ войска и средства. Перешедши черезъ рѣку Березину и вступивъ въ русскіе предѣлы, они разорили въ окрестностяхъ Брянска нѣсколько селъ, принадлежавшихъ князю. Заѣхать въ Брянскъ они не осмѣлились и повернули назадъ. Когда они вновь переѣхали черезъ Березину и расположились въ шатрахъ отдыхать, князь Романъ нагналъ ихъ, разбилъ и отомстилъ имъ.

Чтобы опредѣлить эпоху, отразившуюся въ этомъ былинномъ разсказѣ, обратимъ вниманіе на характеръ выставленныхъ здѣсь литовско-ливонскихъ и литовско-русскихъ отношеній. Въ былинѣ рисуется образъ могущественнаго литовскаго короля. Племянники находятся у него въ полномъ подчиненіи; безъ его помощи они не могутъ собраться въ походъ. Король презрительно смотритъ на слабую, хотя и богатую, Ливонію, но труситъ передъ русскимъ княземъ:

«Сколько я на Русь ни ѣзживалъ,
«А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ»,

говоритъ онъ племянникамъ. Королевичи имѣютъ успѣхъ въ Ливоніи; здѣсь они не столько бьются, сколько грабятъ. Нападеніе ихъ на владѣнія Романа представляетъ собою тоже разбойничій набѣгъ: они разоряютъ беззащитныя села и увозятъ молодую женщину съ ея младенцемъ. При первомъ столкновеніи съ княземъ они терпятъ пораженіе, и князь, презрительно назвавши ихъ „щенятью бѣлогубою", легко съ ними расправляется.

Все это характерно для русско-литовскимъ отношеній въ половинѣ XIII столѣтія. Въ это время литовскія племена начинаютъ объединяться подъ властью Миндовга. Хитрый и жестокій князь

---

[1]) *Соболевскій*, Лекціи по исторіи русскаго языка, 104; Лѣтопись по Ипатскому списку, 239, 242, 568—9, 575; П. Собр. Р. Лѣт. XII, 69, 252.

не брезговалъ никакими средствами, чтобы прибрать къ своимъ рукамъ какъ можно больше чужихъ владѣній. Онъ посылаетъ своихъ родственниковъ въ походъ противъ Смоленска, а самъ въ ихъ отсутствіе захватываетъ ихъ области и имущество (1252 г.). Боясь дружбы одного изъ нихъ, Тевтивила, съ Ливонскимъ орденомъ, онъ крестится и получаетъ отъ магистра ордена *королевскій вѣнецъ*; опасность со стороны Ливоніи устранена; Тевтивилъ принужденъ бѣжать изъ Риги. Не выступая открыто противъ русскихъ князей и даже стараясь скрѣпить миръ съ ними брачными отношеніями, онъ въ то же время посылаетъ свои войска съ сыномъ и другими воеводами грабить русскіе предѣлы. Между литовскими князьями происходятъ постоянные раздоры. Жмудскій князь Выкынтъ заключаетъ союзъ съ Ливонскимъ орденомъ и, съ помощью нѣмцевъ и ятвяговъ, вмѣстѣ со своимъ племянникомъ Тевтивиломъ возстаетъ противъ Миндовга. Ливонцы стоятъ то за Миндовга, то за его родственниковъ. Но и тотъ, и другой союзы недолговѣчны. Въ 1252 г. орденъ помогаетъ Миндовгу, а черезъ семь лѣтъ литовцы опустошаютъ Курляндію. Несомнѣнно, что отношенія между нѣмцами и литовцами были двойственныя; таковыми они изображаются и въ былинѣ.

Когда такимъ образомъ опредѣлилась эпоха возникновенія первоначальной версіи былины, уже нетрудно найти ея героя, князя Романа. Это—князь брянскій Романъ, сынъ извѣстнаго Михаила Черниговскаго, убитаго въ ордѣ (1245 г.) и признаннаго святымъ. Романъ Михайловичъ—довольно крупное лицо среди русскихъ князей XIII столѣтія. По родословнымъ, онъ былъ послѣ отца своего на княженіи въ Черниговѣ и Брянскѣ, гдѣ мы его видимъ съ 1263 г. и гдѣ протекла его главная дѣятельность. Поводомъ къ сложенію былины послужило первое столкновеніе этого князя съ литовцами, случившееся въ 1263 году. Волынская лѣтопись довольно подробно описываетъ это событіе.

„Послалъ бяшетъ Миндовгъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа на Дебряньского князя". Далѣе лѣтопись разсказываетъ о томъ, что случилось въ Литвѣ послѣ выступленія войска въ походъ: именно, Довмонтъ, который отправился вмѣстѣ съ другими князьями, улучивъ удобную минуту, неожиданно вернулся въ Литву и умертвилъ Миндовга съ обоими его сыновьями. Отсюда видно, что походъ былъ предпринятъ не самимъ Миндовгомъ, а

другими мелкими князьями (Довмонтъ былъ княземъ нальщанскимъ), хотя по его инищіативѣ. Вѣроятно, цѣлью Миндовга было удалить изъ Литвы своихъ родственниковъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ 1252 году по отношенію къ племянникамъ Тевтивилу и Эрдивилу.

Послѣ разсказа объ этомъ сыбытіи и о другихъ, происшедшихъ въ Литвѣ, лѣтопись описываетъ конецъ похода литовскихъ князей. Въ это время Романъ выдавалъ замужъ свою четвертую дочь Ольгу за волынскаго князя.

„Бысть свадба („веселье") у Романа князя у Дьбряньского, и нача отдавати милую свою дочерь, именемъ Олгу, за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго князя Романа Галичкаго. И в то веремя рать приде литовьская на Романа. Онъ же бися с ними и побѣди я, самъ же раненъ бысть, и немало бо показа мужьство свое, и пріѣха во Дебрянескъ с побѣдою и честью великою, и не мня раны [1]) на тѣлеси своемь за радость. И отда дочерь свою: бѣахуть бо у него иныѣ три, а се четвертая; сія же бяшеть ему всихъ милѣе. И посла с нею сына своего старѣйшего Михаила и бояръ много" [2]).

Отмѣтимъ въ этомъ разсказѣ нѣсколько фактовъ, съ которыми можно сблизить былину. Литовцы на Брянскъ не нападаютъ: Миндовгъ посылаетъ войско *за Днѣпръ, на Романа*; и далѣе повторяется, что рать пришла на Романа, а не на Брянскъ. Во время нападенія князь занятъ приготовленіями къ свадьбѣ дочери: узнавъ о набѣгѣ, онъ самъ бьется съ врагами и одерживаетъ славную побѣду.

По былинѣ, во время набѣга королевичей князя Романа нѣтъ дома. Они разоряютъ три села подъ городомъ,

„Не доѣдучись до князя Романа Митріевича" [3]);

заѣхать въ городъ они „не смѣютъ" [4]). Романъ отправляется въ погоню за королевичами, настигаетъ ихъ на берегу Березины и мститъ за нападеніе.

Какіе именно литовскіе князья произвели набѣгъ на владѣнія Романа, Волынская лѣтопись не сообщаетъ. Но несомнѣнно, что въ этомъ походѣ не участвовали сыновья Миндовга, такъ какъ

[1]) Т. е. не думая о ранѣ.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, 569.

[3]) Рыбниковъ, I, 424.

[4]) Тамъ же, 432.

оба сына, находившіеся при отцѣ, были убиты Довмонтомъ, а третій сынъ, Войшелгъ, находился въ это время въ Волынской землѣ, у Даніила и Василька. Изъ племянниковъ Миндовга въ походѣ не могли участвовать ни Тройнатъ (Тренята), который въ это время исполнялъ порученіе Довмонта, убивалъ Миндовга, ни Тевтивилъ, который уже одиннадцать лѣтъ княжилъ въ Полоцкѣ, помогалъ русскимъ князьямъ въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами и при томъ въ томъ же 1263 году былъ убитъ въ Полоцкѣ Тройнатомъ. Изъ родственниковъ Миндовга въ походѣ могли принимать участіе два молодыхъ князя: Эрдивилъ и Зивибундъ. Эрдивилъ былъ племянникомъ Миндовга; въ 1252 году онъ произвелъ набѣгъ на Смоленскъ и занялъ нѣсколько городовъ въ Друцкомъ княжествѣ (часть Полоцкой области); т. н. „литовскія" лѣтописи, а также польскій хронистъ Стрыйковскій, пользовавшійся ими, называютъ его первымъ великимъ княземъ новогрудковскимъ (Новогрудокъ—въ зап. части Минской губ.). Въ какой степени родства находился Зивибундъ по отношенію къ Миндовгу, достовѣрно не извѣстно; „литовскія" лѣтописи называютъ его жмудскимъ княземъ, преемникомъ Выкынта, а послѣдній, судя по Волынской лѣтописи и по позднему западно-русскому своду [1]), былъ дядей Тевтивила [2]) и Эрдивила, слѣд., братомъ или, скорѣе, свойкомъ Миндовга.

Итакъ, въ набѣгѣ на владѣнія Романа могли участвовать Эрдивилъ и Зивибундъ. Стрыйковскій разсказываетъ объ одномъ походѣ на Русь, предпринятомъ этими двумя молодыми князьями. По словамъ польскаго хрониста, князья захватили города: Суражъ, Брянскъ и Бѣльскъ. Что касается послѣдняго города, то его названіе попало въ это извѣстіе, вѣроятно, по ошибкѣ, такъ какъ походъ на этотъ западный городъ (правда, принадлежавшій

---

[1]) См. Лѣтопись по Ипатскому списку, 541, 543; Narbutt, Pomniki do dziejów Litewskich. Kronika Litewska, 7, 8. Стрыйковскій ошибочно называетъ Эрдивила братомъ Выкынта. См. у Тихомирова, о составѣ т. н. литовскихъ лѣтописей: Ж. Мин. Нар. Пр. 1901, май, стр. 118.

[2]) Соловьевъ (Исторія Россіи, I, 865, прим. 1) различаетъ двухъ Тевтивиловъ—сына брата Миндовга и сына его сестры. Но такое различеніе было бы правильнымъ только въ томъ случаѣ, если бы западно-русскіе лѣтописцы хорошо были освѣдомлены относительно литовскихъ событій, чего въ дѣйствительности не было.

еще русскимъ князьямъ; теперь—въ Гродненской губ.) трудно соединить съ походомъ на Черниговскую область, въ составъ которой входили Суражъ и Брянскъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія не довѣрять разсказу польскаго хрониста, который всегда очень добросовѣстно излагалъ свои источники и ничего не выдумывалъ самъ. Поэтому въ этомъ разсказѣ нужно видѣть иное извѣстіе о томъ же походѣ на князя Романа въ 1263 году, который описанъ въ Волынской лѣтописи. Что касается нѣсколько иной окраски результатовъ похода, то она не можетъ возбуждать недоумѣнія: Волынская лѣтопись лучше знаетъ о томъ, что произошло въ Черниговской области, хотя не знаетъ литовскихъ князей, участниковъ похода; наоборотъ, литовская или польская хроника, которую излагалъ Стрыйковскій, лучше была освѣдомлена относительно участвовавшихъ въ нападеніи князей, хотя не имѣла опредѣленныхъ свѣдѣній объ его результатѣ.

Если Волынская лѣтопись и Стрыйковскій говорятъ объ одномъ и томъ же событіи, то соединеніе этихъ двухъ извѣстій еще болѣе отвѣчаетъ былинному разсказу. Князья, двигаясь отъ Новогрудка или Бѣльска къ Суражу и Брянску, не могли миновать переправы черезъ Березину; на обратномъ пути домой также необходимо было переправиться черезъ эту рѣку. Былинный образъ двухъ королевичей вполнѣ отвѣчаетъ двумъ молодымъ князькамъ, новогрудковскому и жмудскому, которые довольствуются своими удѣлами и не пытаются спорить ни съ „королемъ" Миндовгомъ, ни съ сильными князьями, въ родѣ Довмонта, Тройната или Тевтивила.

Теперь посмотримъ, насколько образъ былиннаго героя отвѣчаетъ тому, что намъ извѣстно о Романѣ Брянскомъ.

Это, несомнѣнно,—одинъ изъ наиболѣе выдающихся князей XIII вѣка. Къ сожалѣнію, намъ о немъ извѣстно очень мало. Въ общерусскихъ лѣтописныхъ сводахъ его имя попадается только въ одномъ мѣстѣ (подъ 1285 г.). Нѣкоторое представленіе о личности князя Романа можно составить только по западнорусскимъ лѣтописямъ, преимущественно по Волынской лѣтописи. Въ 1274 г. Романъ, по приказанію татарскаго хана Меньгу-Темира, помогалъ галицкому князю Льву въ его борьбѣ съ литовцами. Меньгу-Темиръ послалъ на помощь Льву татарское войско, всѣхъ заднѣпровскихъ князей: „Романа Дьбряньского (с) сыномъ

Олгомъ, и Глѣба князя Смоленьского, (и) иныихъ князий много". Здѣсь, какъ мы видимъ, Романъ поставленъ на первомъ мѣстѣ въ ряду заднѣпровскихъ князей. Нѣсколько князей и татары встрѣтились съ Львомъ, который, не дожидаясь другихъ князей, воевавшихъ въ это время Полѣсье, хотѣлъ осадить Новогрудокъ; „татарови же", говоритъ лѣтописецъ, „*велми жадахуть* Романа, абы притяглъ" (присоединился). Только на другой день послѣ взятія Новогрудка пришли „Романъ и Глѣбъ *съ великою силою*". Разгнѣванный тѣмъ, что его не дождались, Романъ отказался отъ продолженія похода, хотя раньше князья предполагали идти въ Литовскую землю, и вернулся домой. Его зять, Владимиръ Васильковичъ, упрашивалъ его погостить у него и повидаться съ дочерью; „Романъ же отопрѣся ему, тако река: „Сыну мой Володимеру, *не могу отъ рати своей ѣхати*; се хожю въ земли ратной, *а кто ми допровадитъ рать мою домовъ*" [1])? Въ этомъ разсказѣ довольно ярко обрисовывается образъ идеальнаго князя, который, заботясь о своей дружинѣ, не можетъ никому ее довѣрить и самъ провожаетъ ее домой изъ вражеской земли. Насколько силенъ былъ этотъ князь, видно изъ того, что безъ него татары боялись напасть на Новогрудокъ; войска брянскаго и смоленскаго князей прямо названы „великою силою". Немудрено, что въ 1285 г. Романъ пытался даже овладѣть Смоленскомъ, при чемъ онъ разорилъ много селъ и сжегъ пригородъ [2]). Авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ Смоленской области, виденъ изъ грамоты рижскаго епископа къ смоленскому великому князю Θедору: въ этой грамотѣ, написанной между 1281 и 1284 гг., жители Витебска жалуются на рижанъ передъ брянскимъ княземъ, котораго называютъ „намѣстникомъ" великаго князя Смоленскаго [3]).

Вотъ всѣ историческія свѣдѣнія о князѣ Романѣ. Западнорусскія лѣтописи, отличающіяся отсутствіемъ точности въ передаваемыхъ ими свѣдѣніяхъ, повѣствуютъ еще о борьбѣ Романа съ Гедиминомъ. Краткое извѣстіе объ этомъ находится въ Густынской лѣтописи:

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, 575—577.
[2]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 207.
[3]) Ждановъ, ор. с., 569.

„Паки Гедиминъ, князь Литовскій, Овруче и Житомиръ взять подъ княземъ Кіевскимъ Станиславомъ. Въ то же время и самого князя Станислава Кіевского, и Лва Луцкого, и Романа Брянского и прочіихъ поразп, и Кіевъ подъ нимъ взять, и потомъ Каневъ, Черкасы, Путывль, Брянско и Волынь [1])".

Это извѣстіе поставлено подъ 1305 годомъ. Въ другихъ лѣтописяхъ обозначены другіе года. „Кіево-Печерская рукопись XVI вѣка говоритъ, что Гедиминъ въ 1333 году пошелъ на князя кіевскаго Станислава, разбилъ его русско-*татарское* войско на рѣкѣ Ирпени и, выгнавши татаръ, подчинилъ себѣ Кіевъ" [2]). Объ этомъ разсказывается и въ польскихъ хроникахъ, но тамъ происшествіе отнесено къ 1321 году. О татарахъ тутъ нѣтъ рѣчи; на помощь Станиславу выступаютъ переяславскій князь Олегъ брянскіе князья Святославъ и Василій и луцкій князь Левъ. Послѣ пораженія на р. Ирпени Станиславъ бѣжитъ въ Брянскъ съ тамошними князьями [3]). Отнесеніе этого событія къ 1321 году представляетъ анахронизмъ. Святославъ со своимъ племянникомъ Василіемъ княжилъ въ Брянскѣ только до 1309 года, а въ слѣдующемъ году онъ былъ убитъ. Василій умеръ въ 1314 г. [4]).

Такимъ образомъ, большаго вѣроятія заслуживаетъ годъ, выставленный въ Густынской лѣтописи, но тамъ мы, къ удивленію, встрѣчаемъ, вмѣсто Святослава и Василія, князя Романа. Объ этомъ же князѣ говоритъ и подробный разсказъ литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ [5]). Князь Левъ (Юрьевичъ) былъ выгнанъ Гедиминомъ изъ Луцка, „и онъ не смѣлъ противустати ему, и побѣжитъ до князя Романа, до зята своего, ку Браньску". Гедиминъ зиму провелъ въ Берестьѣ (Волынской губ.), „и скоро Великдень минулъ, и онъ, собравши вси свои силы, Литовскіи, Жомойтскіи (жмудскія) и Рускіи, и на другой недѣли по Велицѣ дни поиде на князя Станиславля Кіевского... И князь Станиславль Кіевски, обославшися зъ княземъ Ольгомъ Переславльскимъ, и зъ княземъ Романомъ Браньскимъ и зъ княземъ Львомъ Волыньскимъ, и сподкалися (встрѣтились) зъ княземъ великимъ

[1]) П. С. Р. Л. II, 348.
[2]) Соловьевъ, ор. с. I, 933, прим.
[3]) Ib., 932–933.
[4]) П. С. Р. Л. X, 177, 178.
[5]) Narbutt, ор. с., 15.

Гидиминомъ на рѣцѣ на Рпени, и вчинили бой и сѣчу великую. И поможе Богъ в. кн. Гидимину: побьетъ всихъ князей руских на голову, и войско ихъ все побитое на мѣйсцу зостало... И въ малѣ дружинѣ Станиславль Кіевски и зъ Романомъ Браньскимъ втекутъ до Браньска".

Разсказъ носитъ на себѣ слѣды устной передачи: Гедиминъ отправляется въ походъ послѣ Пасхи [1]); на пути изъ Луцка въ Овручъ, въ Волынской землѣ, онъ ухитряется собрать всѣ силы литовскія и жмудскія; нѣкоторыя выраженія прямо какъ-будто взяты изъ народнаго преданія: „князи-бояре волынскіе"; „вчинили бой и сѣчу великую"; „и поможе Богъ в. кн. Гидимину". Послѣднее выраженіе очень часто встрѣчается въ былинахъ, напр. въ былинѣ о Романѣ:

„Во землѣ во Ливонской.

„На бою имъ (королевичамъ) пришла Божья помочь" [2]).

Нужно думать, что о покореніи южной Руси Гедиминомъ ходили народные разсказы, впослѣдствіи записанные лѣтописцемъ. Этимъ только можно объяснить разницу между извѣстіями различныхъ лѣтописей.

Мы видѣли, что польскія хроники упоминаютъ брянскихъ князей Святослава и Василія, но единственная рукопись полнаго свода литовской лѣтописи и краткое извѣстіе Густынской лѣтописи говорятъ уже о Романѣ Брянскомъ. Ясно, что имя послѣдняго замѣнило болѣе отвѣчающія правдѣ имена Святослава и Василія, и замѣна эта объясняется тѣмъ, что имя Романа было популярно въ Западной Россіи, и потому, если рѣчь шла о брянскомъ князѣ, то онъ назывался Романомъ. Лѣтописецъ представляетъ себѣ брянскаго князя самымъ сильнымъ изъ южныхъ князей: у него ищетъ убѣжища побѣжденный литовцами луцкій князь, у него проситъ помощи кіевскій князь и находитъ себѣ пріютъ послѣ пораженія.

Въ былинѣ Романъ изображается старикомъ. Что касается брянскаго князя, то онъ дожилъ, несомнѣнно, до глубокой ста-

---

[1]) Въ той же лѣтописи есть легендарное сказаніе о нападеніи Ольгерда на Москву. Ольгердъ, давши обѣщаніе похристосоваться съ московскимъ княземъ краснымъ яйцомъ, подступаетъ къ Москвѣ на самый день Пасхи. См. Ж. М. Н. Пр. 1901, май, стр. 34; Narbutt, op. c. 21—22.

[2]) Рыбниковъ, I, 431.

рости. По лѣтописямъ извѣстно, что сестра Романа Марья вышла замужъ въ 1227 г.; въ 1263 г. Романъ выдавалъ замужъ уже свою четвертую дочь; слѣдов., ему было въ это время не менѣе 45 лѣтъ. Въ 1285 году, мы знаемъ, онъ самъ ведетъ свое войско къ Смоленску и опустошаетъ его окрестности; въ это время ему уже не менѣе 67 лѣтъ. Слѣдовательно, онъ предводительствуетъ войскомъ, будучи старымъ старикомъ.

Теперь обратимся къ вопросу объ отчествѣ Романа. Во всѣхъ пересказахъ былины о двухъ королевичахъ Роману придается отчество Дмитріевичъ. Настоящее отчество Романа Брянскаго— Михайловичъ—въ этой былинѣ не сохранилось, но, быть можетъ, оно сохранилось въ одномъ пересказѣ распространенной пѣсни о томъ, какъ „князь Романъ жену терялъ". Въ большинствѣ варіантовъ этой пѣсни [1]) Романъ не называется по отчеству. Въ сборникѣ Кирши Данилова и въ двухъ записяхъ А. Д. Григорьева [2]) онъ носитъ отчество Васильевича, но въ пересказѣ, записанномъ мною на Терскомъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Варзугѣ, это отчество носитъ его жена Марья, а самъ Романъ называется Михайловичемъ. Если отдать предпочтеніе въ вѣрности старинѣ бѣломорскому пересказу и считать отчество Романа „Васильевичъ" перенесеннымъ отъ имени его жены, то обратной замѣной можно объяснить, почему въ одномъ пересказѣ жена князя называется „Михайловной" [3]). Отчество Романа „Михайловичъ" могло перейти въ эту пѣсню изъ былины о королевичахъ, а впослѣдствіи въ былинѣ оно замѣнилось другимъ отчествомъ.

Нужно сказать, что отчество Романа во всѣхъ пересказахъ былины [4]) строго соотвѣтствуетъ отчеству его сестры Настасьи, похищаемой королевичами. Ждановъ, на основаніи одного пере-

---

[1]) Соболевскій, Великор. нар. пѣсни, I, №№ 90—96.

[2]) Одна изъ этихъ записей была сдѣлана въ 1900 г. на р. Пинегѣ, въ д. Лохновѣ, другая—въ 1901 г. на р. Мезени, въ д. Тиглявѣ. Вторая запись сохраняетъ имя княгини, которая называется Марьей Ондреяновной. Первая запись недавно напечатана: см. Архангельскія былины и историческія пѣсни, запис. А. Д. Григорьевымъ, I, 460.

[3]) Соболевскій, № 96 = Рыбниковъ, III, стр. 342. Эта замѣна могла явиться вслѣдствіе искаженія такого предполагаемаго выраженія: * „княгиня Романова, баска-хороша свѣтъ-Михайловича".

[4]) Кромѣ путанаго пересказа Гильфердинга, № 12, гдѣ похищаемая женщина названа Авдотьей Ивановной, *племянницей* Никиты Романовича; пѣвецъ

сказа, называющаго Настасью женой Романа, рѣшаетъ, что въ основной редакціи былины говорилось о похищеніи жены, а не сестры Романа (стр. 466, 492, прим. 2). Онъ говоритъ, что къ такому рѣшенію склоняетъ сравненіе былины со сказаніями о похищенной женѣ Соломона: „подробности этихъ послѣднихъ сказаній могли оказаться въ былинахъ о Романѣ только въ томъ случаѣ, если похищенною изображалась *жена*". Въ сущности Ждановъ отмѣчаетъ одну только такую подробность—„вызовъ дружины троекратнымъ звуковымъ сигналомъ" (стр. 483), при чемъ онъ самъ же говоритъ, что этотъ эпизодъ представляетъ общее мѣсто въ эпической поэзіи разныхъ народовъ. Такимъ образомъ, этотъ аргументъ уничтожается. Другимъ аргументомъ Ждановъ выставляетъ сравненіе нашей былины съ былиной о похищеніи Марьи Юрьевны, жены князя Романа. Но авторъ ничѣмъ не доказываетъ, что эта послѣдняя былина представляетъ собою хотя бы даже отдаленный варіантъ былины о королевичахъ. Итакъ, нужно думать, что въ этой былинѣ говорилось о похищеніи *сестры* князя Романа.

Соотвѣтствіе отчествъ князя и его сестры заставляетъ думать, что въ той версіи нашей былины, гдѣ уже говорилось о похищеніи сестры князя, послѣдній назывался Дмитріевичемъ. Теперь является вопросъ, къ какой эпохѣ можно отнести появленіе такой, вторичной, версіи? Мы уже знаемъ, что въ большинствѣ пересказовъ упоминается Москва, но Москва не царская, а еще княжеская, потому что ея правитель упорно называется княземъ. Это соображеніе опредѣляетъ эпоху переработки былины, какъ вѣка XIV—XV. Предположительно эту эпоху можно опредѣлить точнѣе, если обратить вниманіе на былину, записанную отъ сказителя Касьянова [1]). Отъ другихъ пересказовъ эта былина отличается нѣкоторыми особенностями: король носитъ названіе не Чумбала (Цимбала), а Чолпана [2]); вѣсть о нападеніи королеви-

---

самъ обнаруживаетъ свою ошибку, передавая далѣе о томъ, что сынъ Авдотьи называетъ Никиту Р. *дядюшкой*.

[1]) Тихонравовъ и Миллеръ, II, 261.

[2]) Ждановъ замѣтилъ (стр. 502, прим. 1), что имя Чимбалъ напоминаетъ имя татарскаго царя Кумбала въ былинѣ о Суровцѣ-Суздальцѣ, но не пытался объяснить это имя. Быть можетъ, это не имя, а прозвище, въ родѣ Милитрисы, Соловья Будимировича, Хотѣна, Чайны, Дюка и т. п. Тогда наимено-

чей приноситъ князю не птица, а гонецъ, и наконецъ, самъ князь называется Константиномъ Дмитріевичемъ, и при томъ, молодымъ, а не старикомъ. Королевичи просятъ своего дядю отпустить ихъ съѣздить

«На святую Русь, въ каменну Москву,
Къ молодому князю Константину Дмитричу,
Погостить къ нему,
А каменну Москву подъ себя забрать».

Очевидно, въ пересказѣ Касьянова мы имѣемъ отличную отъ другихъ версію былины. Имя князя не эпическое, оно не встрѣчается ни въ какой другой былинѣ, а потому является вопросъ, не вошло ли оно въ эту версію былины изъ какихъ-либо историческихъ преданій?

Былъ, дѣйствительно, московскій князь Константинъ Дмитріевичъ, у котораго была сестра Анастасія. Личность этого князя могла привлечь къ себѣ народную симпатію. Какъ самый младшій, седьмой, сынъ Дмитрія Донского, родившійся за четыре дня до отцовской смерти (1389 г.), Константинъ не могъ получить хорошаго удѣла (старшій братъ сначала выдѣлилъ ему только Тошну и Устюжну) и долженъ былъ собственными стараніями выдвинуться изъ среды многочисленныхъ старшихъ родственниковъ. И дѣйствительно, мы видимъ впослѣдствіи въ его рукахъ гораздо болѣе значительныя волости: Угличъ, Ржевъ, Бѣжецкъ и нѣсколько костромскихъ и звенигородскихъ волостей. Онъ отличается независимымъ характеромъ, и когда старшій его братъ

ваніе короля можно было бы объяснить словомъ цимбалъ, кимвалъ, греческое κύμβαλον. Ср. Архангельскія былины и историч. пѣсни, Григорьева, I, 376:

Мы (скоморохи) пошли на инишное царство
Переигрывать царя-собаку,
Еще сына его да *Перегуду*,
Еще зятя его да Пересвѣта,
Еще дочь его да Перекрасу.

Слово кимвалъ встрѣчается въ славянскихъ рукописяхъ XII—XVI вв. въ формахъ: „кумболъ, кумвалъ, кумбаль“. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, vv. ss. Но должны были существовать также формы * „кумбалъ“ и * „чумбалъ“, какъ существовали Купріянъ, Курило, Чупріанъ, Чурило—при Кипріанъ, Кириллъ.

Слово „чолпанъ“ до сихъ поръ употребляется въ Олонецкой губ. въ смыслѣ „дуракъ“. Куликовскій, Словарь областного олонецкаго парѣчія, 133.

великій князь Василій обязываетъ братьевъ договоромъ „блюсти великое княженіе и подъ сыномъ его“, онъ, вмѣстѣ со старшимъ братомъ Юріемъ, не хочетъ отказаться отъ своихъ правъ въ пользу племянника. Въ 1419 г. онъ оказываетъ явное сопротивленіе великому князю, потребовавшему отъ братьевъ, чтобы они отреклись отъ своихъ правъ на старшинство въ пользу племянника: „Этого отъ начала никогда не бывало“, говорилъ молодой князь: „зачѣмъ ты насильно хочешь заставить меня такъ сдѣлать?“ Не желая быть въ подчиненіи у племянника, онъ ушелъ въ Новгородъ, гдѣ его приняли съ честью. А великій князь отнялъ у него всю вотчину, захватилъ его бояръ, отнялъ у нихъ все имущество, а самихъ ихъ заключилъ въ оковы и отправилъ въ ссылку. По смерти старшаго брата, въ 1425 г., Константинъ участвуетъ въ распрѣ между племянникомъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и независимымъ Юріемъ, причемъ, повидимому, стоитъ на сторонѣ брата, а не племянника [1]). Въ 1433 г. къ Константину, въ Угличъ, бѣжитъ московскій бояринъ, поссорившійся съ великимъ княземъ [2]).

Нужно думать, что онъ участвовалъ въ походахъ войскъ Василія Дмитріевича противъ Литвы, которые почти безъ перерыва совершались въ началѣ XV ст., хотя объ этомъ нѣтъ прямыхъ свѣдѣній. Но, безъ сомнѣнія, его имя было популярно въ Псковской и Новгородской областяхъ. Въ Новгородѣ онъ былъ намѣстникомъ великаго князя въ 1408 г. Во второй разъ, послѣ ссоры съ Василіемъ, онъ пробылъ въ Новгородѣ два года (1419—1421), причемъ участвовалъ въ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами [3]).

Самымъ славнымъ дѣломъ Константина былъ походъ съ псковичами противъ нѣмцевъ, совершенный въ 1407 году, когда князю было еще 18 лѣтъ. Что этотъ походъ имѣлъ большое значеніе, видно уже изъ того, что мы о немъ имѣемъ четыре различныхъ лѣтописныхъ извѣстія [4]). Наиболѣе подробное извѣстіе находится, конечно, въ Псковской лѣтописи. Константинъ просилъ

---

[1]) Такъ думаетъ Соловьевъ: ор. с. I, 1052; о Константинѣ см. также стр. 1002, 1014, 1019, 1045—7, 1062, 1131—2.

[2]) П. С. Р. Л. XII, 17.

[3]) П. С. Р. Л. XI, 236.

[4]) 1) Псковская лѣтопись, 2) Новгородская I, 3) Новгородская IV и Авраамки 4) Воскресенская и Никоновская.

помощи противъ нѣмцевъ у новгородцевъ; тѣ отказали. „И потомъ того же лѣта кн. в. Константинъ, *еще унъ сый верстою, но совершенъ умомъ*, съ мужи-псковичи, подъемше всю свою область и пригороды, и идоша за Норову воевать мѣсяца іюня въ 26... И перевозишася Норову наутрія Петрова дни, и поидоша въ землю Нѣмецкую къ Порху, и повоеваша много погостовъ и много добытка добыша. Не бывало войны псковичамъ тамъ въ иныя розратья; толко князь Домонтъ, и потомъ князь Давыдъ со псковичи тамо воеваша. И поидоша псковичи со кн. в. Константиномъ во свою землю вси здоровы, и сохранени быша помощью св. Троица. А ходиша воевать на конехъ, а иніи въ лодьяхъ" [1]).

Псковскій лѣтописецъ описываетъ походъ въ восторженныхъ выраженіяхъ: въ другія войны псковичамъ никогда не бывало такой удачи; такой далекій походъ даетъ поводъ лѣтописцу вспомнить о подвигахъ князя Довмонта, который жилъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до того времени. Такимъ же удачнымъ изображаютъ походъ и другія лѣтописи. Новгородская I говоритъ, что псковичи взяли городъ Порхъ и повоевали много нѣмецкихъ селъ; лѣтопись Авраамки и Новгородская IV тоже упоминаютъ о взятіи Константиномъ нѣмецкаго „городка" Порха; Воскресенская и Никоновская лѣтописи говорятъ, что Константинъ „много воевалъ земли Нѣмецкія, и людей много изсѣче, а иныхъ плѣни, и взя градъ нѣмецкій, именемъ Явизна".

Для установленія соотношенія между разсказомъ о походѣ Константина и былиной въ пересказѣ Касьянова обратимъ вниманіе на то, что псковскій лѣтописецъ называетъ князя юнымъ по годамъ, но взрослымъ по уму; затѣмъ, князь идетъ въ походъ за рѣку. Въ былинѣ князь также называется молодымъ: нагоняетъ онъ королевичей также за рѣкой (Смородиной).

На основаніи вышеизложеннаго можно думать, что личность младшаго сына Димитрія Донского отразилась на имени Константина Дмитріевича въ пересказѣ Касьянова и на отчествѣ князя Романа въ другихъ пересказахъ. Повидимому, и замѣна города Брянска („Сребрянскаго") Москвою находится въ связи съ преданіями о молодомъ московскомъ князѣ. Если это такъ, то имя

---

[1]) П. С. Р. Л. IV, 198.

княгини, увезенной королевичами, восходитъ къ имени сестры Константина Дмитріевича Настасьи, о которой лѣтописи говорятъ подъ 1397 годомъ, когда она вышла замужъ въ Торжокъ, за князя Ивана Всеволодовича Тверского, и подъ 1400 годомъ, когда супруги вмѣстѣ съ боярами ѣздили въ Тверь. Иванъ Всеволодовичъ, также какъ и Константинъ, имѣетъ отношеніе къ исторіи Пскова: онъ былъ псковскимъ княземъ въ 1399 году [1]).

Итакъ, можно думать, что въ началѣ XV в. былина о князѣ Романѣ была переработана примѣнительно къ историческимъ событіямъ, происходившимъ въ это время въ Москвѣ и Псковѣ. Эта переработка не коснулась всего строя былины; пѣвцы ограничились только тѣмъ, что ввели въ нее нѣсколько новыхъ именъ и измѣнили нѣкоторыя подробности (напр., явился гонецъ вмѣсто птицы). Подобныхъ подновленій былинъ мы знаемъ очень много; укажу на вставки въ старыя былины именъ Самсона Колыванова (былина о Камскомъ побоищѣ), Мамая, Ермака, Сигизмунда [2]).

Предлагаемая читателямъ статья была уже написана, когда явился новый матеріалъ для рѣшенія вопроса о личности былиннаго князя Романа. Въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ за 1903 годъ (тома VIII книжка 3, стр 307 и слѣд.), среди новыхъ былинъ изъ записей г. Ончукова на Печорѣ, приведена интересная казацкая пѣсня о Данилѣ Борисовичѣ. Я не буду подробно излагать этотъ новый для науки о русскомъ эпосѣ матеріалъ, такъ какъ пѣсня о Данилѣ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ интересующей меня былинѣ, и остановлюсь только на той части пѣсни, которая представляетъ сходство съ былиной.

Въ пѣснѣ о Данилѣ Борисовичѣ разсказывается о томъ, какъ этотъ атаманъ донскихъ казаковъ приказалъ построить стругъ на 500 человѣкъ и со своими товарищами отправился къ персидскому шаху; на устьѣ Дона казаковъ хватила погода, и они поѣхали назадъ по тихому Дону.

---

[1]) П. С. Р. Л. XI, 167, 183, 171.

[2]) В. Ѳ. Миллеръ, Очерки р. нар. слов., 152.

«Воротились они назадъ по тиху Дону,
По тиху Дону нынче въ городъ Ростовъ,
Али къ Митрію, царю до право Бранскому;
А постигла нхъ тутъ да темна ноченька.
Кабы Митрія, царя до право Бранскаго,
Его въ городѣ какъ дома не случилося;
Только была у него право родна сестра,
А родна сестра съ маленькимъ наслѣдникомъ.
Разорили де они да весь Бранскій городъ;
А сестра де съ наслѣдникомъ одна выбралась.
Какъ серебро они вѣдь, золото все обрали,
Убрались они да сами вѣдь изъ города,

сѣли на стругъ и поѣхали по Дону.

Кабы послѣ того да послѣ этого
А пріѣхалъ де Митрій, царь вѣдь Браницкій:
Али все разорено его имущество...
Али Митрій-оть-ли Бранскій онъ хитёръ-мудёръ,
У него вѣдь есть науки казацкія,
Ужъ казацкія науки да молодецкія:
Онъ заставилъ затопить печку-муравленку,
Али взялъ онъ свое да чернокнижьице,
Али сталъ онъ книжку эту прочитывать,
Кабы сталъ онъ слова таки выговаривать:
«Ужъ впередъ чтобы ходу да имъ вѣдь не было!»

Затѣмъ онъ взялъ лукъ со стрѣлами, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ погоню за разбойниками. Онъ настигъ стругъ съ казаками, стоявшій на якорѣ посреди рѣки, и стрѣлой убилъ Данилу Борисовича. Далѣе разсказывается, какъ Данило вставалъ изъ могилы до тѣхъ поръ, пока казаки его не проткнули осиновымъ коломъ.

Несомнѣнно, что весь эпизодъ съ Дмитріемъ Бранскимъ представляетъ вставку. Столкновеніе брянскаго правителя съ казаками совершенно не мотивировано; самъ Митрій, царь Бранскій, оказывается почему-то въ Ростовѣ на Дону. Ясное дѣло, что его личность введена въ казацкую пѣсню не очень давно, когда она стала искажаться въ устахъ сѣверныхъ сказителей. Это соображеніе подтверждается другимъ пересказомъ той же старины о Данилѣ, изложеннымъ въ статьѣ г. Ончукова. Нужно замѣтить, что этотъ пересказъ былъ записанъ отъ восьмидесятилѣтняго старика и потому, естественно, отличается большею архаичностью.

Здѣсь совсѣмъ на упоминается о брянскомъ царѣ. На устьѣ Дона разбойники грабятъ купеческіе корабли, обираютъ заморскіе товары и возвращаются назадъ. Ограбленные купцы молятся Богу, и вотъ находитъ туча, и громовая стрѣла поражаетъ Данилу въ грудь. Такая версія разсказа вполнѣ соотвѣтствуетъ образу Данилы-колдуна и отвѣчаетъ концу пѣсни, гдѣ говорится о явленіи умершаго атамана его товарищамъ и о пригвожденіи его въ могилѣ осиновымъ коломъ.

Итакъ, личность Дмитрія Брянскаго введена въ былину поздно. Нетрудно догадаться, откуда весь этотъ эпизодъ былъ перенесенъ въ казацкую пѣсню. Дмитрій Брянскій, это—тотъ же Романъ. Въ отсутствіе Романа, литовцы нападаютъ на его владѣнія и похищаютъ его сестру и маленькаго племянника. Во вставочномъ эпизодѣ нѣтъ похищенія, но упоминается о сестрѣ Митрія, которая выбѣжала одна изъ города съ маленькимъ наслѣдникомъ. Какъ Романъ, такъ и Дмитрій мстятъ за разореніе своихъ владѣній. Что касается ихъ характера, то онъ опредѣляется почти одинаково: Романъ „хитёръ-мудёръ", знаетъ птичьи языки, умѣетъ оборачиваться въ птицъ и въ звѣрей; Митрій тоже „хитёръ-мудёръ", знаетъ науки молодецкія, топитъ печку и колдуетъ посредствомъ чернокнижья. Такимъ образомъ, вновь записанная на Печорѣ былина подтверждаетъ выводъ относительно исторической основы былины о князѣ Романѣ. Здѣсь царь Дмитрій, соотвѣтствующій князю Роману [1]), называется прямо Брянскимъ. Нужно прибавить, что г. Ончуковымъ записана и цѣльная былина о Димитріи Бранскомъ [2]), но пока еще она не издана, о ней нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Слѣдовательно, происхожденіе былины изъ Брянской области можетъ считаться доказаннымъ.

---

[1]) Или *царю* Елизару сибирскаго пересказа (Ждановъ, 463, прим. 1). Интересно, что въ печорской записи царь называется не брянскимъ, а бранскимъ. Отвердѣніе *р* передъ гласными — явленіе, весьма распространенное въ прежнихъ (съ начала XV в.) и современныхъ *бѣлорусскихъ* говорахъ (Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, 122; Его же, Опытъ русской діалектологіи, I, 74, 77, 80 — 86, 88, 99; *Довнаръ-Запольскій*, Пѣсни пинчуковъ, стр. XIX). Форма „бранскій" встрѣчается въ двухъ былинахъ, найденныхъ въ сборникѣ начала XVIII в. и записанныхъ, конечно, не на Сѣверѣ: Тихонравовъ и Миллеръ, I, 8--9, 56.

[2]) Былинная поэзія на Печорѣ. Спб. 1903. Стр. 4, прим., 11.

Въ новой записи вмѣсто Романа Дмитріевича является имя Димитрія съ эпитетомъ „бранскій". Какъ объяснить эту замѣну? Мы знаемъ двухъ Димитріевъ, брянскихъ князей, но одинъ изъ нихъ (1372—1398) не могъ замѣнить Романа: это былъ литвинъ, сынъ Ольгерда [1]). Что касается другого Димитрія Брянскаго, то его личность могла какому-нибудь пѣвцу напомнить князя Романа. Мы уже знаемъ, что имя Романа попало въ общерусскіе лѣтописные своды, благодаря его попыткѣ въ 1285 году завладѣть Смоленскомъ; имя Димитрія мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ тоже однажды, и какъ-разъ находимъ извѣстіе также о его походѣ на Смоленскъ: „Того же лѣта (1333—1334) пріиде ратью съ татары князь Дмитрей Брянскій къ Смоленску на князя Ивана Александровичя и, бившеся много, взяша миръ" [2]). Если имя этого Димитрія попало въ былину, то это должно было произойти въ первой половинѣ XIV вѣка, когда въ былину еще не проникло названіе Москвы. Новая запись подтверждаетъ высказанное мною выше мнѣніе, что въ первоначальной версіи былины княгиня называлась не женою, а сестрою брянскаго князя.

Въ заключеніе подведемъ итоги нашихъ замѣчаній о былинѣ:

1) По поводу столкновенія брянскаго князя Романа съ литовцами въ 1263 году, возникли пѣсни, прославлявшія князя за успѣшное отраженіе враговъ.

2) Въ восьмидесятыхъ годахъ XIII в. выработалась былина, изображавшая Романа старымъ, но полнымъ энергіи предводителемъ дружины.

3) Въ первой половинѣ XIV в. въ эту былину, вмѣсто имени Романа, было вставлено имя брянскаго князя Димитрія, княжившаго въ Брянскѣ послѣ 1314 г. и раньше 1340.

4) Во второй половинѣ XIV в., съ переходомъ Брянска въ руки литовцевъ (послѣ 1356 г.), былина перекочевываетъ на сѣверъ; названіе г. Брянска начинаетъ забываться и замѣняется названіемъ Москвы; является „московскій рубежъ" и „московская пшеница" [3]).

5) Въ началѣ XV в. былина продвигается далѣе на сѣверъ, и въ области, лежащей между Москвой и Псковомъ, происхо-

1) См. Соловьева, op. c. I, 966; П. С. Р. Л. XI, 174, 56.

2) П. С. Р. Л. X, 206.

3) Рыбниковъ, I, 432.

дитъ новая ея переработка; имя князя Романа замѣняется именемъ сына Димитрія Донского, Константина; отчество послѣдняго переносится и въ тѣ старые пересказы, въ которыхъ князь продолжалъ именоваться Романомъ; сестра князя, похищаемая литовцами, воспринимаетъ имя сестры Константина Димитріевича— Настасьи.

Послѣдній выводъ (5) долженъ пока считаться только предположительнымъ.

Когда статья была уже набрана, вышли изъ печати „Печорскія былины" г. Ончукова. Здѣсь напечатано два варіанта былины о племянникахъ литовскаго короля. Новыя записи въ общемъ довольно близко стоятъ къ олонецкимъ пересказамъ, хотя въ нихъ многое уже сокращено и выпущено. О предварительномъ походѣ королевичей (въ Ливонію и т. п.) вовсе не упоминается, также какъ о выборѣ княземъ дружины и о рѣкѣ, за которой князь догналъ ихъ. Вмѣсто селъ, о которыхъ говорится въ большинствѣ олонецкихъ пересказовъ, королевичи разоряютъ Бранскій городъ въ отсутствіе князя. Вѣсть объ этомъ ему приносятъ ученые вороны. Кто былъ герой, Дмитрій Бранскій, объ этомъ не говорится въ двухъ новыхъ пересказахъ: онъ не называется ни княземъ, ни царемъ (какъ въ приведенной выше вставкѣ); ясно только, что онъ—владѣлецъ города Бранскаго, человѣкъ сильный, передъ которымъ склоняется литовскій король, не совѣтующій племянникамъ ѣхать противъ Дмитрія:

«Я не хуже васъ былъ да въ молоду пору;
Я тягался со Митріемъ вѣдь тридцать лѣтъ,
Я не могъ унести верха у Митрія...
А больша де у насъ съ нимъ да заповѣдь кладена,
А чтобы ни который ни на котораго не находить больше» [1]).

Король носитъ то же названіе, что и въ олонецкихъ пересказахъ (кромѣ пересказа Касьянова), но только съ фонетической утратой начальнаго согласнаго—„Имбалъ" (№ 54) и съ возстановленіемъ новаго—„Лимбалъ" (№ 37). Имени сестры Димитрія

---

[1]) Стр. 169—170, № 37.

(въ № 37—племянницы) вовсе нѣтъ. Въ новыхъ записяхъ, также какъ и въ олонецкихъ, разсказывается объ ея похищеніи и освобожденіи. Названіе города одно—Бранскій; Москва не упоминается. Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ одинъ изъ моихъ выводовъ.

III.

Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ.

Записанная мною на Бѣломъ морѣ былина о князѣ Глѣбѣ („Бѣломорскія былины", №№ 50 и 80) послужила матеріаломъ для статьи проф. В. Ѳ. Миллера: „Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ" (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія 1903 г., № 6, отд. 2, стр. 304—321). Предположительные выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, можно кратко формулировать слѣдующимъ образомъ:

1) Имя князя восходитъ къ Глѣбу, сыну Владимира Святого.

2) Былина сохраняетъ отголоски преданія о походѣ Владимира подъ Корсунь и его женитьбѣ на греческой царевнѣ.

3) Женская личность былины, получивъ въ XVII в. имя Марины (Мнишекъ), пріобрѣла и свойства, связанныя съ этимъ именемъ въ нашемъ эпосѣ.

4) Редакція былины, существовавшая до XVII в., кончалась не смертью корсунской дѣвицы, а ея увозомъ.

5) Слѣдъ этой редакціи остался въ пѣснѣ, записанной на Терекѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ первые три вывода, остановимся на двухъ послѣднихъ. Сдѣланы они путемъ сравненія былины съ пѣсней, записанной у гребенскихъ казаковъ, и анализа содержанія послѣдней. Этимъ анализомъ В. Ѳ. Миллеръ выяснилъ уже, что начало пѣсни, разсказывающее о плаваніи по морю тридцати кораблей съ купцами торговыми, представляетъ прикрѣпленіе къ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой другой, самостоятельной пѣсни, извѣстной и въ отдѣльномъ видѣ. Что касается той части, гдѣ говорится о Маринѣ, то, по мнѣнію автора, ее нельзя назвать въ полномъ смыслѣ слова варіантомъ архангельской

былины, хотя въ нихъ замѣтны нѣкоторыя общія черты. Чтобы опредѣленнѣе выяснить вопросъ объ отношеніи южной пѣсни къ сѣверной былинѣ, отвѣтимъ сперва на общій вопросъ: что представляютъ собою отголоски былинной традиціи на югѣ Россіи?

Въ южной Россіи былины сохранились почти исключительно у казаковъ—уральскихъ, донскихъ и терскихъ. Цѣльныхъ былинъ съ развитымъ содержаніемъ здѣсь не записано пока ни одной. Но мало попадалось собирателямъ и скомканныхъ былинныхъ версій; большинство же записей представляетъ изъ себя зачины былинъ, извѣстныхъ намъ въ полномъ видѣ въ сѣверныхъ пересказахъ. Такъ, извѣстно нѣсколько записей, описывающихъ выѣздъ Дюка Степановича и его вооруженіе; у уральскихъ казаковъ записана первая половина былины о Добрынѣ и Маринкѣ; первая половина былины объ Алешѣ и Тугаринѣ записана въ одной изъ станицъ Терской области; въ Донской области нашелся болѣе обширный пересказъ, но тоже нецѣльный; у терскихъ казаковъ нашлось также начало былины о Дунаѣ въ 18 строкъ [1]). Записанный тамъ же отрывокъ о турахъ и турицѣ осложненъ, также какъ и интересующая насъ терская пѣсня, запѣвомъ, который не имѣетъ отношенія къ дальнѣйшему разсказу и чисто внѣшнимъ образомъ спаянъ съ нимъ: пѣвецъ предлагаетъ своимъ слушателямъ „скинуться" по денежкѣ, купить вина и распить за городской стѣной, а затѣмъ посмотрѣть въ чистое поле. Затѣмъ слѣдуетъ такой переходъ къ разсказу о турахъ:

«Какъ не во далечѣ да во чистомъ полѣ
Тамъ не пыль-кура да сподымалася,
Сподымавши кура съ земли до неба:
Тамъ увидѣли два гнѣдыхъ тура...» и проч.

Это—не что иное, какъ запѣвъ довольно распространенной пѣсни о скименѣ-звѣрѣ. Терская пѣсня кончается эпизодомъ о турахъ и Богородицѣ, составляющимъ зачинъ былины о Василіи-пьяницѣ и Батыѣ [2]).

---

[1]) См. Кирѣевскій, III, 100; VII, прил., 15; Тихонравовъ и Миллеръ, II 126, 8, 188, 271, 273, 279; Сб. мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа, вып. XXII, отд. III. 35, 37; Этнограф. Обозр. LIII, 131—143, 125, 129; Таковы же новыя записи г. Листопадова въ Донской области, еще не напечатанныя.

[2]) Соболевскій I, 570. Подобный отрывокъ изъ Донской области—въ Этногр. Обозр. LIII, 139.

Для сравненія съ пѣсней о Маринѣ особенный интересъ представляетъ пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ, записанная въ Грозненскомъ округѣ Терской области. Эта пѣсня начинается обычнымъ разсказомъ о столкновеніи Ильи Муромца съ разбойниками, но конецъ ея вовсе не соотвѣтствуетъ началу:

Всходитъ старинушка (Илья Муромецъ) онъ во царскій кабакъ,
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Цѣловальники, вы кабатчики!
Вставайте поскорѣе,
Вы налейте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,
А любимому моему товарищу—
Ему вина на всю тысячу».
Цѣловальники перепужались,
Всѣ врозь-то разбѣжалися.
— Что это къ намъ пришелъ за пьяница,
Что это за питухъ такой!—[1])

Несомнѣнно, что приведенные стихи представляютъ отрывокъ изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и голяхъ кабацкихъ и приставлены къ первой пѣснѣ такъ же механически, какъ отрывокъ былины о Маринѣ—къ пѣснѣ о плаваніи купцовъ по морю.

Изъ всего сказаннаго видно, что былины, попадающіяся въ сборникахъ казацкихъ пѣсенъ, въ большинствѣ случаевъ дошли до насъ въ видѣ нѣсколькихъ начальныхъ стиховъ; изрѣдка встрѣчаются спайки различныхъ частей пѣсенъ и былинъ. Обратимся теперь къ интересующей насъ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой. Приведемъ эту пѣсню въ обычномъ литературномъ правописаніи:

И со синяго моря погодушка она чуть потягивала,
Она мачтенки ломала да тонки парусы рвала,
Да заносила этотъ червленъ корабль во иную землю.
Да во иной было земелюшкѣ ни царя нѣту, ни короля;
И да тамъ царюетъ, тамъ королюетъ она красная дѣвица,
Она красная дѣвица-душа, Маринушка она дочь Кайдарова.
И да корабль по морю бѣжитъ—она пошлину съ него брала,
И да корабль къ яру да онъ подвигался—она другую съ него брала,
И да корабль на́ яръ да онъ выгружался—она третію брала.
И да выходилъ этотъ купчинушка на свой высокъ балконъ:

[1]) *Тихонравовъ и Миллеръ*, Русскія былины, II, 272.

«Не угодно ли тебѣ, красной дѣвушкѣ, во червленъ корабль зайти,
Не угодно ли тебѣ, красная дѣвушка, всѣ наши товарушки посмо-
трѣть?
Не понравятся ли тебѣ, красная дѣвушка, шелки, бархаты?»
Выходила она, красная дѣвица, она улыбалася,
Посмотрѣла она на товарушки, сама усмѣхнулася.
Выходилъ-то этотъ купчинушка на свой высокій балконъ,
Онъ кричалъ-то, зычалъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Вы мазурушки, мои мазурушки, мои главные приказчички!
Отрубайте канаты смоленые, подымайте парусы шелко́вые».
Ухватилася красная дѣвица среди моря синяго.

Начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ почти буквально сходно съ первой половиной этой пѣсни:

А какъ падала погодушка да со синя моря,
А со синя морюшка съ Корсунскаго...
Заносила тутъ неволя три червленыхъ три-то ка́рабля
Что подъ тотъ подъ славенъ городокъ подъ Ко́рсунь же...
А въ томъ-то городѣ во Ко́рсунѣ
Ни царя-то не было, ни царевича,
А ни короля-то не было и не королевича,
Тутъ жила была Маринка дочь Кайдаловна...
Они какъ вѣдь въ гавань заходили, брала пошлину,
Паруса ронили—брала пошлину,
Якоря тѣ бросали—брала пошлину...
А къ мосту приставали—мостово брала [1]).

Что касается второй половины кавказской пѣсни, то она не соотвѣтствуетъ продолженію былины: въ послѣдней идетъ разсказъ о томъ, что корабельщики пишутъ письмо князю Глѣбу съ жалобой на притѣсненіе со стороны Марины, между тѣмъ какъ пѣсня оканчивается неожиданнымъ увозомъ притѣснительницы. Такая развязка такъ мало соотвѣтствуетъ началу пѣсни, гдѣ говорится о бурѣ и пошлинахъ, что я никакъ не могу согласиться съ В. Ѳ. Миллеромъ, видящимъ въ пѣснѣ болѣе древнюю редакцію, нежели въ былинѣ. Мнѣніе мое можно подтвердить и тѣмъ обстоятельствомъ, что увозъ дѣвицы посредствомъ хитрости представляетъ широко распространенную тему пѣсенъ разныхъ народовъ [2]) и общее мѣсто въ народныхъ сказаніяхъ.

---

[1]) Бѣлом. былины, 429, ср. 251.

[2]) Былина эта извѣстна въ искаженномъ видѣ у донскихъ казаковъ. См. Этн. Обозр. LIII, 141.

Что касается кавказской пѣсни, то она могла заимствовать эту тему изъ былины о Соломонѣ и Василіи Окульевичѣ [1]) или—о князѣ Романѣ и Марьѣ Юрьевнѣ. Въ этихъ былинахъ посланный царя, переодѣтый купцомъ, предлагаетъ женщинѣ зайти на его корабль и посмотрѣть товары, а когда она вступаетъ на судно, то онъ приказываетъ отрубить канаты, поднять паруса и увозитъ женщину за море. Нужно замѣтить, что только одинъ пересказъ терской пѣсни кончается увозомъ дѣвицы. Въ станицѣ Червленой пѣсня оканчивалась разсказомъ о томъ, что „Маришка съ Бутаришки“ беретъ пошлину съ кораблей; въ этомъ варіантѣ—увоза нѣтъ. Соединеніе двухъ сюжетовъ легко объясняется тѣмъ, что мѣсто дѣйствія и въ томъ и въ другомъ—одно: морская гавань.

Итакъ, обликъ дѣвицы, властительницы приморскаго города, къ которому буря пригнала русскіе корабли, чище сохранился въ сѣверномъ пересказѣ былины, нежели въ южномъ ея отрывкѣ, и нѣтъ никакого основанія думать, что болѣе ранняя редакція былины кончалась увозомъ женщины, какъ невѣсты; наоборотъ, этотъ увозъ, или похищеніе посредствомъ обмана нужно считать позднѣйшею вставкою общаго эпическаго мѣста.

Прежде чѣмъ разбирать другіе выводы В. Ѳ. Миллера, я укажу на одну старинную повѣсть, которая, думаю, поможетъ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, соединенныхъ съ разборомъ былины.

Я имѣю въ виду „Слово о Димитріи купцѣ, прозваніемъ Басаргѣ, и о сынѣ его Добромыслѣ“. Повѣсть эта принадлежитъ къ числу назидательно-благочестивымъ произведеній, приходившихъ въ Россію изъ Византіи. Хотя Димитрій называется кіевскимъ купцомъ, но приключенія случаются съ нимъ въ городѣ, который названъ въ одномъ спискѣ Антіохіей, и при томъ по дорогѣ „отъ славнаго Царяграда“. Одинъ списокъ, начинающій разсказъ отъ лица самого Димитрія, прямо указываетъ на Царьградъ, какъ на первичную географическую обстановку повѣсти: „Бысть ми нѣкогда отплыти отъ отечества своего, Царяграда

[1]) Многочисленные варіанты этого сюжета указаны г. *Довнаромъ-Запольскимъ*: Пѣсни пинчуковъ 164—5. Сюда можно прибавить Великор. нар. пѣсни *Соболевскаго*, I, №№ 216—225, 244—6; Варш. Губ. Вѣд. 1897, №№ 30 и 37; *Добровольскій*, Смоленскій этногр. сборникъ, IV, 579—580.

славнаго, въ корабли". Съ Димитріемъ ѣхалъ семилѣтній сынъ и девятнадцать (150) наемныхъ слугъ. Путникамъ пришлось испытать сильную бурю и великое волненіе. Тридцать дней ихъ носило по волнамъ, и наконецъ они увидали издали большой, богатый незнакомый городъ [1]). Приставши къ городу, они замѣтили около него 300 (или 330) кораблей. Граждане объяснили Димитрію, что ими правитъ поганый царъ Несмѣянъ Гордѣевичъ (Гордіянъ [2]) Несмѣяновъ, Гордій), „елиньскія вѣры", почитающій Аполлона; онъ принуждаетъ ихъ кланяться идоламъ и насильно приводитъ къ своей поганой вѣрѣ. Купцы и „карабельники" [3]), пріѣзжающіе въ его городъ, обязаны или отгадать его три мудреныя гаданія, или принять его вѣру. Въ противномъ случаѣ, онъ сажаетъ ихъ въ темницы, гдѣ они терпятъ нужду и наготу, и запрещаетъ гражданамъ продаватъ имъ хлѣбы на торжищѣ, желая уморить ихъ голодомъ.

Въ то время какъ граждане разсказывали объ этомъ Димитрію, его корабль былъ взятъ подъ стражу. Взявши съ собою драгоцѣнные дары, купецъ пришелъ къ царю и сказалъ ему: „Я, купецъ Греческой земли, пріѣхалъ поклониться тебѣ, владыка царь, чтобы ты позволилъ торговать". Царь принялъ дары, пригласилъ купца съ собою обѣдать и во время обѣда сказалъ ему: „Я тебѣ хощу дати 3 гаданія; ежели отгадаеши, то повелю торговати; ежели же ты не отгадаеши, то смерти преданъ будеши, а богатество твое будетъ взято въ казну царскую". Купецъ попросилъ „сроку на три дня", обѣщая на четвертый день прійти къ царю, а затѣмъ отправился на свой корабль. Увидавши, что сынъ его весело скачетъ на палочкѣ, отецъ сказалъ „изъ глубины сердьца своего съ яростію:—Что, чадо мое полоненое, играеши подѣцки, отцевы печали не вѣдаеши?"—Сынъ берется помочь отцу, говоря: „Конь на рати познаваемъ бываетъ, вѣрный другъ—у печали и бѣды"... „Азъ готовъ царю ити предложеная гаданія вся разрѣшати... Точію не скорби нынѣ, не стужай, отче, яждь, пій и веселися". Прошло три дня. На четвертый

---

[1]) По одному списку, Антіохію.

[2]) Имя царя, вѣроятно, восходитъ къ имени римскаго императора Гордіана; въ житіи св. Трифона разсказывается, какъ отрокъ изгналъ изъ дочери Гордіана нечистаго духа въ видѣ собаки.

[3]) Капитаны кораблей.

день отецъ съ сыномъ оба явились къ царю. Царь угостилъ ихъ медомъ и предложилъ первую загадку: „Много ли есть отъ востока и до запада обхоженья всего?“ Дитя отвѣчаетъ за отца:—Гаданіе ваше, царю, невелико есть: отъ востока до запада обхожденія день есть съ нощію, понеже солнце преидетъ весь кругъ небесный отъ востока и до запада единымъ днемъ, а нощію единою идетъ солнце отъ сѣвера до юга.—Царь подивился разумному отвѣту мальчика и велѣлъ прійти ему съ отцомъ на слѣдующій день.

Утромъ у царской палаты собрались ипаты, тироны, стратилаты, воеводы, князья, земскіе бояре, великіе люди и всѣ граждане, пришедшіе посмотрѣть на чуднаго отрока. Царь сѣлъ на высокомъ престолѣ посреди двора и предложилъ мальчику вторую загадку: „Что есть: десятая часть въ міру днемъ убывающа, и десятая часть нощію въ міръ прибывающа?“ Отрокъ отвѣтилъ царю:—Не велико ваше гаданіе есть, царю; азъ ваше гаданіе разрѣшу скоро. То есть: десятая часть днемъ убываетъ—сіе изъ моря, изъ езеръ, изъ рѣкъ на всякій день воды солнцемъ усыхаютъ по всему міру; ато [1]) десятая часть нощію въ міръ прибываетъ—ино то есть: въ морѣ, и въ рѣкахъ и езерахъ воды изъ моря прибываютъ по всей земли, занеже солнцу зашедшу за округлость земную.—

Затѣмъ царь предлагаетъ отроку послѣднюю загадку: „Что есть сіе, еже бы поганой не смѣялся?“ Мальчикъ отвѣчаетъ:—Не глубоко ваше вопрошеніе, царю, сіе. Даждь ми время точію на три дни; повели етѣ три дни по всему своему граду проповѣдникомъ вопити, чтобы весь градъ, мужы, и жены и со младенцы, и совершены мужы, и дѣвицы и юноши стекошася вси на дворъ царевъ въ четвертый день.—

Когда народъ собрался и царь предложилъ свою загадку, мальчикъ сказалъ, что отгадаетъ загадку, когда царь пустить его сѣсть на престолѣ и дастъ ему все свое царское одѣяніе, вѣнецъ, скипетръ и острый мечъ. Желая потѣшить мальчика, царь на это согласился. Тогда мальчикъ, неожиданно обернувшись, отсѣкъ мечомъ царю голову и сказалъ: „Се ти моя третьяя отгадка: не смѣйся, поганой, намъ, христіяномъ“. Затѣмъ его

---

1) = что касается, лат. ut. По *Срезневскому*, пусть, да.

самого выбрали царемъ; онъ велѣлъ призвать патріарха, скрывавшагося въ пещерѣ, и былъ имъ вѣнчанъ на царство. Во время вѣнчанія вскипѣло масло, которое держали въ рогѣ надъ головою отрока. Увидѣвши это чудо, всѣ граждане единогласно вскричали: „Многа лѣта государю нашему новому, царю младому Многославу (Добросмыслу, Борзомыслу, Мудросмыслу) Дмитреевичю, многа лѣта!“

Затѣмъ царь велѣлъ патріарху крестить жену убитаго имъ царя, которая была „вѣры латынскія, земли Римскія“, и ея дочь, „вельми красну осми лѣтъ“. Когда онѣ были крещены, онъ женился на царевнѣ и назвалъ ее Еупраксіею [1]). Незадолго до вѣнчанія онъ велѣлъ призвать къ себѣ изъ темницы 308 (330) человѣкъ купцовъ. Они пришли къ нему въ печальномъ видѣ: „быша лица ихъ аки земля, власы у нихъ до рамену, брады у нихъ до персей, а лица у нихъ изсохша отъ глада, а голосы ихъ яко пчелиные; лежаша въ ветхихъ срацыцахъ до глезну [2])“. Царь устроилъ для нихъ большой пиръ и съ подарками отпустилъ ихъ домой. Затѣмъ, богато одаривши своего отца, повелѣлъ ему съ честью ѣхать въ его землю [3]).

Соберемъ черты, общія этой повѣсти и интересующей насъ былинѣ:

1) Обѣ начинаются описаніемъ бури, которую переносятъ торговые корабли.

2) Несмѣянъ Гордѣевичъ, самъ эллинской вѣры и имѣющій жену латинской вѣры, соотвѣтствуетъ еретицѣ, безбожницѣ Маринкѣ.

3) Царь беретъ подъ стражу корабли, засаживаетъ въ темницу „корабельниковъ“ и моритъ ихъ голодомъ; Маринка къ кораблямъ—

---

1) Это имя—въ рукописи г. Григорьева.

2) До пятъ (двойств. ч.).

3) При изложеніи содержанія повѣсти о Басаргѣ я пользовался а) рукописью XVIII в., принадлежащею А. Д. Григорьеву; „Повесть о некоемъ купце и сынѣ его“ находится на лист. 25—36; б) спискомъ, изданнымъ Н. Полевымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842 г., № 1, стр. 65—75; в) двумя списками, изданными въ Памятникахъ старинной русской литературы, II. 347—356; г) замѣчаніями Пыпина въ Очеркѣ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. 95—98

«ставила своихъ да крѣпкихъ сторожовъ,...
Засадила всѣхъ у нихъ младыхъ матросичковъ;...
Заморить она вѣдь хочетъ все смертью голодною
Еще тѣхъ она нашихъ младыхъ все матросичковъ».

4) Купцу Димитрію въ его бѣдѣ помогаетъ его мудрый сынъ; корабельщикамъ, попавшимъ въ Корсунь, помогаетъ князь Глѣбъ Володьевичъ.

5) Царь обѣщаетъ позволить купцу торговать, если онъ отгадаетъ его три загадки; Маринка обѣщаетъ отдать Глѣбу корабли, если онъ отгадаетъ ея три загадки (таково количество загадокъ въ болѣе архаическомъ пересказѣ, № 80).

6) Есть сходство и въ самыхъ загадкахъ, хотя загадки въ былинѣ болѣе примитивны и наивны, нежели въ повѣсти. Первыя двѣ загадки касаются явленій природы: въ повѣсти—смѣна дня и ночи и возмѣщеніе ночью воды, испаряющейся днемъ изъ озеръ и рѣкъ; въ былинѣ—смѣна лѣта и зимы и естественное возникновеніе снѣговъ и рѣкъ:

«А какъ въ лѣтѣ-то бѣло—Господь хлѣбъ даетъ,
А въ зимѣ-то зелено—да тутъ вѣдь ель цвѣтетъ;...
Безъ кореньица растутъ бѣлы снѣги,
Безъ замочковъ-то текутъ да рѣчки быстрыя».

Что касается послѣднихъ загадокъ, то ихъ сходство ограничивается лишь тѣмъ, что обѣ онѣ относятся къ личности состязующихся. Загадка царя: „еже бы поганой не смѣялся", не имѣетъ смысла въ его устахъ, и очень возможно, что ее въ болѣе древней редакціи повѣсти задавалъ мальчикъ передъ убійствомъ Несмѣяна, а третья загадка царя была другая. Загадка Маринки относится къ личности Глѣба Володьевича:

«Что у васъ-то это есть да на святой Руси,
У тебя, князь, это есть у широка двора—
Ай стоитъ-то высока гора, великая;
На горѣ-то есть вѣдь кипарисъ растетъ,
А на томъ кипарисѣ-деревѣ соколъ сидитъ».

Князь отгадываетъ такъ: гора—конь, кипарисъ—сѣдло, соколъ—онъ самъ. Подобная загадка встрѣчается въ повѣсти о Волотѣ Волотовичѣ: „Выростало великое древо кипарисное... А поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ".

7) Есть сходство и въ отношеніи Добросмысла и Глѣба къ „премудренымъ“ или „хитромудрымъ“ загадкамъ: первый говоритъ царю: „не велико (или не глубоко) ваше гаданіе“, второй говоритъ Маринкѣ: „Не хитра твоя загадка хитромудрая“.

8) Наконецъ, и расправа съ притѣснителями купцовъ—одинакая въ обоихъ произведеніяхъ: какъ Добросмыслъ собственноручно отрубаетъ голову царю, такъ и Глѣбъ отсѣкаетъ голову Маринкѣ.

Изъ этого сравненія видно, что повѣсть, извѣстная намъ по рукописямъ XVII в. и былина, дошедшая до насъ въ устахъ пѣвцовъ и сказателей XIX в., находятся въ органической связи между собою.

Оба произведенія восходятъ къ одному и тому же сказанію, несомнѣнно, фантастическаго характера, которое пріурочивалось къ различнымъ географическимъ районамъ. Такими районами въ повѣсти являются Царьградъ и Антіохія, въ былинѣ—Новгородъ и Корсунь. Является вопросъ, какое изъ этихъ прикрѣпленій древнѣе? Отвѣтить на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, будетъ нетрудно, если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя противорѣчія между двумя пересказами былины. Прежде, чѣмъ указать эти противорѣчія, я приведу подобныя же разногласія въ географическихъ датахъ былины о Дюкѣ Степановичѣ. Дюкъ выѣзжаетъ то изъ Галича Волынскаго, то изъ Индіи богатой. Объясняется это тѣмъ, что пѣвецъ первую дату взялъ изъ какихъ-то историческихъ преданій, а вторую—изъ фантастической повѣсти, послужившей основой для былины. Подобнаго же явленія естественно ожидать и въ былинѣ о Глѣбѣ. Пересказъ Гаврилы Крюкова (№ 80) называетъ море, на которомъ терпятъ бурю корабли, Корсунскимъ, городъ, куда ихъ занесло, Корсунемъ; пересказъ же Аграфены Крюковой (№ 50) называетъ море Арапскимъ, а землю, къ которой забросило корабли, Татарской и Арапской. Извѣстно, что названіе татаръ въ нашемъ эпосѣ потеряло опредѣленный этнографическій смыслъ и свободно замѣняетъ разныхъ другихъ враговъ Россіи; поэтому названію Татарской земли не слѣдуетъ придавать никакого значенія. Что же касается Арапской земли, то это названіе не стоитъ одиноко:

1) Гаврила Крюковъ начинаетъ былину о томъ, какъ Идолище сватается за племянницу князя Владимира (№ 79), такъ:

«А изъ-за синего моря изъ-за Карьского,
Изъ-за Карьского моря, Арапького
А приходило три черненыхъ три-то карабля.»

Подобнымъ образомъ начинаетъ ту же былину бѣломорскій сказатель Пономаревъ:

«Изъ-за Карьского, изъ-за Арапьского
Приходило три карабья три черьляны.» [1])

2) Малорусская дума объ Алексѣѣ Поповичѣ начинается описаніемъ бури на Черномъ морѣ:

«Що на Чорному морю... хвиля вставае,
Судна козацькі—молодецькі на три части разбивае:
Перву часть ухопило—у Арабську (var. Агарску, Агарянську, Арапскую, Гаранську) землю занесло,
Другу часть схопило—
У Дунай въ гирло забило,
А третя часть тутъ мае,
Посередъ Чорного моря на бистрій хвилі,
На лихій хуртовині
Потопляе.» [2])

Сопоставленіе здѣсь названій „арабскій" и „агарьскій" объясняетъ намъ значеніе слова „Карьскій" въ бѣломорской былинѣ: конечно, это—искаженіе, вмѣсто „гарьскій", агарянскій.

3) Арабская земля упоминается также въ другой малорусской думѣ „Плачъ невольника":

«Будуть ушкали, турки-яничари набігати,
За Червоное море, у Орабськую землю запродати.» [3])

---

[1]) Эта былина печатается въ I выпускѣ Трудовъ Музыкально-Этнографической Коммиссіи.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историч. пѣсни малорусскаго народа, I, 176—200; Житецкій, Мысли о нар. малор. думахъ, 235, 233, прим. 2.

[3]) Ант. и Драг., I, 94. Ср. Сумцовъ, Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ: „Кіевская Старина", т. XLIV, 13 (1894 г. январь); М. Сперанскій, Южно-русская пѣсня, Пѣсни Пархоменка, 14.

4) Въ думѣ о плѣнной дѣвушкѣ Маріанкѣ „арабинъ“ упоминается наряду съ турчиномъ и татариномъ [1]).

5) Наконецъ, въ одномъ изъ варіантовъ стиха о Егоріи-змѣеборцѣ упоминается „Арапинское царство“ [2]).

Названіе сарацинъ арапами не встрѣчается въ самыхъ древнихъ произведеніяхъ русской литературы. Мы встрѣчаемъ его въ описаніи хожденія въ Палестину Зосимы въ 1420—1 гг. Зосима наряду съ „лютыми срацинами“ упоминаетъ и „злыхъ араповъ“ [3]). Въ посланіи александрійскаго патріарха къ в. кн. Василію III (до 1533 г.) упоминаются „нечестивіи, зловѣрніи, безбожніи и немилостивіи Арапляне“. Въ грамотѣ 1668 г. говорится объ „Арапской“ землѣ [4]).

Въ повѣсти о Басаргѣ дѣйствіе происходитъ въ Сиріи, въ приморскомъ городѣ Антіохіи; въ былинѣ упоминается Арапское море и Арапская земля. Эти факты сами собою напрашиваются на сопоставленіе. Очевидно, повѣсть въ своемъ первоначальномъ видѣ представляла эпическое произведеніе изъ эпохи борьбы Византіи съ сарацинами, какъ и греческая поэма о Дигенисѣ, переработанная въ „Девгеніево дѣяніе“. Стѣсненіе греческой торговли, преслѣдованіе христіанской церкви и ея представителя, антіохійскаго патріарха—все это историческіе факты X—XI ст. Въ виду этого можно съ увѣренностью сказать, что въ болѣе древнемъ изводѣ повѣсти упоминались не только Антіохія, но и арабы.

Нужно замѣтить, что былина о сватовствѣ Идолища за племянницу князя Владимира, въ Крюковскомъ пересказѣ, изъ котораго я приводилъ начальныя строки, кромѣ Арапскаго моря, говоритъ также и объ арабахъ, которые пріѣзжаютъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Идолищемъ: его послы—„три татарина, да три мурина“. Любопытно, что пѣвецъ отдавалъ себѣ отчетъ въ этомъ названіи: по его объясненію, татаринъ или муринъ—все равно, что арапинъ [1]). Слѣдовательно, слово „муринъ“, т.-е. мавръ,

---

[1]) Головацкій, Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, I, 22; Антоновичъ и Драгомановъ, I, 134—6.

[2]) Галаховъ, Исторія русской словесности, изд. 2-е, т. I, 248.

[3]) Пыпинъ, Ист. русской литер. I, 391.

[4]) Акты историческіе, I. 194; IV, 390.

извѣстно нашимъ былинамъ въ своемъ этнографическомъ смыслѣ. Но этотъ терминъ прилагается также къ Ильѣ Муромцу, какъ его прозваніе: въ Волынской губерніи записана у малороссовъ обширная сказка объ Ильѣ Муринѣ, содержащая комбинацію различныхъ похожденій русскаго богатыря, а также и другія наносныя черты [2]). Я думаю, что эта замѣна прозвища нашего „стараго казака" объяснитъ одно мѣсто въ пересказѣ Аграфены Крюковой, былины о Глѣбѣ. Въ этомъ пересказѣ Илья Муромецъ является въ совершенно неподобающей ему роли „милаго друга" Маринки, которая даритъ ему пошлину съ кораблей. Эту несообразность В. Θ. Миллеръ объясняетъ тѣмъ, „что Крюкова некстати припомнила другую ей извѣстную былину о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ (№ 4)... Въ архангельскомъ былинномъ репертуарѣ, наряду съ преданіемъ о происхожденіи Подсокольничка отъ связи Ильи Муромца съ бабой Латынгоркой (см. №№ 70 и 94), существуетъ другое о происхожденіи его отъ Ильи и Маринки Кайдаловки".

Но такую версію въ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ нельзя никакъ объяснить: ни въ одномъ изъ многочисленныхъ пересказовъ этой былины не упоминается ни Маринки, ни морской бури, ни пошлинъ, ни кораблей [3]), и, по моему мнѣнію введеніе всей этой обстановки въ былину, описывающую богатырскую заставу среди широкаго поля, можно объяснить лишь вліяніемъ былины о Глѣбѣ Володьевичѣ, гдѣ Илья Муромецъ замѣнилъ собою Илью Мурина, а этотъ послѣдній, въ свою очередь,—просто „мурина". Такимъ образомъ, я предпологаю, что пересказъ Аграфены Крюковой сохранилъ въ искаженномъ видѣ старую черту былины, забытую въ варіантѣ Гаврилы Крюкова. При такомъ предположеніи, необходимо допустить, что въ сказаніи, послужившемъ основой для былины, фигурировалъ начальникъ города „муринъ" и его любовница, названная въ былинѣ Маринкой.

---

[1]) Бѣломорскія былины, стр. 425 и прим.

[2]) В. Θ. Миллеръ, Очерки, 379, 406.

[3]) Я имѣю въ виду между прочимъ новыя, еще не напечатанныя, записи мои и А. Д. Григорьева изъ Архангельской губ. и Печорскія былины, Ончукова, 14, 40.

Остановимся сначала на названіи „муринъ“. Слово „муринъ, мюринъ, мурьскый“ довольно часто встрѣчается въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв., гдѣ этимъ словомъ переводится греч. Αἰθίοψ; въ такомъ же этнографическомъ смыслѣ слово муринъ употреблено въ одномъ памятникѣ XIII стол., а также въ Прологѣ XIV в. („Св. Моисіи бѣ Муринъ чернъ“ [1]). Но уже въ XIII стол. смыслъ этого слова начинаетъ забываться. Такъ, въ Пандектахъ Никона-Черногорца, по рукописи конца этого столѣтія, слово „муринъ“ употребляется въ смыслѣ „страшилище“; въ житіи новгородскаго епископа Нифонта, по рукописи 1219 г., еще встрѣчается „мюре“ въ смыслѣ „эѳіопы“, но въ двухъ другихъ мѣстахъ „мюриномъ“ названъ бѣсъ (очевидно, на основаніи черноты кожи). Въ спискѣ XIV в. тѣхъ же Пандектовъ слово „муринъ“ уже замѣнено словомъ „изувѣръ“ [2]). Изъ этого можно заключить, что названіе муринъ, мавръ, было понятно для русскихъ читателей только до XIII стол. Въ XIV стол. самое слово это исчезаетъ. Это соображеніе даетъ нѣкоторыя данныя для хронологіи сказанія, послужившаго основой для былины.

Обратимся теперь къ Маринкѣ. Въ повѣсти о Басаргѣ ей соотвѣтствуютъ невѣрныя, некрещеныя жена царя, не названная по имени, и прекрасная дочь его Евпраксія. Въ нашихъ былинахъ оба имени, Марина и Евпраксія, усвоены сластолюбивымъ и измѣнчивымъ женщинамъ: у обѣихъ—одинъ и тотъ же милый другъ Тугаринъ Змѣевичъ, который, какъ указалъ акад. Веселовскій, въ сказаніи о семи богатыряхъ (здѣсь вмѣсто Апраксіи является царица Елена) живо напоминаетъ половецкаго хана Тугоркана († 1096) [3]). Очевидно, въ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ муринъ, изъ котораго вышелъ Илья Муромецъ, игралъ ту же роль, что Тугаринъ въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ (гдѣ является Апраксія) и Добрынѣ (гдѣ является Маринка).

Пользуясь этими аналогіями, можно предположительно возсоздать древній видъ былины о Глѣбѣ. Въ теперешнемъ видѣ

---

1) Арх. Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока. I. М. 1875. Приложенія, стр. 179, См. также 35, 129, 168.

2) См. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, vv. ss.

3) Южно-русскія былины, г.X, 371.

былины Илья Муромецъ не играетъ никакой роли; самое его упоминаніе сохранилось какъ безформенный осколокъ древности: Маринка выражаетъ желаніе выйти замужъ за Глѣба Володьевича, но объ ея старомъ миломъ другѣ нѣтъ и помину; былина его вовсе забыла. Для возстановленія конца былины воспользуемся былиной о Добрынѣ и Маринкѣ. Здѣсь обычно разсказывается, какъ Добрыня, желая попасть въ голубей, сидѣвшихъ на теремѣ Марины, угодилъ стрѣлой въ ея милаго друга, Змѣя Тугарина, и убилъ его. Маринка мститъ Добрынѣ тѣмъ, что привораживаетъ его къ себѣ, а потомъ обращаетъ въ тура. Получивши вновь человѣческій образъ, Добрыня жестоко съ ней расправляется.

Между двумя былинами замѣчается большое сходство: въ обѣихъ у Маринки естъ другъ, въ обѣихъ она предлагаетъ взять ее замужъ; она говоритъ Глѣбу:

«Ты возьми, возьми меня да все въ замужество»,

или:

«А сама-то красна дѣвица за тебя замужъ иду» [1]).

То же самое говоритъ она и Добрынѣ:

«Если ты возьмешь, такъ я замужъ иду
За молодого Добрынюшку Никитича.» [2])

Наконецъ, обѣ былины оканчиваются расправой съ Маринкой. Въ былинѣ о Добрынѣ желаніе Маринки выйти за него замужъ мотивировано тѣмъ, что, согласившись взять ее въ жены, Добрыня тѣмъ самымъ подвергался опасности быть обернутымъ своей женой въ животное [3]), между тѣмъ какъ въ былинѣ о Глѣбѣ нѣтъ ничего подобнаго; самая злоба на князя мотивирована (въ пересказѣ Агр. Крюковой) крайне странно:

«Она зло-то все несла на Глѣба-та Володьевича,
Потому она-то несла да все вѣдь думала,—
За его-то ей хотѣлось замужъ выйти все.»

---

[1]) Бѣломорскія былины, 253, 433.

[2]) Гильфердингъ, № 78. То же и въ другихъ пересказахъ.

[3]) То же самое—въ былинѣ о Потыкѣ: Бѣлом. был. 386, 512; ср. Гильфердингъ, № 5, ст. 192—208.

Эта злоба (выразившаяся въ попыткѣ отравить князя) была бы вполнѣ понятна, если бы князь Глѣбъ убилъ Маринкина друга [1]). Если былина содержала этотъ эпизодъ, то ее можно возстановить въ такомъ болѣе старомъ видѣ: Муринъ захватываетъ корабли Глѣба; князь ѣдетъ на выручку; Муринъ выходитъ ему навстрѣчу; князь его убиваетъ и подъѣзжаетъ къ воротамъ Корсуня; Маринка [2]) льстиво выражаетъ желаніе выйти за него замужъ и подаетъ ему вина съ отравой; князь замѣчаетъ обманъ и убиваетъ ее.

Неудивительно, что пѣвцы забыли личность Мурина, такъ какъ въ такой версіи, которую я сейчасъ изложилъ, онъ не игралъ большой роли.

Что касается послѣдняго эпизода былины, попытки отравить Глѣба, то мы находимъ его въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Добрынѣ. Въ записи изъ Симбирской губ. говорится, что послѣ убіенія Змѣя Притугальника, Марина усадила Добрыню за столъ, налила лютаго зелья и поднесла ему. Добрыня отвѣчаетъ: „Прежде хозяина и попъ не пьетъ“ [3]).

То же самое мы находимъ въ пересказахъ Олонецкой губ. Опредѣленно объ отравѣ разсказывается въ кенозерскомъ варіантѣ:

«Подносила ему чару зелена вина,
А въ чарѣ змѣиной силы положено.
Принимаетъ онъ чару правой рукой,
Подаваетъ кобелю меледипскому,—
Разрываетъ кобеля меледипскаго.
Вынимаетъ онъ саблю вострую,
И отсѣкъ Маринкѣ буйну голову [4])».

Въ другихъ варіантахъ находятся только намеки на отраву. Добрыня проситъ слугъ подать чару зелена вина „оправшую“ (отравшую, съ отравою?); тѣ подаютъ ему саблю, которой онъ убиваетъ Марину [5]). Въ одномъ пересказѣ ядъ замѣненъ соннымъ

---

[1]) Подобно тому какъ сынъ Басарги убиваетъ царя Гордіана.

[2]) Замѣтимъ, что имя „Марина“ въ основѣ сирійское. См. Веселовскаго: Разысканія въ области русскихъ дух. стиховъ, Спб. 1880. Стр. 77 и прим. 3.

[3]) Кирѣевскій II, 49.

[4]) Рыбниковъ, I, 173.

[5]) Гильфердингъ, №№ 5, 316; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 86.

питьемъ [1]). Даже въ тѣхъ былинахъ, гдѣ чара вовсе не упоминается, Маринка все-таки называется отравницей, зелеьщицей; на окнѣ у нея стоитъ лютое зелье.

Теперь является вопросъ, въ какую эпоху имя Марины было вставлено въ былину? В. Ѳ. Миллеръ думаетъ, что „въ былинной Маринѣ-еретицѣ отразилось народное представленіе объ исторической Маринѣ Мнишекъ", имя которой внесено было въ XVII вѣкѣ между прочимъ и въ былину о Глѣбѣ; отмѣчая отчество Маринки „Кайдаловна" или „Кайдарова", онъ думаетъ, что „это необычное отчество сохранилось отъ прежней редакціи, какъ принадлежавшее той дѣвицѣ, которая была переименована въ Марину". Итакъ, В. Ѳ. Миллеръ предполагаетъ возможнымъ измѣненіе имени безъ измѣненія отчества. Уже само по себѣ такое предположеніе мало вѣроятно; но внесеніе имени Марины Мнишекъ въ былины прямо невозможно. Сказителямъ до сихъ поръ очень хорошо извѣстна пѣсня о самозванцѣ, гдѣ Марина опредѣленно называется дочерью Юрія, пана Сендомирскаго (или „Сердобольскаго"—искаженіе, вполнѣ понятное въ устахъ олонецкаго крестьянина). Въ XVII стол. Марина Юрьевна была еще болѣе извѣстна, какъ историческое лицо [2]), и предполагать, что имя ея безъ отчества было поставлено въ старыя былины подъ отчества „Кайдаловна, Игнатьевна" или подъ прозвище „съ Бутаришки", совершенно невозможно. Скорѣе можно думать, что это имя стало уже эпическимъ въ XII — XIII вв., при чемъ съ теченіемъ времени къ нему стали присоединять различныя отчества.

Отчество Маринки, съ которымъ она является въ нашей былинѣ—Кайдаловна, Кайдарова—и прозвище „съ Бутаришки", я думаю, можно объяснить преданіями времени татарскаго нашествія. Вспомнимъ, что былинная Маринка—зелейщица, кореньщица, отравщица, волшебница, лиха, зла, люта гроза [3]); въ „Сказаніи о Батыевомъ приходѣ на Русь", отличающемся народно-поэтическими чертами, фигурируетъ „жена чародѣица", которую Батый посылаетъ къ рязанскому князю съ требованіемъ десятины во всемъ[4]). Мы знаемъ также, что среди Батыевыхъ вое-

[1]) Рыбниковъ, I. 173, прим.

[2]) См. старую запись пѣсни о Разстригѣ у Кирѣевскаго, VII, прилож., стр. 67.

[3]) Ончуковъ, Печорскія былины, 100, 160.

[4]) Вс. Миллеръ, Очерки р. народной словесности, 315—6.

водъ были между прочимъ Кайдаръ и Бутаръ [1]). Весьма вѣроятно, что въ поэтическомъ преданіи чародѣица была связана съ этими именами, т. е. называлась Кайдаровой или Бутаровой, а затѣмъ изъ преданій прозвища чародѣицы перешли на безбожницу, разбойницу Маринку, въ былину о Глѣбѣ. Замѣтимъ, что въ былинахъ отразилось нѣсколько именъ татарскихъ хановъ XIII стол. Батый, Сартакъ, Таврулъ, Кайданъ [2]), можетъ быть, также Уловчій [3]), [былинный Ульюшка, зять Батыя [4]),] и Богатуръ [5]) [былинные Батырь Каймановичъ, Батышъ Батурьевичъ, Батуръ Батвесовъ, Батунще [6])]. Итакъ, свое отчество Маринка получила въ XIII стол.; раньше она, вѣроятно, его не имѣла.

Остановимся еще нѣсколько на былинномъ сюжетѣ. Дѣйствіе былины происходитъ въ Корсунѣ; отрывокъ ся сохранился у терскихъ казаковъ. Это указываетъ на южное происхожденіе былины. А priori можно предполагать, что въ южной Россіи сохранились какія-нибудь сказанія, близкія къ содержанію былины. Дѣйствительно, значительное сходство съ нею представляетъ малорусская дума объ Иванѣ Богуславцѣ [7]). Мѣсто ея дѣйствія—

---

1) Полн. Собр. р. лѣтоп. X, 116.

2) Вс. Миллеръ, op. c., 322, 449. По былинамъ у Кирши Данилова (стр. 101, 20), Сартакъ—зять царя Калина, а Салтыкъ Ставрульевичъ называется также Батыевичемъ, т. е. сыномъ Батыя: не есть ли „Салтыкъ“—искаженное имя „Сартакъ“?

3) П. С. Р. Л. X, 141.

4) Кирѣевскій, IV, 38.

5) Такъ названъ воевода, покорившій Болгарскую землю и Суздальскую область, въ Ипатской лѣтописи; въ Никоновскомъ спискѣ онъ названъ Батырь.

6) Кирѣевскій, II, 90; V, 97; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 134; Ончуковъ Печорскія былины, 54, 264. Замѣчу еще, что въ одной бѣлорусской сказкѣ (типа „Царь Салтанъ“: Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, VI, 154) говорится о нападеніи невѣрнаго царя Ѳедора Тырина Бирдзибіяновича; имя Ѳедора Тырина зашло въ сказку, конечно, изъ духовнаго стиха, но эпизодъ о нападеніи описанъ въ былинномъ стилѣ: у царя двѣ головы по пивному котлу; онъ кричитъ богатырскимъ голосомъ,—весь лѣсъ повялъ, съ дуба листъ посыпался, земля сколотилася, у царя Гвидона палаты задрожали, и стекло изъ окошекъ повылетѣло отъ Ѳедорова голоса, отъ молодецкаго посвиста. Гвидонъ проситъ отсрочки на недѣлю; Ѳедоръ даетъ на два часа и грозитъ городъ спалить, и царя въ полонъ забрать съ его супругой возлюбленной. Имя Бирдзибіяна напоминаетъ имя хана татарскаго Бердебека († 1247).

7) Житецкій, Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 220—4; Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малорусскаго народа. I, 241—4.

западный берегъ Крыма, городъ Кізлевъ, или Козловъ, т. е. Евпаторія, по-турецки Гёзлефъ.

Въ городѣ Козловѣ стояла каменная темница. Въ той темницѣ сидѣло семьсотъ казаковъ-невольниковъ. Десять лѣтъ прожили они въ неволѣ. Наступилъ праздникъ Пасхи. Казацкій старшина Иванъ Богуславецъ, гетманъ запорожскій, напомнилъ объ этомъ казакамъ и прибавилъ:

«Може, намъ, братцы, Богъ милосердный буде помогати,
Чи не будемъ мы съ неволи выступати?»

Рано утромъ встала жена турецкаго Алканъ-паши; спрятавши (?) мужа, она отомкнула темницу и сказала Ивану Богуславцу:

«Коли бъ ты свою вѣру христіанскую поломалъ,
А нашу басурманску на себя бралъ,—
Уже бъ ты въ городѣ Козловѣ пановалъ,
Я бъ твоихъ невольниковъ всѣхъ изъ темницы выпускала,
Въ землю христіанскую хорошенько провожала.»

Иванъ согласился взять ее въ жены съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не ругалась надъ его вѣрой. Пани молодая выпустила изъ темницы всѣхъ невольниковъ, проводила ихъ въ христіанскую землю. Прошло семь недѣль. На восьмой недѣлѣ она—

«Стала съ молодыми турецкими панами гуляти,
Стала Иванчевы Богославцевы христіанскою вѣрою урекати:
«Дывится, панове,
Якій у меня мужъ прекрасный:
Та винъ у насъ побусурменился для роскоши турецкой».

Услыхалъ это Иванъ, быстро прибѣжалъ къ Черному морю, сѣлъ въ лодку, догналъ казаковъ среди моря и вступилъ на казацкое судно. Молодая пани увидала его и заплакала:

«Бодай тебе Господь милосердный на семъ свѣтѣ избавилъ,
Якъ ты мене, молоденьку, зрадилъ!»

Когда наступила ночь, казаки вновь пріѣхали въ Козловъ, порубили сонныхъ турокъ, городъ повоевали огнемъ и мечомъ, а Иванъ Богуславецъ изрубилъ молодую пани Алканъ-паши. Поспѣшно казаки отъѣхали отъ Козловской пристани и еще до свѣта пріѣхали въ Сѣчь.

Въ такомъ видѣ дошла до насъ эта дума въ записи, сдѣланной въ началѣ XIX в. отъ „слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія Малороссіи“ [1]). Въ 60-ыхъ или 70-хъ гг. этого столѣтія начало этой думы было записано въ Конотопѣ. Главное отличіе этого варіанта заключается въ томъ, что Иванецъ Богуславецъ сначала отказался отъ предложенія Кизлевской пани принять басурманскую вѣру; тогда она крикнула на „бісових мурзаків“:

«Да візьміть же Іваньця Богуславця,
«Козака рейстрового [2]), отамана віськового,
Да звяжіть йому руки сирою сирицею,
Да положить його перед праведним сонечком».
Як стало сонечко пригрівати,
Стала сирая сириця ссихати,—
Став Іванець Богуславець
Да на пробу кричати:
«Покидаю віру християнськую під ноги,
А восприймаю вашу бусурманськую на руки».

Тогда Кізлевская пани велѣла мурзакамъ развязать Иванца, взять его подъ руки и ввести въ высокій теремъ:

«Да будем пить-гуляти,
«Мене за його пропивати...»

На этомъ дума обрывается, и для сужденія объ ея концѣ намъ остается одинъ пересказъ старой записи. Нужно думать, что отрывокъ сохранилъ старую черту думы—мученія Ивана,— опущенную въ полномъ пересказѣ, п. ч. эта черта объясняетъ дальнѣйшую месть Ивана, убійство пани, не мотивированное въ старой записи.

Дума объ Иванѣ Богуславцѣ, очевидно, была извѣстна автору „Исторіи Руссовъ“. Описывая (хронологически неправильно) походъ запорожскаго кошевого Скалозуба въ 1583 г., авторъ говоритъ: „Гетманъ, спѣшивши три полка реестровыхъ козаковъ, посадилъ ихъ на лодки, выправилъ въ море подъ камандою писаря войскового запорожскаго Ивана Богуславца... Писарь Богуславецъ захваченъ былъ турками въ плѣнъ при городѣ Козловѣ; но послѣ запорожцами былъ выручeнъ помощію Семиры, жены паши турецкаго, которая выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ

1) Житецкій, ор. с., 178.
2) Въ подлинн. „дністрового“.

Малороссію и была его женою" [1]). Изъ этой цитаты видно, что автору „Исторіи Руссовъ" былъ знакомъ довольно плохой пересказъ думы, такъ какъ такая счастливая судьба жены паши вовсе не гармонируетъ съ образомъ сластолюбивой женщины, легко измѣняющей мужу и жестоко мучащей неподатливаго на ея ласки казака. Но это извѣстіе интересно тѣмъ, что оно даетъ имя жены паши—Семира. Чтобы опредѣлить, насколько можно въ этомъ довѣрять автору „Исторіи Руссовъ", обратимся къ анализу думы о Марусѣ Богуславкѣ [2]). По мнѣнію Костомарова, изъ этой думы въ думу объ Иванѣ Богуславцѣ перенесенъ разговоръ съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говоритъ онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣшеніе". Проф. Житецкій [3]) возражаетъ на это: „Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Что касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, обѣ думы—не что иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до насъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ". Почему въ Иванѣ и Марусѣ нужно видѣть „дѣтей одного семейства", г. Житецкій не объясняетъ, а его предположеніе относительно „обширнаго (?) эпоса", сложеннаго объ этомъ семействѣ, представляется совершенно невѣроятнымъ. Чтобы опредѣлить отношеніе между двумя сходными думами, необходимо болѣе детальное ихъ сравненіе.

Обѣ думы совпадаютъ даже въ мелкихъ подробностяхъ: та же темница на Черномъ морѣ, тѣ же семьсотъ невольниковъ (въ неволѣ сидятъ они не 10 лѣтъ, а 30), тѣ же разговоры съ ними (вложенные только въ уста Маруси), то же освобожденіе ихъ въ праздникъ Пасхи. Отличія думы о Марусѣ заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что здѣсь сглажены мѣстныя и историческія черты и удаленъ образъ Ивана Богуславца, при чемъ его прозвище усвоено женѣ „турецкаго пана" (=паша въ думѣ объ Иванѣ): не упоминается Козловъ, не говорится объ отъѣздѣ невольниковъ на судахъ, и нѣтъ всего конца думы, разсказы-

[1]) Антон. и Драгом., I, 243.

[2]) Два пересказа этой думы, записанные въ Харьковской и Полтавск. губ., напечатаны у Антоновича и Драгоманова, I, 230—5.

[3]) Op. c., 220.

вающаго о разореніи Козлова казаками и ихъ возвращеніи въ Сѣчь. Самое яркое доказательство того, что дума о Марусѣ есть переработка думы объ Иванѣ, даютъ слова Маруси:

«Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши турецької».

Въ думѣ объ Иванѣ пани такъ же выражается относительно потурчившагося казака, и это насмѣшливое ея выраженіе гораздо болѣе у мѣста, нежели здѣсь. Что касается другихъ отличій думы о Марусѣ, то всѣ они находятъ себѣ параллели въ пѣсняхъ о плѣнницахъ. Проф. Житецкій [1]) замѣтилъ, что эта дума, сравнительно съ такими пѣснями, представляетъ „не что иное, какъ поэтическую композицію, болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,—эти же послѣднія—не что иное, какъ матеріалъ для самой композиціи". Онъ указалъ и самый матеріалъ: пѣсни о трехъ *поповнахъ*, взятыхъ въ плѣнъ турками, и о „дивкѣ-бранкѣ Маріянкѣ". Послѣдняя, уведенная въ плѣнъ, пишетъ съ дороги къ отцу письмо:

Нехай тато не сумуе,
Най ми посаг не готуе:
Ой вжеж бо я посаг мала
Під явором зелененьким
Тай с турчином молоденьким» [2]).

Можно еще указать пѣсню о двухъ сестрахъ-плѣнницахъ у турокъ. Одна изъ нихъ говоритъ другой:

«Проси, сестро, турка-мужа,
Нехай косу росу утне,
Най до мамки меї пішле:
Най ся мамка не фрасуе,
Най нам віна не готуе,—
Бо ми віно утратили
Під явором зелененьким
За турчином молоденьким» [3]).

Изъ подобныхъ пѣсенъ дума заимствовала слова Маруси, которая проситъ освобожденныхъ ею казаковъ передать ея отцу и матери:

«Нехай мій батько добре дбае,
Гуртів, великих маетків нехай не збувае,

---

[1]) Ор. с. 142—3, 139.
[2]) Антоновичъ и Драгомановъ, I, 135.
[3]) Ibid., 85.

Великих скарбів не збірае,
Та нехай мене, дівки бранки,
Марусі, попівни Богуславки,
З неволі не викупае:
Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши турецької».

Изъ предыдущаго достаточно выяснилось отношеніе одной думы къ другой. Можно еще прибавить, что роль жены Алканъ-паши является гораздо болѣе естественной, нежели роль Маруси: первая „поховала своего мужа" и изъ страсти къ Ивану согласилась выпустить невольниковъ; поведеніе же второй недостаточно мотивировано: 1) почему она раньше не выпускала невольниковъ, которые сидѣли въ тюрьмѣ 30 лѣтъ? 2) какъ отнесся „турецкій панъ" къ ея поступку, вернувшись изъ мечети?

Въ двухъ пересказахъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ женская личность рѣшительно несимпатична; въ пересказѣ, бывшемъ у автора „Исторіи Руссовъ", эта личность является уже въ болѣе свѣтлыхъ чертахъ: Иванъ женится на ней и увозитъ ее на родину (этотъ разсказъ указываетъ, конечно, на забвеніе конца думы). Такой образъ жены паши могъ служить переходнымъ звеномъ для дальнѣйшей передѣлки думы. Имя *Семиры* авторъ „Исторіи Руссовъ" едва ли не передѣлалъ изъ *Марыси*,—форма, которую можно предполагать на основаніи извѣстныхъ намъ изъ пѣсенъ именъ Маруси и Маріянки.

Жена турецкаго паши въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ представляетъ собою типъ измѣнчивой женщины: она измѣняетъ своему мужу изъ страсти къ Ивану, а черезъ семь недѣль уже гуляетъ съ молодыми турками. Въ великорусскихъ былинахъ мы знаемъ нѣсколько подобныхъ типовъ, таковы: княгиня Апраксія въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ и о сорока каликахъ, невѣста Ивана Годиновича [1]), жена Потыка [1]), и, наконецъ, Маринка, любовница Добрыни. Изъ этихъ женщинъ болѣе всего подходитъ къ нашему типу послѣдняя, но еще болѣе близкое сходство оказывается между женой турецкаго паши и Мариной Кайдаровой.

---

[1]) Въ „Печорскихъ былинахъ" Ончукова и та, и другая называются „душкой Маринкой, лебедью бѣлою", стр. 241, 317.

Отмѣтимъ сходныя черты былины о Глѣбѣ Володьевичѣ и думы объ Иванѣ Богуславцѣ. Прежде всего, дѣйствіе и той, и другой происходитъ на западномъ берегу Крыма—въ Корсунѣ и въ Евпаторіи. Въ темницѣ сидятъ невольники—въ былинѣ матросы, въ думѣ казаки. Алканъ-пашѣ въ былинѣ соотвѣтствуетъ Илья Муромецъ, замѣнившій собою какого-то „мурина"; ни тотъ, ни другой не играютъ роли въ ходѣ разсказа: какъ былина забываетъ о существованіи Ильи Муромца, когда Маринка сватается за Глѣба, такъ и жена паши, „поховавши" своего мужа, болѣе о немъ не думаетъ и сватается за Ивана. Далѣе въ обоихъ произведеніяхъ слѣдуетъ отпускъ невольниковъ. Въ концѣ былины и думы замѣчается бо́льшая разница. Былина быстро приводитъ разсказъ къ развязкѣ: Маринка пытается отравить Глѣба, который ее и убиваетъ; жена паши только насмѣхается надъ тѣмъ, что Иванъ „побусурменился" изъ-за нея. Послѣ того слѣдуетъ отъѣздъ его на судно къ казакамъ, а затѣмъ уже разореніе Козлова и убійство жены паши. Нужно замѣтить, что конецъ думы болѣе похожъ на пересказъ былины, записанный отъ А. М. Крюковой нежели на пересказъ Г. Л. Крюкова. И тамъ, и здѣсь мы видимъ разореніе и ограбленіе города и возвращеніе на родину.

Изъ сравненія былины съ думой можно вывести то заключеніе, что первая послужила прототипомъ для второй, а такъ какъ дума объ Иванѣ Богуславцѣ была сложена въ XVII в., то отсюда ясно, что въ это время былина была извѣстна въ Южной Россіи. Изъ того же сравненія двухъ произведеній видно, что въ прототипѣ думы игралъ нѣкоторую роль мужъ (или любовникъ) властительницы города, т.-е. та личность, которая въ пересказѣ А. М. Крюковой называется Ильей Муромцемъ. Эта личность въ повѣсти о Басаргѣ играетъ еще болѣе важную роль, но нужно думать, что былина, выдвинувъ на первый планъ образъ дѣвицы, властительницы приморскаго города, мало-по-малу затушевывала ея „милаго друга", а пересказъ Г. Л. Крюкова вовсе о немъ позабылъ.

Обратимся къ историческимъ чертамъ былины о князѣ Глѣбѣ. Самыя важныя данныя для сужденія о мѣстѣ и времени сложе-

нія былины даютъ географическія названія—Корсунь и Новгородъ—и имя героя.

Попытку выяснить личность Глѣба Володьевича даетъ проф. В. Ѳ. Миллеръ въ указанной выше статьѣ. Указывая какъ на прототипъ былиннаго героя—на св. Глѣба, сына князя Владиміра, В. Ѳ. Миллеръ исходитъ „изъ того убѣжденія, что сохраниться въ народномъ преданіи и стать эпическимъ могло только имя популярнаго князя, извѣстнаго и намъ безъ всякихъ справокъ въ историческихъ источникахъ". Трудно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Развѣ мы знали бы имя Роланда, если бы онъ не сдѣлался героемъ французскаго средневѣковаго эпоса? Точно такъ же, развѣ герои русскихъ былинъ: Ставеръ, Садко, Александръ Поповичъ, Добрыня Рязаничъ, Самсонъ Колывановичъ и многіе другіе—были давно извѣстны безъ дальнихъ справокъ? Ясное дѣло, что пѣвцы выбирали героевъ для своихъ произведеній, не справляясь съ историческимъ значеніемъ тѣхъ или другихъ личностей. Проф. Миллеръ не ищетъ въ былинѣ чего-нибудь, напоминающаго извѣстные намъ факты изъ жизни св. Глѣба; дѣйствительно, ничего подобнаго и нѣтъ. Но не было ли историческаго лица, отвѣчающаго былиннымъ даннымъ?

Мы знаемъ новгородскаго князя Глѣба, который, дѣйствительно, ходилъ съ войскомъ на Корсунь. Извѣстіе объ этомъ походѣ сохранилось у Татищева и у итальянскаго писателя Одерико, который, по порученію императрицы Екатерины II, занимался исторіей генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Походъ на Корсунь относится ко времени царствованія византійскаго императора Михаила VII Дуки (1071—1078), когда онъ находился въ очень затруднительномъ положеніи: турки-сельджуки завладѣли греческими областями въ Азіи; въ 1073 году возстали болгары, и греческія войска потерпѣли цѣлый рядъ пораженій; въ слѣдующемъ году снова поднялись придунайскіе города, нашедши помощь въ лицѣ печенѣговъ. Естественно, что Михаилу пришлось просить у русскихъ князей помощи для охраненія пограничныхъ греческихъ областей. Вотъ къ этому-то времени относится слѣдующее извѣстіе Татищева:

„Михаилъ, царь греческій, иже... отъ Болгаръ побѣжденъ, и корсуняне ему отреклися, прислалъ къ Святославу пословъ со многими дарами и обѣщаніи, прося его и Всеволода о помощи

на болгаръ и корсунянъ. Святославъ же, согласяся со Всеволодомъ,... Владимира-сыновца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на корсунянъ".

Это извѣстіе подтверждается свидѣтельствомъ Одерико: „Жители этого города (Херсонеса), соперники Ѳеодосіи и Судака (rivaux de Kaffa et de Soldaya), не имѣя возможности получить отъ императора нѣкоторыя торговыя привилегіи, возстали противъ его власти. Онъ призвалъ противъ нихъ великаго князя русскаго, Всеволода, который послалъ туда сыновей Владимира и Глѣба."

Одерико называетъ Глѣба сыномъ Всеволода, вѣроятно, потому, что въ своемъ источникѣ смѣшалъ слова: „сынъ" и „сыновецъ" (племянникъ). Справедливость извѣстій Татищева и Одерико подтверждается также тѣмъ, что вскорѣ послѣ 1065 года жители Корсуня убили своего катапана (правителя области), отравившаго тмутороканскаго князя Ростислава; это указываетъ на то, что корсуняне возмутились противъ императорскаго намѣстника, или, по выраженію Татищева, „отреклися" отъ императора. Затѣмъ намъ извѣстны два посланія императора Михаила VII къ неизвѣстному по имени русскому князю; въ этихъ письмахъ Михаилъ предлагаетъ руку своего брата Константина дочери русскаго князя и проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго „быть стражемъ византійскихъ границъ, щадить область, подвластную имперіи, быть союзникомъ и дѣйствовать заодно во всемъ и противъ всѣхъ" [1]).

Акад. Васильевскій, сдѣлавшій критическій анализъ этихъ извѣстій, относитъ походъ на Корсунь къ 1073 году, на томъ основаніи, что объ этомъ походѣ не упоминаетъ Владиміръ Мономахъ, перечисляя въ своемъ Поученіи свои подвиги съ 1073 года. Правда, опредѣленно о походѣ на Корсунь здѣсь не говорится, но зато упоминается о помощи Глѣбу въ 1077 г. „И Святославъ умре (27 декабря 1076 г.), и язъ пакы (идохъ) Смолиньску, а ис Смолиньска той же зимѣ (1077 г.) та къ Новугороду, на весну — Глѣбови въ помочь (1077 г.), а на лѣто

[1]) Извѣстіе Татищева приведено и подтверждено *Васильевскимъ* въ его ст. „Русько-византійскіе отрывки", Ж. М. Н. Пр. 1875 г. № 12, стр. 292—6. Эти выводы повторены г. *Сенигововымъ*: „Историко-критическія изслѣдованія о новгор. лѣтописяхъ и о Россійской Исторіи В. Н. Татищева", стр. 332—4.

со отцемъ подъ Полтескъ". Изъ этого отрывка видно, что зимою 1077 г. Владимиръ пріѣхалъ въ Новгородъ, а весною того же года помогалъ своему двоюродному брату въ какомъ-то предпріятіи. Если обратить вниманіе на то, что извѣстіе о походѣ на Корсунь Татищевъ помѣщаетъ подъ 1076 г., то становится ясно, что эти два сообщенія относятся къ одному и тому же событію. Разноголосицы указаній времени въ одинъ годъ обычны въ старыхъ лѣтописяхъ, и потому Татищевскій годъ не можетъ возбуждать недоумѣнія.

Болѣе затрудненій представляетъ то обстоятельство, что виновникомъ похода Татищевъ выставляетъ кіевскаго князя Святослава, который умеръ еще въ 1076 году. Но дѣло въ томъ, что Татищевъ соединяетъ въ своемъ разсказѣ, очевидно, нѣсколько свѣдѣній, при чемъ извѣстіе о посольствѣ Михаила къ Святославу онъ, вѣроятно, почерпнулъ изъ византійскаго источника, между тѣмъ какъ краткое извѣстіе о походѣ на корсунянъ онъ нашелъ въ лѣтописи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ старинное слово „сыновецъ", очевидно, не понятое итальянцемъ Одерико. Послѣдній имѣлъ, вѣроятно, ту же лѣтопись, что и Татищевъ; но интересно, что онъ въ качествѣ виновника похода упоминаетъ одного только князя Всеволода. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ его источникѣ о Святославѣ не упоминалось; т. о., походъ могъ происходить уже послѣ смерти Святослава.

Итакъ, въ 1077 году Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ были посланы на Корсунь для усмиренія возмутившихся гражданъ. Вотъ объ этомъ послѣднемъ князѣ, по моему мнѣнію, и сохранилась память въ былинномъ Глѣбѣ Володьевичѣ. Относительно Глѣба имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

До 1064 года онъ сидѣлъ въ Тмуторокани, откуда былъ выгнанъ новгородскимъ княземъ Ростиславомъ. Святославъ вступился за сына и посадилъ его снова въ Тмуторокани, но Ростиславъ снова его выгналъ, и Глѣбъ принужденъ былъ отправиться къ отцу. Въ 1065 г. Ростиславъ былъ отравленъ, и, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого Глѣбъ снова явился въ Тмуторокань; въ 1067 году, когда Всеславъ Полоцкій захватилъ Новгородъ, мы тамъ не видимъ Глѣба, а, наоборотъ, имѣемъ извѣстіе о томъ, что въ слѣдующемъ году онъ былъ въ Тмуторокани и „мѣрилъ море по леду отъ Тъмутороканя до Кърчева" (Керчи).

Въ 1069 году видимъ Глѣба уже въ Новгородѣ: онъ съ новгородцами сражается противъ Всеслава и одерживаетъ блистательную побѣду. Въ 1074 г., 1 мая, онъ присутствуетъ съ отцомъ при кончинѣ Ѳеодосія Печерскаго и прощается съ нимъ.

Относительно кончины Глѣба имѣется два новгородскихъ извѣстія: одно говоритъ, что въ 1079 г. „убиша за Волокомь князя Глѣба мѣсяца маія въ 30". Это—современная лѣтописная замѣтка. Другое извѣстіе находится въ перечисленіи новгородскихъ князей; здѣсь мы читаемъ: „И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнашя (и) изъ града, и бѣжа за Волокъ, и убишя и Чюдь" [1]).

Кромѣ того, имѣется и кіевское извѣстіе въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ": „Въ се же лѣто (6586=1078) убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочіи. Бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ мѣсяца іуля 23 день."

Таковы современныя извѣстія лѣтописи о князѣ Глѣбѣ. Въ нихъ онъ изображается храбрымъ, красивымъ, добрымъ, религіознымъ и любознательнымъ: онъ мѣритъ ширину Керченскаго пролива и ставитъ каменный столбъ, на которомъ высѣкаетъ свѣдѣніе о результатѣ своего промѣра. Но для насъ особенное значеніе имѣютъ свѣдѣнія объ этомъ князѣ, записанныя по преданію. Сюда относится разсказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ о его столкновеніи съ новгородскимъ волхвомъ. Разсказъ этотъ, вѣроятно, записанъ лѣтописцемъ незадолго до 1116 года, а въ лѣтопись вставленъ подъ 1071 годомъ; слѣдовательно, кіевскій лѣтописецъ записалъ преданіе, обращавшееся въ народѣ около 40 лѣтъ. Описавши нѣсколько случаевъ появленія волхвовъ, лѣтописецъ продолжаетъ: „Такой же волхвъ явился при Глѣбѣ въ Новгородѣ. Онъ проповѣдывалъ народу, выдавая себя за Бога, и многихъ привлекъ, чуть не весь городъ; онъ говорилъ: „я все знаю", и хулилъ христіанскую вѣру; онъ говорилъ: „я перейду по Волхову предъ всѣми". Былъ мятежъ въ городѣ, всѣ ему повѣрили и хотѣли погубить епископа. Епископъ, взявши крестъ и облекшись въ ризы, выступилъ и сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить

---

[1]) Новгородская лѣтопись по Синодальному харат. списку, 117, 439.

волхву, пусть идетъ на его сторону, а вѣрующіе пусть идутъ ко кресту". И раздѣлились надвое: князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали около епископа, а весь народъ отошелъ на сторону волхва, и среди толпы было большое смятеніе. Глѣбъ же, взявши топоръ подъ полу, подошелъ къ волхву и сказалъ ему: „Знаешь ли, что будетъ завтра и сегодня до вечера?". Тотъ отвѣчалъ:—Все знаю.—И сказалъ Глѣбъ: „А знаешь ли, что будетъ сейчасъ?"—Я сотворю большія чудеса—сказалъ онъ. Глѣбъ же, вынувъ топоръ, разрубилъ его, и онъ палъ мертвымъ, а народъ разошелся. А онъ погибъ тѣломъ и душею, предавшись діаволу".

Въ этомъ разсказѣ Глѣбъ выступаетъ эпическимъ героемъ, загадывающимъ загадки, и немного напоминаетъ находчиваго Глѣба Володьевича, расправившагося съ Маринкой. Очевидно, что личность князя Глѣба была популярна и могла послужить основой для былины.

Теперь я остановлюсь на одномъ мелкомъ искаженіи былины. Отчество былиннаго Глѣба не соотвѣтствуетъ отчеству „Святославичъ". Смѣшеніе именъ въ былинахъ—дѣло обычное. Но въ данномъ случаѣ, по моему мнѣнію, мы имѣемъ дѣло не съ поздней, случайной путаницей, но со старымъ смѣшеніемъ двухъ героевъ одного и того же похода. На Корсунь былъ отправленъ не одинъ Глѣбъ, но со своимъ двоюроднымъ, младшимъ братомъ Владимиромъ Всеволодовичемъ. Поэтому можно предполагать, что прототипъ нашей былины имѣлъ двухъ героевъ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ только одинъ [1]), старшій, новгородскій князь, а двадцатичетырехлѣтній Мономахъ (род. 1053 г.) оставилъ по себѣ память однимъ отчествомъ: „Володовичъ" изъ „Всеволодовичъ". Интересно, что первый слогъ въ отчествѣ Мономаха оказалъ вліяніе на отчество эпическаго князя Владимира, который обычно называется *Всеславичемъ*, а не *Святославичемъ*. Возможно, что отчество Мономаха перешло въ нашу былину изъ южныхъ пѣсенъ объ этомъ популярномъ князѣ, давшемъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько капель крови въ жилы Владимира Краснаго Солнышка. Есть нѣсколько указаній на то, что въ XII—XIII ст. передава-

[1]) Подобное явленіе мы замѣчаемъ, сравнивая сказаніе о семи богатыряхъ съ позднѣйшими записями былины объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ.

лись поэтическія преданія о походахъ Мономаха на югъ. Такъ, Слово о погибели Русской земли говоритъ о томъ, что половцы носили ему своихъ дѣтей въ колыбели, венгры утверждали каменные города желѣзными воротами, чтобы онъ въ нихъ не въѣхалъ, а Мануилъ Царьградскій посылалъ ему большіе дары, изъ опасенія, чтобы онъ не взялъ у него Царьграда. Есть преданія и о походѣ Мономаха въ Крымъ. Такъ, Герберштейнъ, описывая обрядъ коронованія московскихъ великихъ князей, говоритъ слѣдующее о происхожденіи бармъ: „Владимиръ отнялъ ихъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ". Болѣе подробно это преданіе описывается Стрыйковскимъ: Владимиръ Мономахъ разбилъ поганыхъ половцевъ и генуэзцевъ, которые тогда владѣли Крымомъ, и взялъ у нихъ славный городъ Кафу, или Ѳеодосію. Въ другой разъ онъ столкнулся съ генуэзцами надъ моремъ и вызвалъ ихъ начальника, кафинскаго старѣйшину. Когда они съѣхались, Владимиръ вышибъ его копьемъ изъ сѣдла, схватилъ его, связалъ и привелъ къ своему войску. За то, что онъ сразился съ непріятелемъ одинъ-на-одинъ, въ честномъ поединкѣ, его прозвали по-гречески Мономахомъ. Петрей также упоминаетъ о битвѣ великаго князя Мономаха подъ Кафой—съ татарами. Наконецъ, Герера передаетъ преданіе о сраженіи русскаго князя „Володомера" съ генуэзскимъ консуломъ, который правилъ городомъ Ѳеодосіей [1]).

Итакъ, и имя, и отчество былиннаго героя находятъ себѣ объясненіе въ историческихъ фактахъ XI ст. Попытаемся отвѣтить на вопросъ: чему обязано появленіе въ былинѣ ея героини? Отчества Маринки, какъ я уже указалъ, объясняются наслоеніемъ историческихъ сказаній времени татарскаго нашествія; очевидно, они налегли на нѣчто болѣе древнее, и слѣдовательно, имя Марины находилось въ пѣснѣ раньше XIII в. Пока нельзя рѣшить, вошло ли оно туда изъ историческихъ преданій или проникло литературнымъ путемъ. На основаніи сравненія былины съ повѣстью о Басаргѣ скорѣе можно вывести заключеніе, что типъ Маринки выработался на русской почвѣ. Но были ли какія-либо мѣстныя условія для выработки этого типа, пока тоже остается нерѣшеннымъ вопросомъ. Можно только указать, что

---

[1]) См. *Жданова*, Русскій былевой эпосъ. 119—121.

и былина, и малорусская дума выставляютъ типъ самостоятельной женщины, играющей большую роль въ общественныхъ дѣлахъ своего города. Что касается думы, то она довольно правдоподобно описываетъ крымскую женщину высшаго класса, которая пользовалась сравнительною независимостью, оказывала большое вліяніе на своихъ мужей, а иногда позволяла себѣ и самовольничать [1]). Былина въ этомъ отношеніи, быть можетъ, тоже не идетъ въ разрѣзъ съ исторіей. Жены греческихъ правителей въ крымскихъ городахъ, повидимому, принимали участіе въ управленіи; по крайней мѣрѣ, извѣстна печать Ѳеофано, жившей въ XI или XII в., „архонтисы Росіи“. Послѣднее названіе проф. Кулаковскій объяснилъ какъ старое названіе города Керчи [2]). Печати, какъ извѣстно, привѣшивались къ грамотамъ, а послѣднія нужны были или для торговыхъ, или для административныхъ дѣлъ.

Теперь остановимся на историко-бытовыхъ чертахъ былины. Особенно упираетъ былина на громадныя пошлины, которыя Маринка собираетъ съ кораблей въ Корсунѣ. Это мѣсто въ пересказѣ Г. Л. Крюкова читается такъ:

Они какъ вѣдь въ гавань заходили—брала пошлину.
Паруса ронили—брала пошлину,
Якори-ти бросали—брала пошлину,
Шлюпки на́ воду спускали—брала пошлину,
А какъ въ шлюпочки садились—брала пошлину,
А къ мосту приставали—мостову́ брала,
А какъ по́ мосту шли, да мостову брала,
Какъ въ таможню заходили, не протаможила;
Набирала она дани-пошлины немножко, немало—сорокъ тысячей.

Менѣе подробно то же изложено въ пересказѣ А. М. Крюковой и въ отрывкѣ изъ Терской области:

Якоря-то они спускали въ воду—брала пошлину,
Ай мосты они мостили—мостово́ брала.

Иначе:

---

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ, op. c., 226, 236, 244.

[2]) Извѣстія XI Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, 1899, стр. 160. См. также Разысканія въ обл. р. дух. стиховъ, акад. Веселовскаго. Спб. 1889. Приложенія, стр. 100.

Корабль по морю бѣжитъ—она пошлину съ него брала,
Корабль къ яру подвигался—она другую съ него брала,
Корабль на яръ выгружался—она третію брала.

Это негодованіе на торговыя пошлины переноситъ насъ къ тому времени, когда онѣ, очевидно, только-что были введены. Изъ договоровъ Олега и Игоря извѣстно, что въ X стол. въ предѣлахъ Византійской имперіи русскіе купцы не платили пошлинъ за товары. О существованіи обычая брать пошлины въ русскихъ городахъ говорятъ источники XII вѣка. Отсюда можно заключить, что торговыя пошлины начали взимать въ предѣлахъ распространенія русской торговли въ XI вѣкѣ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что разбираемый нами эпизодъ составляетъ исконную принадлежность пѣсни о Глѣбѣ. Описаніе пошлинъ соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ. Издавна пошлину брали за проѣздъ черезъ мосты. Эта пошлина въ былинѣ называется „мостовое“ или „мостовая“; въ грамотахъ XII—XIV вв. она именуется „мостовщиной“. Точно также, упоминаемая въ былинѣ пошлина за право пристать къ берегу (яру) дѣйствительно существовала, и въ ханскихъ ярлыкахъ носитъ названіе „побережнаго“; штрафъ за уклоненіе платить товарную пошлину назывался „протаможьемъ“; очевидно, этотъ терминъ въ искаженномъ видѣ сохранился въ былинномъ выраженіи „не протаможила“ [1]).

Перехожу къ выясненію вопроса объ отношеніи князя Глѣба къ кораблямъ, захваченнымъ въ Корсунѣ. Изъ былины видно, что корабельщики были княжескими агентами, производившими торговыя операціи по довѣренности. Извѣстно, что князья южныхъ областей, собирая дань преимуществено натурою, обладали значительными товарами и нерѣдко отправляли ихъ за границу со своими купцами или „съ добрыми людьми“, кому они вѣрили. Именно въ роли защитника своихъ купцовъ выступаетъ Глѣбъ. Опять былина переноситъ насъ къ тому времени, когда военныя предпріятія князей имѣли цѣлью установленіе порядка, способствующаго ихъ торговымъ интересамъ, т. е. къ XI вѣку. Обратимъ вниманіе на одну подробность былины: корабельщики везли въ подарокъ князю перчатки; Маринка ихъ отобрала:

---

[1]) См. мои Бытовыя черты р. былинъ. 28; Аристовъ, Промышленности древней Руси, 224, 230.

А да взяла она трои рукавочки,
Что да тѣ трои рукавочки, трои перчаточки;
А какъ эти перчаточки онѣ спиты были, не вязаны,
А вышиваны-ти были краснымъ золотомъ,
А высаживаны дорогимъ-то скатнымъ жемчугомъ,
А какъ всажено было каменье самоцвѣтное.
А какъ первы-ти перчатки во пятьсотъ рублей,
А други-ти перчатки въ цѣлу тысячу,
А какъ третьимъ перчаткамъ цѣны не было.

Это указаніе былины имѣетъ бытовое основаніе. Изъ грамотъ XIII в. извѣстно объ обычаѣ пріѣзжихъ купцовъ совершать подношенія князьямъ, а также лицамъ, замѣняющимъ ихъ,—тіунамъ и посадникамъ; подносили цѣнныя матеріи или „персчатыя рукавицы". Этотъ обычай въ особенности былъ распространенъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ существовалъ только въ древнѣйшее время, въ періодъ могущественнаго положенія князей [1]). Объ этомъ обычаѣ сохранилась память также въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ; но Соловей подноситъ князю не перчатки, а камку и драгоцѣнные металлы и камни. Сборъ съ купцовъ въ пользу князя былъ вознагражденіемъ за ту охрану, которую давалъ онъ съ своей дружиной купеческимъ караванамъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ обстоятельствомъ, Глѣбъ Володьевичъ, какъ только узнаетъ о притѣсненіяхъ, которыя терпятъ корабли въ Корсунѣ, тотчасъ же идетъ ихъ выручать.

Вотъ всѣ историческія черты, сохранившіяся отъ древнѣйшаго вида былины въ современныхъ ея пересказахъ; но и этихъ немногихъ чертъ достаточно, чтобы судить о времени ея сложенія.

Въ заключеніе подведемъ итоги нашихъ замѣчаній о былинѣ:

1) По поводу похода двухъ князей на Херсонесъ въ 1077 году возникли пѣсни, которыя прославляли ихъ за успѣшную защиту русскихъ торговыхъ судовъ, терпѣвшихъ притѣсненія со стороны администраціи города.

2) Главнымъ героемъ этихъ пѣсенъ былъ старшій изъ двоюродныхъ братьевъ, князь тмутороканскій и новгородскій, Глѣбъ Святославичъ; въ былинѣ сохранилось его имя.

3) Отчество былиннаго героя, Глѣба Володьевича, усвоено было ему позднѣйшими пересказами пѣсни, которые отвлекли

[1]) Бытовыя черты р. былинъ, 27—29; Никитскій, Исторія экономическаго быта В. Новгорода, 136, 160; ср. 145, 151.

это отчество отъ имени другого участника похода, Владимира Мономаха: Володьевичъ = Всеволодовичъ.

4) Историко-бытовыя черты, сохранившіяся въ былинѣ, подтверждаютъ мнѣніе о ея возникновеніи, въ первоначальномъ видѣ, въ концѣ XI вѣка.

5) Въ эпоху татарскаго нашествія героиня былины, Марина, получаетъ отчество „Кайдаровна", отвлеченное отъ имени хана Кайдара, упоминаемаго въ южной лѣтописи, но не извѣстнаго сѣвернымъ лѣтописцамъ.

6) Поэтическій сюжетъ былины восходитъ къ неизвѣстному византійскому сказанію, остаткомъ котораго является передѣланная съ греческаго повѣсть о Басаргѣ; мѣсто дѣйствія этой повѣсти, приморскій городъ Антіохія, перенесено на другой приморскій городъ—Херсонесъ. Былина возникла въ предѣлахъ сильнаго византійскаго вліянія, во всякомъ случаѣ — въ южной Россіи.

7) Изъ географическихъ указаній былины, одни сохранили названія, бывшія въ иноземномъ ея оригиналѣ (Арапская земля, „Муромецъ" вмѣсто „Муринъ"), другія свидѣтельствуютъ о прикрѣпленіи иноземнаго сказанія къ русской почвѣ (Корсунь, Новгородъ).

8) Въ началѣ XVII в. былина еще была извѣстна на югѣ: она послужила оригиналомъ малорусской думы объ Иванѣ Богуславцѣ.

9) Записанная у терскихъ казаковъ пѣсня о Маринѣ Кайдаровой представляетъ собою искаженное начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ; эта пѣсня болѣе точно сохранила отчество Марины, искаженное во всѣхъ другихъ былинахъ, упоминающихъ Маринку (Кайдаловна, Кайдаловка, Калайдашна).

Нѣкоторые изъ частныхъ выводовъ должны пока считаться предположительными.

Когда статья была уже набрана, явился новый матеріалъ, позволяющій сдѣлать къ ней нѣкоторыя добавленія. Въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ" 1904 г., т. IX, кн. 2, акад. А. Н. Веселовскій приводитъ „нѣсколько данныхъ къ повѣсти о Басаргѣ". Я приведу

тѣ замѣчанія г. Веселовскаго и тѣ новыя рукописныя данныя, которыя имѣютъ отношенія къ высказаннымъ мною догадкамъ.

Мое мнѣніе о замѣнѣ Царьграда Кіевомъ подтверждается соображеніями акад. Веселовскаго, который, пользуясь новою рукописью повѣсти, рѣшаетъ, что Кіевъ, какъ мѣсто, откуда выѣзжаетъ Басарга, принадлежитъ русскому пріуроченію. Эта рукопись начинается такъ: „Бысть нѣкій купецъ Димитрій Басарга, женишеся въ Русской земли, во граде Кіеве"; онъ ѣдетъ—изъ Кіева; когда впослѣдствіи Борзосмыслъ посылаетъ отца за матерью,онъ отправляется—„в преславнѣйши Царьградъ" (стр. 66).

Относительно города, куда занесло корабли Басарги, мнѣ было извѣстно указаніе г. Пыпина, что въ одной рукописи этотъ городъ названъ Антіохіей. Акад. Веселовскій приводитъ выписку изъ этой рукописи, гдѣ названіе Антохіи встрѣчается четыре раза, а также изъ рукописи, принадлежавшей Тихонравову, гдѣ упоминается „Антіохійское царство". Эта рукопись замѣчательна своимъ началомъ, не встрѣчавшимся въ другихъ: здѣсь разсказывается о томъ, что въ Антіохіи царствовалъ 17 лѣтъ Аркадій; онъ тамъ умеръ и погребенъ былъ патріархомъ Амфилохіемъ. По смерти Аркадія греки съ патріархомъ отправили пословъ въ Римъ и просили отпустить къ нимъ въ цари епарха Несміяна Гордаго. Несміянъ согласился на ихъ просьбу и вмѣстѣ съ римлянами пріѣхалъ въ Антіохійское царство. По дьявольскому наважденію, онъ прельстилъ грековъ, а потомъ сталъ отнимать у нихъ пищу, питье, золото и серебро, привлекая ихъ къ латынской вѣрѣ. Это введеніе объясняетъ слова дочери Несміяна (въ двухъ рукописяхъ), которая говоритъ о себѣ, что она—вѣры латынской, земли римской (стр. 67—68).

Акад. Веселовскій приводитъ также выписки изъ особой редакціи повѣсти; эту редакцію онъ считаетъ новой стилистической обработкой, происшедшей въ XVII вѣкѣ. Здѣсь является нѣсколько новыхъ именъ: сынъ Басарги называется Ѳорсомъ; патріархъ названъ св. Нектаріемъ. Является новое пріуроченіе: мѣсто дѣйствія повѣсти—„Венецѣя великая", хотя она смѣшивается съ Кіевомъ. Всѣ ли особенности этой рукописи представляютъ позднѣйшую переработку, на этотъ вопросъ акад. Веселовскій не рѣшается дать категорическаго отвѣта: „Что изъ отличій этой распространенной редакціи повѣсти окажется при-

надлежащимъ ея древнему составу, на это отвѣтить трудно" (стр. 71). Возможно, что кое-что въ ней уцѣлѣло и изъ не дошедшаго до насъ древняго извода. Такъ, купецъ Димитрій носитъ прозвище Басаргинъ, чтò ближе подходитъ къ нарицательному имени (перс. бāзāрганъ=купецъ), возведенному въ собственное. Возможно также, что въ этой редакціи сохранилось имя дочери Несміяна. Я уже отмѣтилъ, что только въ рукописи г. Григорьева упоминается имя, данное дочери Несміяна послѣ крещенія. Здѣсь я привожу это мѣсто: „Царь же повеле патриярху крестити царицу и со дщерью... Призвавъ царь царицу, нарече себе вторую матерь, а дщерь ея нарече себе невестою, повелѣ еи блюсти до брачнаго дни... И посемъ, егда приспѣ уреченыи брачныи день царю, и тогда поятъ оныя вышереченыя вторыя матере своея царицы и дщере ея, обручению себѣ въ царицу, Еупраксию". Въ рукописи, приводимой г. Веселовскимъ, мы читаемъ слѣдующее: Борзосмыслъ „взя прекрасную и предивную дѣвицу Зевеіаду, дщерь... Несміяна Гордаго, и крестиша ее и нарекоша имя ей Маремъямія". Здѣсь мы находимъ два новыхъ имени, при чемъ имени Евпраксіи соотвѣтствуетъ имя Маремьяны (Маріамны). Быть можетъ, послѣднее имя броситъ свѣтъ на загадочную личность былинной Марины. Я уже указывалъ, что это имя въ нашихъ былинахъ — типическое и придается женщинамъ-иностранкамъ, иной вѣры, злобнымъ и измѣнчивымъ. Какъ на такой типъ, я указывалъ между прочимъ на невѣсту Ивана Годиновича. Въ большинствѣ пересказовъ былины она носитъ имя Настасьи, но въ „Печорскихъ былинахъ" г. Ончукова мы встрѣчаемъ рядомъ два имени: „На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлоей, На той Маремьяны на прекрасноей,"—и далѣе она называется то Маремьяной, то Маринкой (стр. 313 и слѣд.). Что звуки *ян* въ этомъ имени не поздняго происхожденія, о томъ свидѣтельствуетъ отчество невѣсты Ивана Годиновича изъ „Бѣлом. был.", стр. 97,—Митреяновна. Сравнивая былину о Глѣбѣ Володьевичѣ съ повѣстью о Басаргѣ, я отмѣтилъ, что дочь Несміяна соотвѣтствуетъ Маринѣ Кайдаровой; въ новой редакціи повѣсти мы находимъ имя Маремьяны. Теперь можетъ быть поставленъ вопросъ: не принадлежало ли это имя первоначальной редакціи повѣсти и не находилось ли оно также въ томъ предполагаемомъ сказаніи, которое послужило оригиналомъ былины? Во всякомъ случаѣ,

имя „Маріамна“ могло дать форму „Марина“, какъ оно дало формы „Маремьяна“, „Марьяна“, „Мариха“ (послѣднюю, уничижительную, форму имени Маремьяна я слышалъ на Терскомъ берегу Бѣлаго моря). Несомнѣннымъ является также то, что оба имени, даваемыя дочери латинскаго епарха, въ былинахъ усвоены иностранкамъ, на которыхъ женятся (кн. Владимиръ—Апраксія) или пытаются жениться (Добрыня — Маринка) герои русскаго эпоса.

Того же автора:

Бѣломорскія былины, съ предисловіемъ проф. В. Ѳ. Миллера. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Бытовыя черты русскихъ былинъ. М. 1904. Ц. 1 рубль.

Что такое Овсень? Изъ исторіи русской и латышской весенней обрядности. М. 1905. Ц. 20 коп.

Пѣсни русскаго народа о войнѣ и солдатчинѣ. (Печатается).

Матеріалы, собранные въ Архангельской губ. лѣтомъ 1901 г. Духовные стихи, былины и историческія пѣсни, причитанія. Ч. I. (Печатается).

А. Марковъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
РУССКАГО БЫЛЕВОГО ЭПОСА.

Выпускъ II-й.

(Оттискъ изъ LXVII и LXX—LXXI кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»).

1907.

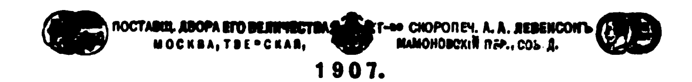
А. Марковъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
РУССКАГО БЫЛЕВОГО ЭПОСА.

Выпускъ II-й.

(Оттискъ изъ LXVII и LXX—LXXI кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»).

1907.

Изъ исторіи русскаго былевого эпоса.

IV [1]).

Добрыня-змѣеборецъ. Взаимоотношеніе различныхъ версій былины.

Анализу былинъ о Добрынѣ-змѣеборцѣ посвящены двѣ статьи проф. В. Ѳ. Миллера [2]). Указавши историческую основу этихъ былинъ и своеобразный психологическій процессъ, осложнившій эту основу сказочнымъ мотивомъ змѣеборства, проф. Миллеръ считалъ свою задачу исполненной. „Въ настоящемъ экскурсѣ, говоритъ онъ (стр. 50), я не имѣлъ въ виду разсмотрѣть всѣхъ деталей былиннаго разсказа о боѣ Добрыни со змѣемъ, каковы: первое нападеніе змѣя, договоръ Добрыни съ нимъ, полученіе богатыремъ невѣсты отъ змѣя, похищеніе княженецкой племянницы, вторичный бой и побѣда Добрыни. Исторія этихъ деталей требуетъ отдѣльнаго изслѣдованія".

Моя статья имѣетъ цѣлью собрать данныя для уясненія исторіи былины на русской почвѣ, для чего необходимо детально разсмотрѣть всѣ извѣстные пересказы.

Читая былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ, легко замѣтить, что всѣ пересказы, записанные въ Олонецкой губерніи, начинаются съ упоминанія Пучай-рѣки: либо мать не совѣтуетъ Добрынѣ купаться въ рѣкѣ, либо онъ проситъ позволенія ѣхать къ рѣкѣ. Такъ же начинается короткій пересказъ, записанный въ Саратовской губ. [3]). Пересказы, записанные на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, начинаются съ описанія пира у князя Владимира.

---

[1]) См. „Этн. Обозр." 1904, № 3 (кн. LXII).

[2]) Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892. Стр. 32—54. Очерки русской народной словесности. Былины. М 1897. Стр. 144—148.

[3]) *Кирѣевскій*, VII. Прилож., 10.

Всѣ остальные пересказы начинаются съ рожденія Добрыни. На основаніи этихъ различій въ началѣ былины я предварительно раздѣлю ея пересказы на три типа: I олонецкій, II Зимняго берега, III восточный (къ послѣднему принадлежитъ пересказъ въ сборникѣ Кирши Данилова и др.).

1 типъ, олонецкій.

Я начну разборъ перваго типа съ трехъ пересказовъ (обозначаю ихъ—*a*), отличающихся отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что къ нимъ непосредственно примыкаетъ разсказъ о встрѣчѣ Добрыни съ поляницей и о женитьбѣ на ней. Всѣ эти пересказы имѣютъ между собою близкое сходство. Два изъ нихъ [1]) записаны въ Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда, третій [2])—въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.

Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
„Ты не ѣзди-тко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко тамъ ты малыихъ змѣенышей,
Не выручай же полону тамъ русскаго;
Не куплись-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣкѣ:
Но Пучай-рѣка очень свирѣпая:
Но средняя-то струйка, какъ огонь сѣчетъ“.

Добрыня не слушался матери, ѣздилъ на Сорочинскія горы и топталъ змѣенышей. Однажды стало ему жарко, онъ подъѣхалъ къ Пучаю, раздѣлся и сталъ купаться.

Вѣтра нѣтъ, да тучу надиесло,
Тучи нѣтъ, да будто дождь дождитъ,
Ай дождя-то нѣтъ, да только громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, да искры сыплются [3]).
Налетѣло змѣище Горынчище,
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ:
„А теперь Добрыня во моихъ рукахъ:
Захочу, Добрыню теперь потоплю,
Захочу, тебя Добрыню теперь цѣло́ сожру,
Захочу, тебя Добрыню въ хобота возьму,
Въ хобота возьму Добрыню, во нору снесу“.

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, № 24 = *Гильфердингъ*, № 148; *Гильфердингъ* № 157.
[2]) *Гильфердингъ*, № 5.
[3]) Иначе: „Громъ гремитъ, да свищетъ молнія“.

Добрыня былъ гораздъ плавать; онъ перенырнулъ съ одного берега до другого; но у него не было ни коня, ни меча, ни копья. Онъ схватилъ колпакъ земли Греческой, отшибъ имъ змѣѣ двѣнадцать хоботовъ, и она упала въ ковыль-траву. Онъ уже хотѣлъ ножомъ ей распластать грудь, но она возмолилась:

„Будь-ка ты, Добрынюшка, да большій братъ,
Я тебѣ, да сестра меньшая.
Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую,
Чтобъ не ѣздити тебѣ во далече чисто поле,
Не топтать-то, вѣдь, младыихъ змѣенышей;
А мнѣ не летать больше на святую Русь,
Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ“.

Проклятая змѣя поднялась подъ облака. Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ; она захватила князеву племянницу Забаву Путятичну и унесла въ свою нору (пещеру). Князь Владимиръ по три дня кликалъ былицъ-волшебницъ; не могъ докликаться, кто бы могъ достать Забаву. Алешенька Левонтьевичъ указываетъ князю, что это можетъ сдѣлать Добрыня, какъ крестовый братъ змѣи. Добрыня узнаетъ отъ князя о порученіи и жалуется матери на свою бѣду. Мать ему говоритъ: „ложись спать; утро мудренѣе вечера“. На слѣдующій день Добрыня сѣдлаетъ коня своего дѣдушки На прощанье мать подаетъ ему плетку и говоритъ:

„Когда будешь далече во чистомъ полѣ,
На тѣхъ горахъ да Сорочинскіихъ,
Станешь топтать маленькихъ змѣенышей,
Подточатъ у бурка они да щеточки [1),]—
Такъ возьми ты плеточку шелковую,
Бей бурушка промежду ушей,
Промежду ноги, да ноги задніи.
Станетъ бурушка-кавурушка поскакивать,
А змѣенышей отъ ногъ онъ да отряхивать,
Притопчетъ всѣхъ да до единаго“.

Добрыня такъ и дѣлаетъ. Змѣя выходитъ изъ норы и обвиняетъ Добрыню въ нарушеніи уговора, Добрыня ей возражаетъ:

„Чортъ ли тя несъ да черезъ Кіевъ градъ!
Ты зачѣмъ взяла князеву племянницу?
Ты отдай безъ брани, безъ бою, кровопролитія“.

---

1) Пучки волосъ надъ заднею частью копытъ.

Змѣя на это не соглашается и бьется съ Добрыней. Далѣе между пересказами оказывается нѣкоторое различіе. Въ пересказахъ Гильфердинга №№ 5 и 148 (Чукова) Добрынѣ помогаетъ небесная сила, въ пересказѣ же Гильф. № 157, а также въ записи, сдѣланной Рыбниковымъ (I, № 24) у того же Чукова о небесной силѣ не говорится. Но нужно замѣтить, что во всѣхъ записяхъ упоминается, что битва продолжалась три дня; я думаю, что послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что въ версіи, отъ которой произошли всѣ эти пересказы, говорилось о небесной силѣ, п. ч. въ противномъ случаѣ указаніе на трехдневный бой безъ его описанія было бы страннымъ.

Добрыня бился со змѣей трое сутокъ, и хотѣлъ уже уѣхать отъ нея, какъ вдругъ съ небесъ Добрынѣ гласъ гласитъ:

„Бился со змѣей ты да трои сутки,
А побейся-ка съ змѣей да еще три часа“.

Добрыня послушался и побилъ змѣю. Змѣя пустила кровь отъ востока до запада. Добрыня стоялъ въ крови трое сутокъ, испугался и хотѣлъ уѣхать, но съ небесъ ему опять гласъ гласитъ:

„Бей-ка ты копьемъ да во сыру землю,
Самъ къ копью да приговаривай:
Разступись-ка матушка сыра земля,
На четыре разступись да ты на стороны,
Ты пожри-ка эту кровь да всю змѣиную“.

Добрыня все это исполнилъ, и кровь ушла въ землю. Тогда Добрыня вошелъ въ змѣиныя пещеры и вывелъ оттуда много полоненыхъ людей; въ послѣдней пещерѣ онъ нашелъ Забаву Путятичну и вывелъ ее на бѣлый свѣтъ.

А садился тутъ Добрыня на добра коня,
А садилъ же онъ Забаву на правó стегно
И поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту полю.

Далѣе во всѣхъ пересказахъ описывается встрѣча Добрыни съ поляницей. Переходъ къ этому сюжету сдѣланъ не особенно удачно. Добрыня передаетъ Забаву Алешѣ Поповичу, чтобы свезти ее въ Кіевъ, при чемъ или Алеша почему то оказывается около пещеры (Гильф. № 157), или Добрыня нагоняетъ его въ полѣ (№№ 5, 148).

Въ слѣдующую группу—*б*—я соединяю три пересказа, записанные въ Кижской волости. Самостоятельное значеніе имѣетъ

лишь одинъ изъ нихъ (Гильф. № 79), два же другіе представляютъ отрывки (Гильф. 123 и Гильф. № 93 = Рыбн. I, № 23).

Начало этихъ пересказовъ очень различно. № 79 нѣсколько отступаетъ здѣсь отъ олонецкаго типа:

Да й спородила Добрыню родна матушка
Да возростила до полнаго до возраста.
Сталъ молоденькій Добрынюшка Микитинецъ
На добромъ конѣ въ чисто поле поѣзживать,
Сталъ онъ малыхъ змѣенышей потаптывать и т. д.

№ 123, записанный у очень дурного сказителя Щеголенка, начинается рѣчью Добрыни къ богатырямъ о томъ, что теперь— лѣто, и ему хочется покупаться въ рѣкѣ Почаевой. Далѣе онъ о томъ же говоритъ матери.

Начало № 93 представляетъ собою вставку изъ былины о Добрынѣ и Алешѣ (ср. ст. 1—23 и № 100, ст. 1—19). Послѣдняя былина очень часто начинается жалобой Добрыни на судьбу передъ матерью. Далѣе Добрыня говоритъ матери, что его посылаютъ въ Сорочинскую землю, на Пучай-рѣку, выручать княжескую племянницу. Это, конечно, сказитель перенесъ изъ второй половины былины, которую онъ забылъ.

Въ этой группѣ также упоминаются Сорочинскія горы или земля; № 123, очевидно, забылъ это названіе. Добрыня выѣзжаетъ вооруженнымъ: по № 79 онъ беретъ палицу, по № 123—палицу, копье и саблю, по № 93 онъ бьетъ змѣю палицей, въ латахъ и кольчугѣ. Когда онъ собирается купаться, его предостерегаютъ портомойницы, чтобы онъ купался не нагимъ, а въ рубашкѣ. Добрыня имъ отвѣчаетъ:

„А вы сами спали, себѣ сонъ видѣли“ (93);

или, дальше отъ подлинника:

„Ничего-то вы вѣдь, дѣвушки, не знаете;
Только знайте-тко вы, дѣвушки, сами себя“ (79).

В. Ө. Миллеръ (Экскурсы, 46 [1]) указалъ, что эта деталь зашла сюда изъ былинъ о Василіи Буславьевичѣ. Въ другихъ группахъ мы ея не находимъ.

Въ этой группѣ новымъ является также то, что Добрыня ѣдетъ со слугой. Собираясь купаться онъ говоритъ (№ 123):

---

[1]) Ср. Потебня, Объясненія малор. и ср. пѣсень, II, 360.

„Ай же ты дѣтинка неудáкова (?)!
Покарауль-ко ты коня да богатырскаго
А у той ли у рѣченьки Почаевой“.

Когда Добрыня заплылъ за середнюю струю,

Закричалъ-то малый паробкя,
Закричалъ паробкя громкимъ голосомъ:
„Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
Изъ-подъ западныя сторонушки идетъ шумъ великъ“ (№ 93 [1]).

И въ двухъ другихъ пересказахъ змѣя является съ западной стороны. Далѣе, встрѣчаемъ указанія на количество головъ у змѣи: по № 79 она—о трехъ головахъ (стихъ 116), по № 123 она—восьмиглавая.

№ 93 оканчивается тѣмъ, что змѣя обѣщается отдать Добрынѣ „королевичну“; конечно, это—та же княженецкая племянница, о которой упоминалось, какъ я указалъ, не на мѣстѣ.

Дальнѣйшее содержаніе № 123 иредставляетъ большую путаницу. Змѣя взмолилась человѣчьимъ голосомъ: не руби моей головы; я иду къ морю, къ великому королю; у него есть дочь:

„Брови-то у ней черна соболя,
И очи у ней ясна сокола.
По косицамъ-то у ней звѣзды частыя...
Я достану эту королевичну отъ синя моря“.

Черезъ три дня Добрыня находитъ дѣвицу на берегу рѣки и увозитъ ее въ Кіевъ. Мать говоритъ Добрынѣ, что дѣвица вышла изъ невѣрной земли, а князь Владиміръ пеняетъ ему за то, что онъ не отрубилъ змѣѣ головъ. На этомъ пересказъ прерывается.

„Въ этотъ варіантъ“, говоритъ Потебня [2]), „кажется, единственный извѣстный въ своемъ родѣ, внесенъ величальный мотивъ: змѣя—сватъ“. Въ дѣйствительности тутъ нѣтъ ничего подобнаго. Щеголенокъ извѣстенъ, какъ сказитель, путающій былины и вставляющій въ нихъ сказочные эпизоды. Такъ, въ былину объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ онъ вставилъ

[1]) По № 79, ст. 200, у Добрыни тоже есть паробокъ, но онъ остается дома.

[2]) Объясненія малор. и сродныхъ нар. пѣсень, II, 361.

нѣсколько деталей изъ сказки объ Еруланѣ [1]). Дочь Соловья между прочимъ говоритъ Ильѣ:

„Во подсолнечномъ градѣ у короля
Есть дочь единая:
Брови у ней черна соболя,
Очи у ней ясна сокола,
По косицамъ у ней звѣзды частыя“.

Описаніе подобной красавицы Щеголенокъ вставилъ и въ былину о Добрынѣ, конца которой онъ не зналъ.

Въ дальнѣйшемъ № 79 представляетъ слѣдующія особенности, сравнительно съ группой *a*. Змѣя грозитъ взять Добрыню въ полонъ, сжечь или пожрать. Договоръ змѣи излагается такъ:

„Мы напишемъ съ тобой записи промежъ собой,
То велики записи, немалыя:
Не съѣзжаться бы вѣкъ пó вѣку въ чистомъ полѣ,
Намъ не дѣлать бою-драки-кроволитія промежъ собой“.

Былицы-волшебницы не упоминаются; вмѣсто того князь на пиру держитъ слѣдующую рѣчь:

„Ай же вы мои да князи бояра,
Сильны русскіе могучіе богатыри,
Еще всѣ волхи бы, всѣ волшебники!
Есть ли въ нашемъ во городѣ во Кіевѣ
Таковы люди, чтобъ съѣздить имъ да во чисто поле...,
Кто бы могъ достать да племничку любимую,
А прекрасную Забавушку Путятичну!“

Таковыхъ людей во градѣ не находится. Мы увидимъ волхвовъ и въ другихъ группахъ, но уже въ другомъ мѣстѣ былины. Далѣе въ пересказъ включена вставка изъ былины о Потыкѣ. Эта былина извѣстна въ Кижахъ (Гильф. №№ 158 и 150); въ ней говорится о томъ, какъ князь Владимиръ посылаетъ Илью Муромца и Потыка въ Золотую орду и въ Швецію получить дань за двѣнадцать съ половиною лѣтъ; въ нашей былинѣ Золотая орда замѣнена Политовской землей, и кромѣ того, Владимиръ проситъ не выправить дань, а наоборотъ, отвезти къ королямъ; послѣднее мы находимъ въ былинѣ того же Рябинина (№ 80 „Добрыня и Василій Казимировъ“), отъ котораго запи-

[1]) *Миллеръ*, Очерки, 404—406.

сана и разбираемая теперь былина. Что касается повода внесенія этого эпизода, то онъ достаточно ясенъ: князь ищетъ людей для выполненія своего порученія—и не находитъ таковыхъ; пѣвецъ хочетъ объяснить, почему это такъ, и прибавляетъ, что нѣкоторые богатыри были посланы въ чужія земли.

Указываетъ князю на Добрыню также Алеша, но онъ называется Григорьевичемъ (какъ и въ № 77, ст. 27 того же Рябинина). Не упомянуто о томъ, что Добрынѣ конь достался отъ дѣда, что при отъѣздѣ Добрыни мать давала ему наказанія. Говорится о томъ, что конь, притоптавши множество змѣенышей, сталъ припадывать на ноги, но почему это случилось, пересказъ не упоминаетъ (змѣеныши подточили щетки у коня). Второй бой сильно скомканъ: передъ входомъ въ змѣиныя норы Добрыня надѣваетъ доспѣхи, беретъ саблю, копье, палицу и шалыгу подорожную; змѣя не хочетъ отдать Забаву безъ боя; но бой не описывается, хотя Добрыня привозитъ ее къ князю. Ясно, что въ прототипѣ этого пересказа было описаніе боя. Объ освобожденіи полоненыхъ людей пересказъ упоминаетъ.

Къ слѣдующей группѣ—*в*—я отношу краткій пересказъ, записанный на Кенозерѣ (Гильф. № 289). Этотъ пересказъ имѣетъ всего 46 стиховъ, и многія детали въ немъ сглажены: нѣтъ названій Добрыниной матери, рѣки, Сорочинскихъ горъ, князя Владимира, Забавы; вмѣсто послѣдней является безымянная дѣвица. Начало пересказа—наказъ матери не купаться. Въ битвѣ со змѣей новымъ является отвѣтъ Добрыни на ея угрозы:

„А нагого сглотить-да будто мертваго!
Дай надѣть платье богатырское“.

Такой отвѣтъ мы увидимъ въ пересказахъ другихъ типовъ. Затѣмъ, въ этомъ пересказѣ есть причитаніе унесенной змѣею дѣвушки:

„И моя-та коса да желто-русая!
Плетена у родителя у матушки,
Во новомъ во высокомъ во теремѣ;
Расплетать станутъ маленьки змѣеныши
Да во тѣхъ во пещерахъ во глубокіихъ“.

Это причитаніе, не встрѣчающееся въ другихъ олонецкихъ пересказахъ, несомнѣнно, зашло сюда изъ былины о Козаринѣ.

Второй бой Добрыни со змѣей скомканъ. Добрыня освобождаетъ изъ пещеръ несмѣтное количество народу, который долго тамъ сидѣлъ:

Сидятъ старушки-то—посѣдатели,
У грудей висятъ маленьки змѣеньшки.

Эту подробность мы увидимъ и въ другихъ группахъ, но въ болѣе удачномъ пониманіи.

Изъ олонецкихъ пересказовъ мы находимъ ее лишь въ одномъ (Гильф. № 191), въ которомъ имя Добрыни замѣнено именемъ Дуная. Начинается этотъ пересказъ—обозначимъ его *г*—описаніемъ охоты:

Гулялъ Дунаюшко по чисту полю,
Стрѣлялъ Дунаюшко сѣрыхъ утушекъ.

Далѣе къ этому прибавляется нѣсколько словъ, обычныхъ при описаніи дѣтства богатыря (Василій Буславьевичъ, Ҁозаринъ, Еруслапъ и др.):

Убилъ Дунаюшко головъ безповинныихъ;
Кого за руку щипнулъ, то рука прочь,
Кого за ногу щипнулъ, то нога прочь.

Описанія дѣтства богатыря и его охоты мы находимъ и въ другихъ группахъ былины. Далѣе мы видимъ въ былинѣ непосредственный переходъ ко второй части былины о Добрынѣ, гдѣ говорится о похищеніи. Пещорская змѣя унесла племянницу и крестницу царя. Царь посылаетъ за нею Дуная. Выборъ царя, конечно, не мотивированъ, такъ какъ эта мотивировка дѣлается на основаніи первой части былины о Добрынѣ, а этой части въ пересказѣ нѣтъ. Пересказъ сохраняетъ извѣстіе о томъ, что порученіе царя заставляетъ богатыря кручиниться. Дунай беретъ отцовскаго коня (въ I, *а*—дѣдушкина); мать подаетъ ему плетку въ сорокъ пудовъ. Далѣе объ этой плеткѣ не говорится, но мы видѣли, для чего Добрынѣ нужна была плетка, въ I, *а* и въ I, *б*. Дунай пріѣзжаетъ къ пещорской змѣѣ; дѣвица ему говоритъ:

„А пусть змѣя лютая
Нажрется груди бѣлою,
Груди бѣлою дѣвочьею“.
Нажралась змѣя пещорская
Груди бѣлыя, груди дѣвочьею,
И повалилась змѣя пещорская,
Заснула сны крѣпкими.

Такое представленіе въ другихъ пересказахъ не встрѣчается; оно представляетъ собою сказочную черту, замѣнившую другое представленіе: женщина кормитъ змѣенышей. Въ связи съ такой замѣной находится и измѣненіе подвига Добрыни: онъ не бьется со змѣей, а увозитъ отъ нея дѣвицу во время сна.

Далѣе царь узнаетъ отъ племянницы, что Дунай ея не пристыдилъ дорогою, и отдаетъ ее за него замужъ. Такого окончанія мы не находимъ въ другихъ пересказахъ.

Въ слѣдующую группу—*д*—я соединяю два очень близкіе между собою пересказа Гильф. №№ 59 и 64, записанные въ Пудожскомъ уѣздѣ, и № 241. Послѣдній примыкаетъ къ № 59 той чертой, что въ нихъ обоихъ разсказывается въ началѣ объ охотѣ Добрыни на берегу моря:

И поѣхалъ онъ Добрыня во чисто ли во поле,
И пріѣхалъ онъ Добрыня ко синю ко морю,
Ко синю морю Добрыня ко морю Черному,
Стрѣлялъ онъ, палилъ гусей, лебедей
И малыя пернастыя утицы.
А й ѣдетъ, тѣмъ ли Добрынюшка питается (241).

Иначе представлено дѣло въ № 59:

Какъ во стольноемъ во городѣ во Кіевѣ
Жилъ былъ тамъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ.
Пожелалъ-то идти онъ за охотою...
А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тугой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Добрынюшка разрывчатый,
А й беретъ-то вѣдь онъ стрѣлочки каленыя.
А й приходитъ-то Добрыня ко синю морю,
А й приходитъ-то Добрыня къ первой заводи (заливу),—
Не попало тутъ ни гуся, ни лебедя,
А й ни сѣраго-то малаго утеныша.

То же случилось и у другихъ заводей. Разгорѣлось у Добрыни сердце, онъ возвращается домой и проситъ у матери позволенья ѣхать къ Пучай-рѣкѣ. Эпизодъ Добрынпной охоты мы видѣли уже въ I *г*; увидимъ и въ другихъ группахъ. Море въ другихъ олонецкихъ группахъ не упоминается, но о немъ говорится въ пересказахъ другихъ мѣстностей.

Продолженіе № 241 сильно искажено; змѣя, налетѣвши на Добрыню, беретъ его на свои черные хоботы и уноситъ на

змѣиныя горы; это искаженіе, вѣроятно, объясняется смутною памятью о Сорочинскихъ горахъ, на которыхъ живетъ змѣя и куда она уноситъ не Добрыню, а дѣвицу. Въ связи съ этимъ находится и дальнѣйшее искаженіе: змѣя садится Добрынѣ на грудь, хочетъ ее вспороть; Добрыня проситъ помилованія и предлагаетъ быть ей братомъ и вмѣстѣ охотиться. Тогда змѣя опять его несетъ на хоботахъ къ коню. Добрыня одѣвается, садится на коня, беретъ копье и саблей отрубаетъ змѣѣ голову. Далѣе слѣдуетъ начало былины о Маринкѣ. Окончить былину сказитель не могъ. Ясно, что побѣда змѣи является искаженіемъ: мало того, что такой исходъ представляетъ Добрыню въ очень непривлекательномъ свѣтѣ,—онъ не отвѣчаетъ ни одному изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ.

Обращаюсь къ двумъ другимъ пересказамъ этой группы. Добрыня ѣдетъ на Пучай (59) или Пучайную (64) вооруженнымъ: онъ беретъ съ собою лукъ, стрѣлы, палицу, копье и саблю. Шляпа земли Греческой у него на головѣ:

Налагалъ-то на головку шляпу земли Греческой;
Онъ снимаетъ со головки шляпу земли Греческой (59).
Вынимаетъ съ буйной головы
Шляпу свою да земли Греческой (64).

Какъ и въ I, *б*, Добрыня ѣдетъ не одинъ:

А й беретъ-то Добрыня слугу младаго (59);
Съ собою беретъ онъ товарища
Потыку Михайла Ивановича (64).

Когда показалась змѣя, товарищъ Добрыни испугался:

Младъ-то слуга да былъ онъ тóропокъ [1]),
А угналъ-то у Добрынюшки добра коня,
А увезъ-то у Добрынюшки онъ тугой лукъ,
А увезъ-то у Добрыни саблю вострую,
А увезъ копье да долгомѣрное,
А увезъ-то онъ палицу военную,
Только онъ оставилъ одну шляпоньку,
Одну шляпу-ту оставилъ земли Греческой (59).
Тутъ перепался [2]) братъ крестовыи
Потыкъ Михайло сынъ Ивановичъ,

---

1) Конечно, это слово происходитъ отъ „оторопѣть".
2) Испугался.

Угналъ Добрыни коня добраго,
Увезъ у Добрыни тугой быстрый лукъ,
Палицу увезъ онъ военную;
Копье-то увезъ какъ долгомѣрное,
Саблю увезъ онъ вѣдь вострую.
Одна осталась только шляпа греческа (64).

Спутникъ Добрыни въ I, *б* былъ названъ паробкомъ и дѣтинкой; въ этой группѣ онъ называется слугой, что вполнѣ соотвѣтствуетъ названію паробка. Имя Потыка попало сюда, конечно, случайно, изъ былины объ этомъ богатырѣ, извѣстной въ Пудожскомъ уѣздѣ (Гильф. № 52); поводъ къ внесенію этого имени подало то, что Потыкъ, также бьется со змѣей, разрываетъ ея змѣеныша и дѣлаетъ съ ней уговоръ. Потыкъ является спутникомъ Добрыни въ былинѣ того же сказителя о Добрынѣ и Алешѣ (№ 65).

Далѣе, особенности этой группы заключаются въ томъ, что выпущены угрозы змѣи, что она имѣетъ эпитетъ „поганой", (какъ въ I, *в*, Добрыня отбилъ у нея три хобота), что она уноситъ „царскую дочку, княженецкую"; послѣдняя въ № 59 называется Марфидой *Всеславьевной*, хотя ея отецъ называется княземъ *Владимиромъ*. Замѣтимъ теперь же, что въ пересказѣ Кирши Данилова Марфидѣ Всеславьевнѣ соотвѣтствуетъ Марья Дивовна, которая называется *сестрой* кн. Владимира, а послѣдній въ былинахъ всегда носитъ отчество „Всеславьевичъ" [1]). Въ № 64 имени похищаемой женщины нѣтъ, но близкое соотвѣтствіе этого пересказа № 59 указываетъ на то, что сказитель просто забылъ это имя.

Разбираемая мною группа вноситъ довольно важную поправку къ I, *а* и *б*. Эти группы пересказовъ (кромѣ плохого пересказа Гильф. 123) помѣщаютъ Пучай около Сорочинскихъ горъ; предупрежденія матери Добрыни касаются одновременно и купанья въ рѣкѣ, и топтанья змѣенышей на горахъ. Въ группѣ I, *в* такого смѣшенія нѣтъ: мать наказываетъ Добрынѣ только не купаться; но въ краткомъ пересказѣ этой группы многія детали

---

[1]) Сборникъ Кирши Данилова, 41; Тихонравовъ и Миллеръ, 299. Замѣтимъ, что въ Сказаніи о князьяхъ Владимирскихъ Святославъ названъ Всеславомъ: „Великій князь Всеславъ Игоревичъ ходилъ и взялъ на Констянтинѣ-градѣ тяжчайшую дань". Ждановъ, Русск. был. эпосъ, 598.

сглажены, и поэтому нельзя дѣлать опредѣленные выводы, основываясь на немъ. Въ разбираемыхъ пересказахъ видно вполнѣ ясное разграниченіе двухъ поѣздокъ: первая на Пучай-рѣку, вторая на Туги́ горы, гдѣ находятся змѣиныя пещеры. Послѣднее названіе замѣнило, конечно, Сорочинскія горы, упоминаемыя и въ пересказахъ не олонецкихъ. Названіе Тугихъ горъ встрѣчается еще въ одной былинѣ, записанной отъ сказателя, которому принадлежитъ и № 59, въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ (№ 55):

А звѣри-ты сбѣжали за Туги горы;

ср. № 45:

Ай звѣри-то ушли за крутыя горы [1]).

На Добрыню указываетъ князю не Алеша Поповичъ, а другое лицо: въ № 64—меньшій бояринъ Иванъ Карамышовичъ, въ № 59—Семенъ баринъ Карамышецкій. Боярскій родъ Карамышевыхъ извѣстенъ съ начала XV в.; среди лицъ, принадлежавшихъ къ этому роду, попадаются и имена Семена и Ивана. Семенъ Карамышевъ, участвовавшій въ покореніи Казани, упоминается въ одной пѣснѣ у Кирши Данилова (стр. 46) [2]); есть пѣсни объ убійствѣ Ивана Карамышева въ 1630 г. [3]); въ Олонецкой губерніи записана пѣсня о князѣ Иванѣ Карамышевскомъ (Гильф. № 10); въ архангельскомъ пересказѣ той же пѣсни князь носитъ имя Семена Михайловича [4]). Несомнѣнно, изъ подобныхъ пѣсенъ эти имена занесены и въ былину о Добрынѣ.

Въ нашей группѣ Добрыня, получивши княжескій приказъ, тотчасъ ѣдетъ; о томъ, что Добрынѣ конь достался отъ дѣда, не упоминается. По № 59 Добрыня вооружается: онъ беретъ съ собой лукъ, стрѣлы, саблю, копье и палицу; въ № 64 мать, наоборотъ, говоритъ ему:

---

[1]) Сопоставленіе Тугихъ горъ съ Тугариномъ, сдѣланное акад. Веселовскимъ (Южно-русскія былины, 374), довольно проблематично.

[2]) Онъ же упоминается въ пѣснѣ объ осадѣ Волока вмѣсто Карамысова, который былъ дѣйствительно волоколамскимъ воеводой (см. Пѣсни Кирѣевскаго, VI, 188; Соловьевъ, Исторія Россіи, II, 1038).

[3]) Въ пѣснѣ онъ названъ Семеномъ: Кирѣевс. VII, 131.

[4]) Бѣломорскія былины, № 54. Жена Семена Карамышева упоминается въ полународномъ „Сказаніи о молодцѣ и о дѣвицѣ". Памятники древней письменности. XCIX, стр. 21; Этнографическое Обозрѣніе" LXI, 168.

„Не бери-тко съ собой туга быстра лука,
Не бери-ко ты палицы военныи,
Не бери-ко копья долгомѣрнаго,
Не бери-ко ты сабли съ собой вострою“.

Эти слова нужно считать искаженіемъ, такъ какъ далѣе прямо говорится о томъ, что Добрыня билcя-ратился со змѣей трое сутокъ. Какъ и въ I, *a*, мать, провожая Добрыню, даетъ ему плетку, но назначеніе ея—другое:

„Ай бей змѣю да плеткой шелковой,—
Покоришь змѣю да какъ скотинину“ (59);

или:

„А махни плетью да ты шелковою,—
Ты склонишь змѣю-то на сыру землю,
Оторвешь у змѣи, вѣдь, шесть хоботовъ,
Придаешь змѣѣ смерть ты вѣдь скорую“ (64).

Здѣсь мы находимъ указаніе на то, что змѣя летала высоко надъ землей, и требовалось чѣмъ-нибудь ее заставить опуститься („склонить“); то же мы увидимъ и въ пересказахъ второго типа.

Кромѣ плетки, мать даетъ Добрынѣ также шелковый платъ.

„Ай ты будешь со змѣей, Добрыня, драться-ратиться,
А й тогда змѣя да побивать будетъ,—
Вынимай-ко ты съ карманца свой шелковый платъ,
Утирай-ко ты, Добрыня, очи ясныя,
Утирай-ко ты, Добрыня, личко бѣлое,
А ужъ ты бей коня по тучнымъ ребрамъ“ (59).

И дѣйствительно, платъ ему пригодился:

А берегъ-то Добрыня платъ тальянскіи,
Поводилъ онъ самъ какъ по бѣлу лицу,
Утеръ глаза да свои ясныя,—
Сталъ Добрыня лучше стараго...
Поводилъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,—
Пошелъ его конь по чисту полю...
Поималъ Добрыня змѣю лютую,...
Приклонилъ Добрыня ко сырой землѣ (64).

Особенностью одной разбираемой группы является то, что Добрыня встрѣчаетъ змѣю, несущую мертвое тѣло; увидавши Добрыню, змѣя спускаетъ тѣло на землю и вступаетъ въ бой. Какъ и въ I, *a*, бой продолжается трое сутокъ; Добрыня укротилъ змѣю своей плеткой,—

Отрубилъ змѣѣ да онъ всѣ хоботы,
Разрубилъ змѣю да на мелки части,
Распиналъ [1]) змѣю да по чисту полю (59).

По № 59, Добрыня находитъ княжескую дочь прикованной къ стѣнѣ, въ пещерѣ; около нея было двѣнадцать змѣенышей, которыхъ Добрыня убиваетъ. Конечно, это—тѣ змѣеныши, которые сосали ея грудь (по I, *в* и I, *г*); въ другихъ мѣстахъ былины змѣеныши не упоминаются; то же мы увидимъ и въ не олонецкихъ пересказахъ. Объ освобожденныхъ изъ плѣна людяхъ въ этой группѣ не упоминается (мы видѣли этотъ эпизодъ въ I, *а*, I, *б*, и I, *в*).

Чтобы покончить съ олонецкими пересказами, остается разобрать отрывки, вставленные въ два пересказа былины о Добрынѣ и Алешѣ (Рыбн. II, № 6, ст. 75—78, 94—126; Гильф. № 228, ст. 121, 128—143). Эти отрывки—обозначимъ ихъ *е*,—уже были разобраны акад. А. Н. Веселовскимъ [2]) въ связи съ вопросомъ объ отношеніи Добрыни къ Тугарину. Относительно перваго отрывка А. Н. Веселовскій говоритъ, что это—„эпизодъ, неловко пріуроченный къ пѣснѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ и, очевидно, развитый чужими мотивами". Въ цѣломъ рядѣ варіантовъ послѣдней былины разсказывается, какъ князь Владиміръ посылаетъ Добрыню на границу, биться съ Невѣжей, который летаетъ чернымъ ворономъ; Илья Муромецъ при этомъ говоритъ, что онъ долго стоялъ на границѣ, но Невѣжи не видалъ, а если бы увидѣлъ, застрѣлилъ бы его „изъ тута лука". Въ дальнѣйшемъ разсказѣ нѣтъ ни встрѣчи съ врагомъ, ни боя. Въ нашемъ пересказѣ мы находимъ бой и еще нѣсколько новыхъ чертъ: Невѣжа по почамъ ходитъ (летаетъ?) *змѣемъ* Тугариномъ, а по зарямъ ходитъ добрымъ молодцемъ. Источникъ послѣдняго представленія—оборотничество; что же касается имени Тугарина, то оно, несомнѣнно, объясняется связью представленія о немъ съ тугимъ лукомъ: мать хотѣла бы, чтобы Добрыня стрѣлялъ изъ туга лука, какъ Тугаринъ Зміевичъ.

Разбираемая мною вставка заключается въ томъ, что мать предупреждаетъ Добрыню, чтобы онъ не плавалъ за третью

---

[1]) Т.-е. разбросалъ.

[2]) Южно-русскія былины, 377—379.

струю въ Почай-рѣкѣ (это отвѣчаетъ I, *в* и *д*). Добрыню одолѣли жары, и онъ пошелъ купаться:

И вспомнилъ родной матушки наказаньице,—
И беретъ онъ съ собой свой тугій лукъ,
Беретъ еще съ собой калену стрѣлу.

Здѣсь—несомнѣнная путаница: 1) мать вовсе не совѣтовала ему брать лукъ, 2) купанье съ лукомъ и стрѣлою въ рукахъ является въ высшей степени страннымъ. Все это объясняется тѣмъ, что Илья Муромецъ, какъ онъ хвалится, „застрѣлилъ бы Невѣжу изъ туга лука"; такъ заставляетъ сказитель поступить и Добрыню,—онъ остается вѣренъ традиціонному представленію. Далѣе—такая же нескладица: отъ стрѣлы голова Невѣжи покатилась будто пуговица, но онъ все-таки успѣваетъ проговорить нѣсколько ничего не значащихъ словъ:

„Хотѣлъ-то Добрыню я показнить,
А втѣпоры Добрыня меня показнилъ".

Затѣмъ Добрыня разсѣкъ его на мелкія части (то же—въ I, *д*) и сжегъ на огнѣ.

Другая вставка находится въ былинѣ иной версіи, гдѣ вмѣсто Невѣжи является баба Яга. Добрыню посылаютъ на Сорочинскую дорогу. Три года онъ тамъ жилъ, и вотъ захотѣлъ онъ помыться и покупаться:

Забродилъ онъ во матку во Пучай-рѣку.
На ту-ли-то пору да на то время
Налетѣла курва Яга баба,
Ладитъ [1]) Добрынюшку нага пожрать.
Говорилъ Добрыня таково слово:...
„Не честь, не слава молодецкая
Нагого богатыря въ водѣ пожрать"...
Да дала Яга баба надѣтися,
А дала Яга баба обутися.
Совсѣмъ Добрынюшка справился;
А стали Добрыня съ бабой битися.

Все дальнѣйшее уже не имѣетъ сходства съ разбираемой былиной. Въ этомъ отрывкѣ представляетъ интересъ упоминаніе Сорочинской дороги. Въ другихъ пересказахъ былины о Добрынѣ

---

[1]) Собирается.

въ отъѣздѣ это названіе не встрѣчается; очевидно, оно представляетъ смутное воспоминаніе о Сорочинской горѣ (I *а*, *б*).

Непосредственно къ олонецкимъ пересказамъ примыкаетъ отрывочная былина, записанная въ Саратовской губерніи (Кирѣевскій, VII, прилож. стр. 10). Обозначимъ этотъ пересказъ поср. *ж*. Начинается онъ наставленіемъ матери, какъ и олонецкіе пересказы. Добрыня не слушается матери, ѣдетъ въ луга, въ батюшкины займища, т.-е. охотиться [1]). Рѣка не названа. Купаясь, Добрыня бросаетъ камни въ гору, послѣ чего Змѣища Горынища на него и нападаетъ. Здѣсь сохранилась память о томъ, что змѣя живетъ на горѣ. Добрыня хватаетъ змѣю за жабры и ударяетъ о землю. Змѣя Добрынѣ возмолилася... На этомъ былина кончается.

II типъ, Зимняго берега.

Ко второму типу я отношу всѣ пересказы, записанные въ двухъ селахъ Зимняго берега Бѣлаго моря, Нижняя и Верхняя Зимняя Золотица, а также одинъ изъ пересказовъ, записанныхъ на рѣкѣ Пинегѣ, въ Архангельской губерніи. Всѣ эти пересказы начинаются съ описанія пира у князя Владимира.

Къ первой группѣ—*а*—я причисляю двѣ былины, записанныя отъ сказателя Крюкова (Бѣлом. был., № 73; приложеніе № 4), а также одинъ эпизодъ изъ былины, записанной отъ его родственницы. За основу я беру № 73, какъ посвященный всецѣло разсказу о боѣ со змѣей, и дополняю его № 4, который представляетъ соединеніе этого сюжета съ былиной о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича.

Пиръ у Владимира. Князь обращается къ боярамъ и богатырямъ:

Еще кто же изъ васъ съѣздитъ на Пучай-рѣку,
За свѣжой-то водой ключевою,
А какъ мнѣ, князю, съ княгинею умытися, помолодитися?“

Вызывается Добрыня. Князь проситъ Алешу Поповича сдѣлать на бумагѣ запись, чтобы Добрыня послѣ не отказался отъ своихъ словъ. Добрыня идетъ домой печальный и разсказываетъ

---

[1]) См. мои Бытовыя черты р. былинъ, 13.

обо всемъ матери. Мать его упрекаетъ за самонадѣянность и хвастовство:

„А какъ жилъ твой батюшка шестьдесятъ годовъ,
А ничѣмъ же онъ, жилъ, не хвасталъ же“.

Далѣе описываются проводы. Въ № 73 въ проводахъ принимаетъ участіе жена Добрыни, но въ № 4 ея нѣтъ; нѣтъ ея и въ № 62 Бѣлом. был., записанномъ отъ родственницы Крюкова. Здѣсь, провожая Добрыню на Пучай, мать ему говоритъ:

„Не бери-ко своего коня да Воронеющка,
Ты возьми коня-та батюшки родимаго,
Ты возьми его саблю вострую,
Ты возьми его палицу военную,
Возьми плеточку шелковую;
Твой-отъ батюшка безъ плеточки не ѣзживалъ“.

Подобный наказъ мы видѣли въ I, *а*, *і*, *д*, но тамъ онъ помѣщенъ передъ второй поѣздкой; передъ второй же поѣздкой упоминается и Алеша Поповичъ на пиру у князя (I, *а*, *б*) или соотвѣтствущій ему Карамышевъ (I, *д*); какъ тамъ, такъ и здѣсь Алеша дѣйствуетъ въ княжескихъ интересахъ противъ Добрыни. Можно думать, что эти подробности перенесены сюда изъ второй части былины.

Въ № 4 ничего этого нѣтъ. Добрыня проситъ мать отпустить его въ поле (на двѣнадцать лѣтъ—изъ былины о Добрынѣ и Алешѣ), съѣздить въ Святую землю и въ Литву. Мать его предупреждаетъ, чтобы онъ не купался въ рѣкѣ: она очень быстра, и вынесетъ его въ море. Добрыня пріѣзжаетъ на Почай;

Почерпнулъ-то онъ свѣжой воды ключовою,
Настрѣлялъ-то онъ гусей, лебедей,
А пернастыхъ малыхъ, сѣрыхъ уточекъ.

Очевидно, это стрѣляніе птицъ Крюковъ понимаетъ, какъ исполненіе княжескаго порученія; такое именно порученіе мы находимъ въ былинахъ о Потыкѣ, о Казаринѣ, о Суханѣ. Но раньше говорилось лишь объ одномъ порученіи—привезти воды; слѣд., охота Добрыни была добровольная; какъ-разъ такую охоту мы увидимъ въ слѣдующей группѣ.

Добрыня купается въ Почаѣ; третья струя относитъ его въ море. Съ Сорочинскихъ горъ, изъ пещеры его увидѣла змѣя и говоритъ:

„Какъ писи-ти писали—описалися,
Какъ волхвы-ти волховали—проволховалися:
А да что сказати, убьетъ меня Добрынюшка;
А теперь Добрынюшка у мня въ когтяхъ.
А какъ хошь ли ты, Добрыня, я тебя огнемъ сожгу
Еще хошь ли ты, Добрыня, я тебя водой залью,
Еще хошь ли ты, Добрыня, я схвачу тебя
Въ свои-тѣ двѣнадцать больши хоботы,
Унесу тя въ свои горы Сорочинскія,
А да какъ во свой все высокъ теремъ,
Ко своимъ-то малымъ дѣтямъ на съѣденьице?"

Въ этихъ словахъ змѣи мы встрѣчаемъ впервые указаніе на пророчество; непонятное выраженіе „писи писали" находитъ себѣ объясненіе въ другихъ пересказахъ, гдѣ говорится о святыхъ отцахъ. Изъ олонецкихъ пересказовъ мы видѣли отвѣтъ Добрыни, который выставляетъ его не въ геройскомъ свѣтѣ, лишь въ одномъ *в*; въ другихъ группахъ мы его встрѣтимъ не разъ.

А да на водѣ человѣка взять—вѣдь, какъ мертваго.
А дай ты мнѣ-ка выплыть на сыру землю—
Тогда меня убей, хоть ты живьемъ неси.—

Змѣя даетъ Добрынѣ нырнуть въ воду и выплыть на берегъ. Далѣе упоминается, что у Добрыни нѣтъ ни платья, ни коня, ни сабли (№ 73 здѣсь сильно искаженъ), но не говорится, что все это увезъ его слуга; въ этомъ отношеніи наша группа примыкаетъ къ I, *а* и къ одному изъ пересказовъ I, *б* (Гильф., № 79). Добрыня беретъ камень и отшибаетъ хоботы змѣи. Змѣя падаетъ на землю; Добрыня хочетъ отсѣчь ей голову; она обѣщаетъ не носить съ Руси народа и предлагаетъ Добрынѣ платье, палицу, саблю и коня. Добрыня прикладываетъ къ ней хоботы, приходитъ въ ея пещеру и получаетъ подарки. Боя камнемъ и подарковъ нѣтъ въ олонецкихъ пересказахъ; въ I, *ж* мы видѣли, что Добрыня бросаетъ камни въ гору, но тамъ это является какой-то безцѣльной игрой.

Въ № 4 Добрыня, получивъ отъ змѣи саблю, отсѣкаетъ ей голову и зажигаетъ ея теремъ, затѣмъ садится на коня, стегаетъ его плеткой, и конь скачетъ съ горы на гору; обо всемъ этомъ разсказывается и въ № 73, но тамъ это относится ко второй поѣздкѣ. Такъ и должно быть; № 4, далѣе переходящій въ бы-

лину о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича, забылъ о второй поѣздкѣ Добрыни.

Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ; ему навстрѣчу летитъ змѣя и несетъ дѣвицу. Въ Кіевѣ всѣ въ траурѣ. Добрынѣ разсказываютъ, что въ зеленомъ саду князя Владиміра гуляла его племянница Мареа Дмитріевна, что на нее налетѣла змѣя и унесла на Сорочинскія горы. Здѣсь новымъ является указаніе на садъ и имя племянницы, сходное съ Марфидой (I, *д*). Описаніе второй поѣздки Добрыни сильно отличается отъ олонецкаго типа. Добрыня рѣшаетъ, что его богатырская честь требуетъ наказать змѣю за обманъ. Онъ пріѣзжаетъ къ Сорочинскимъ горамъ:

Сходилъ-то Добрыня со добра коня;
Во праву руку беретъ востро копье,
Во лѣву руку да поводъ лошадиныя;
А вострымъ копьемъ закопыватъ ступени же,
А лѣвой рукой коня ведетъ на горы Сорочинскія.

Описаніе способа, которымъ добрался Добрыня до терема змѣи, находящагося на вершинѣ горы, не встрѣчается въ пересказахъ другихъ типовъ, но мы увидимъ намеки на него въ слѣдующей группѣ. Добрыня входитъ въ змѣиный теремъ:

А сидитъ-то Мареа Митревна въ высокомъ теремѣ, на матушкѣ сырой землѣ,
На колѣняхъ держитъ два змѣеныша,
А какъ ссутъ у нея да груди бѣлыя,
Высысаютъ изъ ней да кровь горячую;
А какъ чуть-то въ ней душа полуднуетъ [1]).

Эту деталь мы видѣли въ I, *в* и *г*, но въ искаженномъ видѣ. Добрыня разрываетъ надвое дѣтенышей и выбрасываетъ изъ терема, затѣмъ выводитъ Марфу и зажигаетъ теремъ. Эти детали мы увидимъ во всѣхъ пересказахъ разбираемаго типа. Пожаръ увидѣла змѣя со святой Руси, „надлетѣла" на Добрыню, хотѣла его убить хоботами, но онъ отсѣкъ ихъ, и змѣя упала на землю. Затѣмъ Добрыня отрубилъ ей голову и привезъ Мареу ко князю Владиміру.

Къ группѣ *б* я отношу пересказъ, записанный въ Верхней Зимней Золотицѣ отъ сказателя Пономарева [2]). Этотъ пересказъ

---

[1]) Держится, существуетъ.

[2]) Труды Музыкально-Этнографич. Комиссіи, I, мои матеріалы, № 12.

примыкаетъ отчасти къ № 73, отчасти къ № 4 группы *а*; въ общемъ онъ ближе къ первому, но, подобно второму, онъ представляетъ соединенiе двухъ сюжетовъ. Отличiй немного, Алеша Поповичъ не упоминается, и неизвѣстно, кто пишетъ условiя:

Записали они записи великiя,
Закрѣпили они княземъ-то Владимиромъ.

Послѣднее выраженiе, повидимому, обозначаетъ то, что князь держитъ крѣпкiя поруки за Добрыню; въ такомъ случаѣ, это выраженiе перенесено изъ тѣхъ былинъ, гдѣ дѣло идетъ о пари[1]). Объ отцѣ Добрыни его мать говоритъ нѣсколько иначе:

„Еще былъ-то у тебя отецъ, родной батюшка,
Ай не смѣлъ-то онъ вѣдь ѣхать на Пучай-рѣку".

Въ разговоры Добрыни съ матерью многое вставлено изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши, что мы видѣли и выше, въ одномъ изъ пересказовъ I, *б*.

Въ № 73 группы *а* порученiе достать воды естественно соединяется съ купаньемъ. Въ нашемъ пересказѣ этого нѣтъ: Добрыня прiѣзжаетъ на рѣку, живетъ въ шатрѣ и занимается охотою за птицами; захотѣлось ему покупаться... О порученiи онъ какъ-будто забылъ. Въ I, *д* Добрыня также охотится (у моря) и этимъ питается. Но тамъ нѣтъ порученiя. Нужно думать, что это противорѣчiе произошло потому, что порученiе достать воды внесено довольно поздно. Добрыня сталъ купаться:

Скидываетъ онъ свое да платье цвѣтное,
Ай кладетъ да свою збрудушку [2]) богатырскую,
Ай кладетъ тогды Добрынюшка подъ сырой дубъ.

Эту подробность мы увидимъ лишь въ одномъ пересказѣ. Добрыня заплылъ на двѣнадцатую струю рѣки (море не упоминается); это, конечно,—эпическая амплификацiя. Бой со змѣей описанъ короче, нежели въ *а*; Добрыня отсѣкаетъ саблей шесть хоботовъ. Проходитъ двѣнадцать лѣтъ (изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши); Добрыня беретъ воды, ѣдетъ въ Кiевъ. Утромъ Добрыня выходитъ изъ шатра и слышитъ причитанiе дѣвушки:

---

[1]) Ср. Всев. Миллеръ, Очерки, 437—38.
[2]) Т.-е. доспѣхи.

„Ты коса же ты моя, да коса русая!..
Не за князя ты досталась, не за боярина...
Ты досталась же, моя да коса русая,
Еще тѣмъ же малымъ, малымъ змѣенышамъ,
Доставалась ты, моя коса, на растерзанье.
Кабы былъ у мня брателко названыя,
Ай названыя вѣдь брателко, крестовыя,
Молодой, братцы, Добрынюшка Никитичъ сынъ,
То бы не далъ бы меня все на растерзанье".

Такую вставку изъ былины о Козаринѣ мы видѣли уже въ I, *в*. Въ былинѣ объ этомъ богатырѣ, записанной тоже въ Верхней Золотицѣ (Бѣломорск. был., № 110) мы видимъ, наоборотъ, вліяніе былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ. Добрыня стрѣляетъ птицъ; встрѣтивъ змѣя, не имѣетъ ни оружія, ни коня, и все это получаетъ (II, *а*) отъ змѣя; утромъ слышитъ изъ шатра плачъ дѣвицы, которую терзаютъ змѣеныши. Почти то же самое мы находимъ и въ былинѣ № 110 о Козаринѣ, чего нѣтъ ни въ одномъ другомъ варіантѣ этой былины. Козаринъ отправляется на охоту и встрѣчаетъ чудо страшное; оно описывается такъ же, какъ Идолище въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ; происходитъ обычный разговоръ относительно количества съѣдаемаго хлѣба и выпиваемаго вина; Козаринъ зашибаетъ чудище о землю и получаетъ отъ него коня, саблю и копье; утромъ онъ изъ шатра слышитъ плачъ своей сестры, которую семиглавая змѣя унесла въ Пещорскія горы:

„Кабы былъ у мня брателко Козарушка,
У мня не были змѣины да дѣти маленьки,
Они не ссали мои да груди бѣлыя!"

Козаринъ ѣдетъ въ горы, разрубаетъ змѣиныхъ дѣтей и освобождаетъ сестру. Вліяніе былины о Добрыни, быть можетъ, также сказывается въ № 16 Бѣломорскихъ былинъ, гдѣ сестру Козарина три ворона (татарина) уносятъ на Аравійскую гору. Во всѣхъ другихъ пересказахъ увозятъ ее въ поле татары; поэтому можно думать, что названіе горы взято изъ былины о Добрынѣ, гдѣ гора называется Сорочинской, т.-е. арабской. Изъ былинъ о Козаринѣ видно, что нѣкогда въ Верхней Золотицѣ существовалъ такой пересказъ, въ которомъ Добрыня получалъ отъ змѣи коня, саблю и копье; въ этомъ пересказѣ говорилось ясно, что дѣти у змѣя были отъ племянницы князя Владимира.

Добрыня пріѣзжаетъ къ горѣ, привязываетъ коня и лѣзетъ на гору къ змѣиному гнѣзду.

Во гнѣздѣ сидитъ какъ красна дѣвушка
Молодая Оленушка какъ Митревна,
Ай любима де Владимира племянница.
Да какъ пьютъ де змѣеньши ею да горячу кровь;
Да едва у ней душа въ тѣлѣ полуднуетъ.

Второй бой сильно скомканъ. Добрыня убиваетъ змѣю въ гнѣздѣ, что не согласуется съ другими пересказами. Онъ везетъ Олену въ Кіевъ, но далѣе идетъ былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши, и пѣвецъ о племянницѣ князя не упоминаетъ.

Чтобы покончить съ пересказами Зимняго берега, упоминемъ о двухъ вставкахъ нашего сюжета въ другія былины. Въ былинѣ о Потыкѣ (Бѣломорск. был. № 100)—обозначаю ее *в*—Добрыня ѣдетъ на вешнія заводи за тремя (драгоцѣнными камнями [1]); Илья предупреждаетъ, чтобы онъ, купаясь въ рѣкѣ, не плавалъ на вторую струю, а то увидитъ съ горъ змѣя и зальетъ его водой или огнемъ сожжетъ. Добрыня не слушается; налетаетъ змѣя, Добрыня ныряетъ, выходитъ изъ воды и отсѣкаетъ ей саблей двѣнадцать хоботовъ. Змѣя обѣщаетъ не убивать русскаго народа. Добрыня садится на нее; она его выноситъ на Сіонскую гору и даетъ ему камни. Добрыня сжигаетъ ея подворье и дѣтей. Змѣя вновь его сноситъ съ горы, а онъ отсѣкаетъ у нея голову и разбрасываетъ ея тѣло по полю. Здѣсь, конечно, соединены обѣ поѣздки Добрыни, и многое выпущено, почему жестокость Добрыни оказывается совсѣмъ безпричинною.

Былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши (Бѣлом. был. № 112)—обозначаю ее *г*—начинается пиромъ у князя Владимира. Илья спрашиваетъ, кого бы послать на Пучай принести воды и младыхъ яблоковъ? Алеша совѣтуетъ послать Добрыню. Добрыня опечаленъ. Мать ему совѣтуетъ не пить воды, а то змѣя можетъ ему срубить голову. Самаго боя со змѣей нѣтъ. Здѣсь Алеша является въ той же роли, что и въ I, *а*, *б* или Карамышевъ въ I, *д*; изъ этого слѣдуетъ, что въ основномъ изводѣ второго типа

[1]) Три камня, вѣроятно,—изъ былины о Дюкѣ. См. Южно-русскія былины, 166, 195.

была эта подробность. Молодильныя яблоки—черта, заимствованная изъ легендъ о райскомъ древѣ.

Былина въ сборникѣ г. Григорьева, № 52—обозначаю ее *д*—содержитъ три сюжета: бой Добрыни со змѣемъ, женитьба на поляницѣ и неудавшаяся женитьба Алеши [1]). Пиръ у князя. Добрыня вызывается сослужить службу; въ чемъ она состоитъ, не говорится. Добрыня ѣдетъ, купается въ Почай-рѣкѣ; мимо шли двѣ дѣвицы, которыя предупреждали, чтобы онъ не купался. Можетъ быть, это намекъ на деталь, которую мы видѣли I, *б*: нельзя купаться въ рубашкѣ. Добрыня бросилъ въ глаза змѣю Горыничу песку, а потомъ отсѣкъ мечомъ голову. Подробность, что онъ запорошилъ глаза пескомъ, мы увидимъ лишь въ одномъ пересказѣ Кирши Данилова. Затѣмъ Добрыня пріѣхалъ въ жилище змѣя, выбралъ всѣхъ плѣнниковъ и повелъ къ князю Владимиру его племянницу. Упоминаніе плѣнниковъ (а также дѣвицъ у рѣки) сближаетъ этотъ пересказъ съ первымъ типомъ (*а*, *б*, *в*); въ другихъ пересказахъ этихъ подробностей нѣтъ. Освобожденіе полона, вѣроятно, не входило въ составъ первоначальной версіи и вошло въ нашу былину изъ былины о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца. Въ былинѣ прямо говорится, что змѣй таскалъ людей на съѣденье своимъ дѣтямъ. Въ I, *д* онъ несетъ въ пещеру мертвое тѣло. Добрыню онъ собирается пожрать, проглотить живого.

Я уже указывалъ, что эпизодъ порученія доставить князю воды не входитъ органически въ былину о Добрынѣ-змѣеборцѣ; изъ пересказовъ Крюкова (*а*) онъ находится лишь въ одномъ; въ пересказѣ Пономарева (*б*) замѣтны слѣды спайки двухъ сюжетовъ. Что указанный эпизодъ когда-то излагался отдѣльно отъ былины о змѣеборствѣ, на это даетъ указаніе одна былина о томъ, какъ Алеша Поповичъ освободилъ изъ плѣна свою сестру. Извѣятны два пересказа этой былины. Одинъ, записанный въ Томской губерніи (Кирѣевскій, II, 80), излагаетъ этотъ сюжетъ очень близко къ нѣкоторымъ пересказамъ былины о Козаринѣ; начинается онъ съ отъѣзда Алеши въ поле. Другой пересказъ, идущій съ рѣки Мезени (Бѣлом. был., № 64), передъ

---

[1]) Ближе другихъ къ этой былинѣ стоитъ № 62 въ „Бѣломорскихъ былинахъ“, но здѣсь изъ перваго сюжета осталось лишь нѣсколько деталей.

отъѣздомъ Алеши помѣщаетъ разсказъ о томъ, какъ Алеша привезъ князю воды съ Пучай-рѣки; князь съ княгиней умылись ключевой водой,

Ай умылися они да нарядилися,
Нарядилися, помолодилися.

Князь даритъ Алешѣ орлиное перо [1]).

Изъ разбора былинъ второго типа можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Особенностью его является прежде всего то, что пересказы начинаются описаніемъ пира у князя Владимира, который даетъ Добрынѣ порученіе; самое это порученіе, какъ видно, составляло предметъ отдѣльной былины, повліявшей на былину о змѣеборствѣ. Такъ какъ эта былина начиналась съ пира у князя Владимира, то и былина о змѣеборствѣ приняла такое начало. Слѣдомъ того, что прежде она не имѣла его, является былина *а* о неудавшейся женитьбѣ Алеши. Въ пересказахъ перваго типа пиромъ у князя, который даетъ порученіе Добрынѣ, начинается разсказъ о второй его поѣздкѣ; поэтому нѣкоторыя черты изъ второй части былины были перенесены въ первую. Во второмъ типѣ удобно прослѣдить вліяніе сюжета доставанія воды на былину о змѣеборствѣ. Въ пересказѣ № 4, *а* упоминается море, куда относитъ Добрыню,—и порученія нѣтъ; въ *б* упоминается 12 струй (т.-е. морскихъ волнъ), въ *в*—2 струи, и уже является порученіе (въ *в*—достать камни); наконецъ, въ № 73, *а*, *г* и *д*—упоминается только рѣка Пучай и уже струй нѣтъ.

III типъ, восточный.

Къ третьему типу я отношу всѣ остальные пересказы на томъ основаніи, что они начинаются, въ отличіе отъ пересказовъ первыхъ двухъ типовъ, съ повѣствованія о рожденіи и дѣтствѣ Добрыни. Географически былины этого типа я раздѣляю также на нѣсколько группъ.

Къ группѣ *а* я отношу два пересказа, записанные въ Поморьѣ [2]). Оба они сильно искажены, и соединяются съ былиной

---

[1]) Очевидно, на шляпу; ср. Бѣлом. был. № 45, ст. 48; № 69, ст. 63.

[2]) Поморье—зап. берегъ Бѣлаго моря. См. Архангельскія былины и историч. пѣсни Григорьева, I, № 19; приложеніе № 1.

о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича. Добрыня—сынъ князя Никиты, оставившаго послѣ своей смерти вдову и сына. Добрыня проситъ у матери отпустить его въ поле поляковать, людей посмотрѣть и себя показать; мать его отпускаетъ, но совѣтуетъ не купаться въ рѣкѣ и въ особенности не заплывать за третью струю, потому что налетитъ змѣя, семиглавая (№ 19) и двѣнадцати-хоботная (№ 1) и унесетъ его на гору на съѣденье своимъ дѣтямъ. Рѣка называется Ерданомъ (№ 19) или Плакуномъ (№ 1); оба эти названія, вѣроятно, заимствованы изъ стиха о Голубиной книгѣ. Продолженіе мы находимъ въ одномъ пересказѣ (прил. № 1). Наставленіе, которое даетъ Добрыня матери, принадлежитъ былинѣ о неудавшейся женитьбѣ Алеши (ср. напр. Бѣлом. был. № 6, ст. 4—13). На прощанье мать даетъ Добрынѣ плетку—

Завоженьица да родна дѣдушка,
Подареньица да родна батюшка.

Отцовскую плетку мы уже видѣли въ II, *а*. Въ I, *а* и *б* мы видѣли дѣдушкина и отцовскаго коня, но во второй части былины; плетку даетъ Добрынѣ мать тоже при второмъ отъѣздѣ его. Добрыня заплываетъ за третью струю; налетаетъ змѣя и хочетъ схватить Добрыню въ когти; Добрыня ей говоритъ:

„Какъ не честь тебѣ, да змѣя лютая...
Какъ не честь тебѣ хватать да со быстрой струи.
Полетай-ко ты, змѣя, да во чисто поле...
Змѣя, битися, змѣя, рубитися“.

Битва со змѣей посредствомъ плетки, несомнѣнно, перенесена сюда со второго боя Добрыни; подтвержденіе этому мы увидимъ и въ пересказахъ этого типа. Добрыня сломилъ змѣѣ 12 хоботовъ, и она ему покорилась. Обыкновенно змѣя даетъ обѣщаніе не губить народа; здѣсь мы видимъ обѣщаніе сообщить необычайную силу; повидимому, это—мотивъ изъ былины объ исцѣленіи Ильи Муромца [1]). Получивши силу, Добрыня убиваетъ змѣю, ея дѣтей и разоряетъ ея жилище; это, конечно,—черты изъ второй поѣздки Добрыни.

Въ слѣдующую группу—*б*—я соединяю три пересказа, запи-

---

[1]) Ср. Бѣлом. был., стр. 205—211, 231, 306, 344, 474, а также стр. 154, ст. 108.

санные на Терскомъ берегу [1]). Изъ этихъ пересказовъ обѣ поѣздки находятся только въ одномъ № 5; другіе пересказы отрывочны. № 3 представляетъ собою соединеніе 3 сюжетовъ: бой Добрыни со змѣемъ, Оксёнко и гибель оклеветанной жены.

Начало этой группы вполнѣ сходно съ *a*; только отецъ Добрыни не называется княземъ [2]).

Еще былъ жилъ Никитушка, не славился,
Да не славился Никитушка, состарился,
Да состарился Никитушка, преставился.
Оставалась у Никитушки люба семья,
Да люба-та семья да молода жена;
Оставалось у Никитушки чадо милое...
Какъ вѣдь молодой Добрынюшка Никитичъ младъ.

Когда Добрынѣ исполнилось 12 лѣтъ, онъ сталъ просить у матери благословенія съѣздить въ поле поискать поединщика. Далѣе говорится, что царь Петръ Первый „услышалъ про эту большую похвальбу"; о похвальбѣ Добрыни раньше не говорилось, и это указаніе представляется совершенно неожиданнымъ. Царь позвалъ къ себѣ на пиръ Добрыню и говоритъ ему:

Я пошлю— тебѣ съѣздить ко Почай-рѣкѣ,
Привезти-то съ Почай-рѣки свѣжой воды...
Пріумытися вѣдь мнѣ, да Петру Первому...
Со княгиней-то мнѣ да съ Катериной-то;
Намъ помыться охота, помолодитися.

Добрыня не отговаривается, идетъ домой и сѣдлаетъ коня. На вопросы матери онъ говоритъ, что его царь посылаетъ за водой. Добрыня опять проситъ у матери благословенія:

Какъ не бѣленька березочка къ землѣ клонится,—
Еще кланяется дородный добрый молодецъ,
Какъ по имени Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Благослови-тко меня, матушка, мнѣ-ка съѣздить-то".
— Тебя Богъ благословитъ, мое чадо милое!—

Итакъ, благословеніе повторяется два раза. Дѣло въ томъ, что этотъ пересказъ записанъ отъ женщины родомъ съ Терскаго

---

[1]) Терскій—сѣверный берегъ Бѣлаго моря. См. Бѣлом. был., № 5; прилож. №№ 2 и 3.

[2]) Въ № 46 (Бѣлом. был., стр. 230), записанномъ отъ той же пѣвицы, что и № 5, Никита Ивановичъ, отецъ Добрыни, названъ рязанскимъ княземъ.

берега, но на Зимнемъ берегу, въ с. Золотицѣ; несомнѣнно, она включила въ терскую былину нѣкоторыя черты золотицкихъ пересказовъ: въ нихъ мы видѣли и похвальбу Добрыни, и порученіе съѣздить на рѣку за водой. Въ № 5 мы видимъ также разговоръ Добрыни съ матерью и его жалобу на судьбу, что̀ представляетъ собою вставку изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича; такую вставку мы видѣли уже не разъ.

Далѣе слѣдуетъ совѣтъ матери не заплывать въ третью струю рѣки. Въ № 3 къ этому прибавляется еще два совѣта. Первый совѣтъ, поклониться въ полѣ старому, взятъ изъ былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, которому мать наказываетъ:

„Ты поѣдешь, ты чадо мило, во чисто поле,
Ты наѣдешь стараго старѣйшину...—
Не доѣзжаючи сходи да со добра коня,
Еще бей челомъ ему во сыру землю да низко кланяйся“ [1]).

Что касается второго совѣта—никого не обижать понапрасну, то онъ, вѣроятно, заимствованъ изъ былины объ отъѣздѣ Ильи Муромца, которому родители наказываютъ: „На пути своемъ не дѣлай обиды, не проливай крови христіанской напрасно“; или:

„Поѣдешь ты путемъ и дорогою...—
„Не убей въ чистомъ полѣ христьянина“ [2]).

Во всѣхъ трехъ пересказахъ разбираемой группы Добрыня, заплывши въ третью струю, выходитъ на камень; эту подробность мы увидимъ и далѣе [3]). Особенность № 3 составляетъ еще то, что Добрыня находитъ на камнѣ сукно, а на немъ золо̀ченый гребень змѣи. Трудно сказать, откуда попала въ пересказъ эта деталь. Можетъ быть, представленіе о гребнѣ, принадлежащемъ змѣѣ, явилось въ тѣхъ варіантахъ, которые взяли изъ былины о Козаринѣ причитаніе похищенной дѣвицы (I, *в*; II, *б*; III, *е*); она жалуется на то, что заплетала ея ко̀су мать, а расплетать стали змѣеныши въ пещерахъ. Въ былинѣ о Козаринѣ есть указаніе и на чесаніе косы:

---

[1]) Бѣломорск. был., № 70.

[2]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, I, стр. XVII, 34.

[3]) Въ с. Поноѣ, на Терскомъ берегу, я слышалъ прозаическій пересказъ былины, въ которомъ тоже находится эта подробность.

„Какъ вечоръ у мня матушка на святой Руси,
На святой Руси головушку у мня учесала,
Заплела она мою трубчату косу,
Обвивала у мня она краснымъ золотомъ,
Пересыпала у мня она скатнымъ жемчугомъ“ [1]).

По № 2, змѣя налетаетъ съ западной стороны, что отвѣчаетъ I, *б*. Въ № 5 иначе:

Какъ со той стороны было съ восточною
Тутъ вѣдь грозная туча подымается.

Это—общее мѣсто въ былинахъ пѣвицы, отъ которой записанъ № 5; такую же картину мы находимъ въ былинѣ о женитьбѣ Дюка Степановича [2]) и въ пѣснѣ и взятіи Казани [3]).

Въ № 3, когда змѣя налетаетъ на богатыря, онъ, чтобы спастись, прибѣгаетъ къ обману, говоритъ, чтобы змѣя оглянулась и посмотрѣла, что происходитъ въ Москвѣ, а тѣмъ временемъ ныряетъ въ воду. Къ такому обману прибѣгаетъ Алеша въ битвѣ со змѣемъ Тугариномъ. Онъ ему говоритъ:

„Бился ты со мною о великъ закладъ
Биться-драться одинъ на одинъ,
А за тобою нынѣ силы—смѣты нѣтъ
На меня, Алешу Поповича“;

Или:

„На что ты, Тугаринъ, за собой силу ведешь?
Я одинъ да одинъ, какъ да перстичекъ,
Ты, Тугаринъ, да за собой силу ведешь“;

Или:

„Кабы что у тя взади-то за шумъ шумитъ,
Кабы что у тя взади-то за громъ гремитъ?“

Тугаринъ оглядывается, а Алеша отрубаетъ ему голову [4]). Къ подобному обману онъ прибѣгаетъ и въ другой версіи былины; онъ говоритъ Тугарину:

---

1) Бѣлом. был., № 16; ср. Сборникъ Кирши Данилова, с. 87; Григорьевъ, I, №№ 25, 56.

2) Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи, вып. I, мои матеріалы, № 7.

3) Бѣлом. был. № 58.

4) Сборникъ Кирши Данилова, 80; Тихонравовъ и Миллеръ, Русскія былины, № 29; Ончуковъ, Печорскія былины, № 64.

„Поѣзжай поближе ко мнѣ:
Не слышу я, что ты говоришь";

Или:

„Ты кричи мнѣ-ка, змѣй, пуще, чтобы слышалъ я;
Ничего-то я теперь да все не слышу вѣдь,
Я не слышу-то, не вижу я рѣчей твоихъ" [1]).

Дальнѣйшій разсказъ не соотвѣтствуетъ олонецкимъ пересказамъ: тамъ мы видѣли Добрыню пѣшимъ и безоружнымъ; здѣсь же Добрыня, вынырнувъ у берега, одѣвается, садится на коня и беретъ саблю. Это измѣненіе произошло отъ того, что пѣвцы перенесли сюда черты второго боя; поэтому-то №№ 2 и 3 оканчиваются смертью змѣи. Перенесеніе изъ второго боя (которое мы видѣли уже не разъ) я вижу и въ слѣдующемъ описаніи:

Онъ вѣдь скоро же поѣхалъ да во чисто поле.
Налетѣла злодѣйка-змѣя лютая,
Да брала его на хоботы все змѣиные,
Вызнимала его вдвоемъ со добрымъ конемъ,
Вызнимала его она высокохонько:
Да пониже-то облака ходячаго,
Да повыше она лѣса стоячаго.
Онъ вѣдь сталъ скоро плеточкой.. постегивать,
Онъ вѣдъ, сталъ пуще вѣдь плеточкой пошевеливать;—
Отлетѣли у ней хоботы всё змѣиные;
Еще падаетъ змѣя-та на сыру землю (№ 5).

Мы видѣли, что въ I, *д* Добрыня во время второго боя со змѣей именно плеткой отрываетъ у ней хоботы и заставляетъ ее спуститься на землю. Дальнѣйшій разсказъ сходенъ съ обычнымъ: Добрыня соглашается отпустить змѣю съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не летала на Русь и не губила людей (въ № 2 искаженіе: „ужъ ты дай мнѣ полетать да по святой Руси"), и они братаются крестами. Описаніе второго боя въ единственномъ № 5 излагается кратко: змѣя уноситъ у *князя* Петра Перваго племянницу Забаву Путятичну; Добрыня пріѣзжаетъ въ Кіевъ, узнаетъ объ этомъ и тотчасъ ѣдетъ въ пещеру змѣи; онъ топчетъ змѣенышей, убиваетъ змѣю и привозитъ Забаву къ дядѣ.

Въ двухъ пересказахъ разбираемой группы имя Добрыни замѣнено другими названіями: въ № 2 онъ названъ Никитой, и въ № 3—Оксенышкомъ Никитичемъ. Въ различныхъ былинахъ До-

---

[1]) Сборникъ К. Дан., 76; Бѣлом. был., № 47.

брыня нерѣдко называется Никитой-Добрыней [1]), иногда Никитой Добрыничемъ [2]); этотъ фактъ, я думаю, можетъ служить подтвержденіемъ взгляда акад. А. Н. Веселовскаго, что отчество богатыря явилось благодаря созвучію прозвища „Аникитъ" (ἀνίκητος) съ именетъ „Никита" [3]). Поэтому можно предположить, что въ болѣе древнемъ пересказѣ былины Добрыня былъ названъ „Аникитой". Извѣстны духовные стихи объ Аникѣ-воинѣ и находящееся съ ними въ связи вологодское преданіе: „За Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ, верстахъ въ десяти отъ Вологды начинается *Аникинъ лѣсъ*. Аника былъ ужасный разбойникъ и жилъ въ этомъ лѣсу..., называемомъ теперь *Оникіевскимъ*. Въ лѣсу есть пустынь *Заоникіевская*. Тамъ, въ глуши, на полянкѣ, стояла избушка безъ оконъ, гдѣ жилъ Аника и откуда ходилъ на большую дорогу грабить прохожихъ и проѣзжихъ, а иногда и въ сосѣднія деревни. Долго жилъ онъ и нажилъ себѣ всякаго богатства, серебра и золота, и каменья самоцвѣтнаго". Въ лѣсу указываютъ и могилу Аникину—высокій курганъ [4]). Заоникіевская пустынь была основана въ концѣ XVI вѣка преп. Іосифомъ [5]). Къ тому же времени пріурочиваетъ пѣсня и похожденія Оксенка (или Орсенка).

Иванъ Грозный задумалъ строить вторую Москву на рѣкѣ Вологдѣ, но построилъ только Никольскую церковь въ городѣ Вологдѣ и положилъ казны сорокъ тысячъ. Разбойники ограбили церковь, но у нихъ отнялъ всю казну Оксенко, за что его хотѣли казнить въ Вологдѣ [6]). Въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. въ Вологдѣ еще сохранялось преданіе о томъ, что Иванъ Грозный хотѣлъ основать столицу на рѣкѣ Вологдѣ близъ города и построилъ Успенскую церковь. Въ основѣ этого преданія лежитъ

---

[1]) Григорьевъ, № 109; мои записи въ г. Кеми и на Терскомъ берегу Бѣлаго моря, не напечатанныя. Ончуковъ, Печорскія былины, № 35.

[2]) Тихонравовъ и Миллеръ, № 27.

[3]) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, II. Спб. 1880, стр. 159.

[4]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, IV, изд. 2, стр. 150—151.

[5]) Протопоповъ, Житія святыхъ. М. 1884. Мѣсяцъ іюнь, 23, стр. 449.

[6]) Бѣломорскія былины, № 86; Пермскій сборникъ, т. II, отд. II. 166, № 6; безъ имени Аксенки: Кирѣевскій, VI, 194—199 (Иванъ Грозный); VII, прилож., 54; VIII, 30—35 (церковь Никольская); Ончуковъ, Печорскія былины, 158 (монастырь Николы).

тотъ фактъ, что Грозный дѣйствительно построилъ въ Вологдѣ крѣпость въ 1566 году [1]).

Итакъ, съ конца XVI ст. въ Вологдѣ появляются преданія о мѣстномъ героѣ-разбойникѣ, который теперь называется и Аникой, и Оксёнкомъ. Можно думать, что Аника (Аникита) было прозвищемъ Оксенка, и такимъ образомъ вмѣсто Добрыни Аникиты въ былинѣ явился Оксенышко-Микитушка или Микитичъ.

Пересказъ, записанный въ Симбирской губ. (Кирѣевскій, II, 40)—*в*—отличается слѣдующими особенностями. Отецъ Добрыни не упоминается, хотя въ Симбирской губ. сохранилась память о Никитѣ Романовичѣ: въ былинѣ о неудавшейся женитьбѣ Алеши Добрыня проситъ у матери благословенія ѣхать въ поле, поискать противника; мать говоритъ, что онъ молодъ и зеленъ; Добрыня возражаетъ, что некому его выучить дома:

„Еще жилъ былъ родной дядюшка,
Свѣтъ сударь Микита Романовичъ;
Живши-бывши самъ состарился,
Состарившись преставился" (Кир. II, 4—5, изд. второе).

Ясно, что эти слова взяты изъ начала былины о змѣеборствѣ; „дядюшка"—искаженіе, вмѣсто „батюшка". Добрыня родится въ Кіевѣ, что̀, какъ увидимъ дальше, тоже есть искаженіе, вмѣсто Рязани [2]). Добрыня выросъ:

Сталъ Добрынюшка конемъ владать,
И копьемъ шурмовать [3]).

Это выраженіе мы увидимъ въ другихъ пересказахъ нашего типа. Повидимому, разсказъ о дѣтствѣ Добрыни нѣкогда былъ извѣстенъ и въ Олонецкой губ. О дѣтствѣ говоритъ начало былины у Гильфердинга, № 187, но здѣсь замѣтно заимствованіе изъ былины о боѣ Добрыни съ Ильей Муромцемъ. Въ № 227 мы находимъ выраженіе, которое въ этой послѣдней былинѣ не встрѣчается: Добрыня—

На десятое-то лѣто сталъ конемъ владать.

Дальнѣйшія особенности нашего пересказа. Добрыня купается въ Петровскія жары, что̀ увидимъ и далѣе. Змѣище Горынище

[1]) Кирѣевскій, VI, 192. Приводимое здѣсь стихотвореніе, конечно, не народная пѣсня, но излагаетъ, очевидно, мѣстное преданіе.

[2]) Такое же искаженіе у Григорьева, I, № 113.

[3]) Ударять.

называется Притугалищемъ [1]), оно собирается Добрыню живого проглотить. Условія: змѣю не ходить въ Кіевъ, Добрынѣ не купаться въ рѣкѣ Кострюхѣ. Далѣе идетъ былина о Добрынѣ и Маринкѣ.

Пересказъ въ сборникѣ Кирши Данилова (стр. 147)—ɪ—гораздо полнѣе, хотя тоже значительно искаженъ. Начало разсказываетъ о дѣтствѣ Добрыни, и здѣсь мы впервые встрѣчаемъ Рязань:

Досельва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ во Рязанѣ тутъ богатой гость,
А гостя-та звали Никитою.

Никита называется купцомъ, а не княземъ, что мы увидимъ и далѣе.

А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хоробраю
Во тѣ жары Петровскія.

Рѣка называется сначала „Сафатъ", а потомъ, нѣсколько разъ,—Израй. Первое названіе встрѣчается въ трехъ былинахъ у Кирши Данилова (стр. 75—79, 154) и зашло въ нашу былину изъ былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, въ варіантахъ которой этому названію соотвѣтствуютъ Сахатарь, Софа, Салфа. Мать наказываетъ не плавать за вторую струю (судя по дальнѣйшему,—за третью). О вооруженіи Добрыни не говорится; упоминается лишь, что онъ надѣлъ шляпу земли Греческой.

Пришелъ онъ Добрыня на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинушки хоробрыя:
„Ай гой еси вы молодцы удалыя!
Не мнѣ вода грѣть, не тешити еѣ".

Добрыня, конечно, приглашаетъ спутниковъ купаться: „я не могу ни нагрѣть воду, ни сдѣлать ее тихой". Ср. обычное въ былинахъ выраженіе: „синему морю на утишенье". Спутники Добрыни оказываются робкими:

Никто молодцы не смѣетъ, никто нейдетъ.

---

[1]) Притугалищикомъ названъ Тугаринъ въ другой былинѣ изъ Симбирск. губ., стр. 48.

Въ слѣдующемъ пересказѣ спутники Добрыни названы вѣрными слугами. Въ былинахъ слово „дружина", кромѣ обычнаго употребленія, употребляется также въ смыслѣ младшаго товарища, спутника, что соотвѣтствуетъ понятію „паробокъ" [1]), а такъ именно названъ спутникъ Добрыни въ I, *б* и *д*. Изъ этого видно, что нашъ пересказъ (какъ и слѣдующій) не понялъ выраженія „хоробрый дружина" и замѣнилъ одного спутника Добрыни многими. Угрозы налетѣвшаго змѣя излагаются нѣсколько иначе, чѣмъ въ II, *а*:

„А стары люди пророчили,
Что быть змѣю убитому
Отъ молода Добрынюшки Никитича;
А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ".

Отвѣтъ Добрыни выраженъ такъ же, какъ въ III, *а*.

Добрыня бьется со змѣемъ своей шляпой, но предварительно нагребаетъ въ нее песку:

Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горынчишша
Во ту во матушку во Израй-рѣку.
Когда ли змѣй исправляетца,
Во то время и во тотъ же часъ
Свашалъ [2]) Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытощилъ змѣя на берегъ ево,
Повѣсилъ на осину на кляплую [3]):
„Сушися ты, змѣй Горынчишше,
На той-та осинѣ на кляплыя!"

Мы видимъ тутъ, во-первыхъ, соединеніе двухъ боевъ, а во-вторыхъ — комическій элементъ, несомнѣнно, новый; змѣй здѣсь утрачиваетъ свой страшный образъ и получаетъ образъ колдуна, который боится осины. Затѣмъ Добрыня плыветъ (нагимъ?) въ пещеры змѣя, разрываетъ пополамъ его дѣтей (ср. II, *а*), находитъ тамъ много злата-серебра и выводитъ изъ пещеры свою тетушку Марью Дивовну. Далѣе слѣдуетъ мелодраматическій эпизодъ прятанія тетушки въ домѣ Добрыни и ея

---

[1]) См. мои Бытовыя черты р. былинъ, 54—55, 61 (Этн. Об. LVIII, 95—96, 102).

[2]) Вмѣсто „схваталъ".

[3]) Пригнутую книзу.

торжественнаго появленія у князя. Въ другихъ пересказахъ мы этого эпизода не находимъ. Князь Владимиръ называется дядюшкой Добрыни, а Марья Дивовна сестрой князя.

Дальнѣйшіе пересказы всѣ говорятъ о купаньѣ въ морѣ. Пучай не упоминается совсѣмъ; въ двухъ упоминается рѣка, но она смѣшивается съ моремъ.

Въ группу *д я* соединяю пересказъ, записанный въ Средне-Колымскѣ Якутской области [1]), и одинъ изъ пересказовъ, записанныхъ А. Д. Григорьевымъ на рѣкѣ Кулоѣ, въ Архангельской губ. (№ 269) [2]). Эти пересказы отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что Добрыня возвращается домой на кораблѣ. Особенности этой группы слѣдующія. Упоминается отецъ Добрыни Микита, но названія Рязани нѣтъ. Охота за птицами у моря, которое въ якутскомъ пересказѣ называется Греческимъ (въ другихъ пересказахъ этого названія нѣтъ). Купанье въ „зори Петровскія, солнцепеки меженные“ [3]). Третья струя относитъ Добрыню въ горы Пещарымскія (= горы-пещеры, ср. II, *б*—Пещорскія) или ко камешку Алатырю. „Слуги вѣрные“ упоминаются только въ якутскомъ пер. Змѣй здѣсь описывается такъ:

Вѣютъ крылья его бумажныя,
Звенятъ его хоботы желѣзные.

Это описаніе взято отъ Тугарина [4]). Слова змѣя:

„Святы отцы писали—прописалися,
И волшебники волшили—проволшилися,
Будто мнѣ отъ Добрыни-то и смерть принять;
А теперь ты, Добрыня, во моихъ рукахъ.
Еще хошь ли, Добрыня, хоботомъ схвачу?
Еще хошь ли, Добрыня, во огнѣ спалю?
Еще хошь ли, Добрыня, цѣликомъ сглочу?“

Отвѣта Добрыни нѣтъ. Упомянуто, что Добрыня, вышедши изъ воды, не нашелъ ни коня, ни сабли, но почему—объ этомъ не говорится. Выраженіе „шляпа земли Греческой“ не понято:

1) Всев. Миллеръ, Очерки, 426.

2) Приношу глубокую благодарность А. Д. Григорьеву за предоставленіе мнѣ возможности пользоваться еще ненапечатанными его записями. II и III тт. сборника г. Григорьева печатаются. Разбираемые мною пересказы будутъ здѣсь напечатаны подъ указанными мною нумерами.

3) Межень—средина лѣта.

4) Ср. въ „Очеркахъ“ стр. 431.

Нагребалъ онъ въ тоё шляпу хрущата песка,
Еще той ли земли, земли Греческой,
Ну стрѣлялъ онъ во змѣиница Горыница.

Тотчасъ затѣмъ Добрыня его и убиваетъ его же ножомъ. По № 269, змѣй выноситъ Добрыню на землю, гдѣ послѣдній видитъ человѣчьи кости; боя нѣтъ. Убивши змѣя, Добрыня идетъ по берегу возлѣ моря и видитъ корабль:

„Ой вы гости, вы гости-корабельщики!
Увезите меня въ стольный Кіевъ-градъ,
Довезите къ родимой моей матушкѣ“.

Приворотилъ корабль и повезъ Добрыню въ его мѣсто. Такого окончанія не встрѣчается въ другихъ пересказахъ. Можетъ быть, оно явилось вслѣдствіе желанія какого-нибудь пѣвца объяснить, какъ Добрыня добрался домой. Корабельщиковъ онъ могъ взять изъ общаго мѣста въ былинахъ: орелъ вьетъ гнѣздо на камнѣ Алатырѣ, роняетъ перья въ море; плаваютъ гости-корабельщики, вывозятъ перья на Русь.

Изъ трехъ другихъ пересказовъ, записанныхъ на рѣкѣ Кулоѣ— группа *е*—(№№ 213, 228, 301), оба боя находятся въ одномъ № 301; два другіе пересказа сильно искажены. № 213 соединяетъ въ себѣ отрывки изъ четырехъ сюжетовъ: Добрыня-змѣеборецъ, бой его съ Ильей Муромцемъ, бой Ильи съ сыномъ и Дюкъ Степановичъ. Въ № 228 два сюжета: Добрыня-змѣеборецъ и неудавшаяся женитьба Алеши.

Рязань. Старый Никита, богатъ человѣкъ. Охота за птицами на заводяхъ. Купанье происходитъ въ „упечинки Петровскія“ въ морѣ. Третья струя уноситъ Добрыню и прибиваетъ къ сѣрому камню (№ 213), къ горѣ Саворской (№ 228). По № 228, Добрыня передъ купаньемъ прощается съ конемъ. Эта черта (встрѣчающаяся также въ мезенскомъ пересказѣ № 342), несомнѣнно, взята изъ былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, который передъ своей смертью прощается съ соколомъ и собакой [1]). Змѣя—огненная (213), семиглавая (228), треглавая, летитъ, по поднебесью хоботы заметываетъ (301), хочетъ Добрыню спалить или живкомъ сглонуть. Добрыня проситъ дать ему выплыть на берегъ и одѣться; нечѣмъ ему оборониться; онъ кла-

---

[1]) Веселовскій, Южно-русскія былины, 309, 312, 316—7.

детъ въ пуховый колпакъ песку-хрящу и бросаетъ имъ въ змѣю, отшибаетъ три хобота. Змѣя проситъ ее отпустить и обѣщаетъ принести сапоги, рукавицы, рубашку и колпакъ земли Греческой; послѣдній сюда перенесенъ изъ момента боя. [Въ №№ 213 и 228 этого нѣтъ: или змѣя приноситъ Добрыню къ коню и Добрыня убиваетъ ее ножомъ, или она проситъ Добрыню кормить ея дѣтей въ гнѣздѣ 3 года, пока заживутъ ея 3 хобота; черезъ три года змѣя прилетаетъ и приноситъ его на Русь.] Затѣмъ Добрыня ѣздитъ около заводи и видитъ, что змѣя летитъ съ Руси и несетъ въ пещеры красну дѣвицу. Добрыня ѣдетъ къ змѣиной дырѣ и слышитъ плачъ дѣвицы. Плачъ этотъ, взятый изъ былины о Козаринѣ, встрѣчался намъ уже не разъ. Добрыня приглашаетъ дѣвицу ѣхать съ нимъ на Русь и принять законъ Божій (повѣнчаться), а затѣмъ входитъ въ дыру и отрубаетъ у змѣи всѣ головы. Далѣе дѣвица называется Настасьей Викуличной, и слѣдуетъ былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши; отсюда, несомнѣнно,—и имя для дѣвицы, и бракъ съ нею.

Въ слѣдующую группу—*ж*—я соединяю два пересказа, записанные г. Григорьевымъ на рѣкѣ Мезени, №№ 342 и 408; первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ два сюжета: Добрыня-змѣеборецъ и неудавшаяся женитьба Алеши. Рязань (въ № 408 городъ Романовъ, конечно—отъ отчества Никиты). Никита Романовичъ. Охоты нѣтъ. (Наказъ женѣ въ № 342—изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши). Наказъ матери не плавать на третью (или вторую, 342) струю, когда Добрыня поѣдетъ „ко синему морю да ко студеному, къ Самофирю, бѣлу каменю, ко Латырю". Насколько я знаю, это—единственное упоминаніе сапфира въ русскомъ эпосѣ. Пріѣхавши къ морю, Добрыня поставилъ коня къ дубу, снялъ платье, положилъ подъ дубъ и оставилъ на головѣ пуховый колпакъ. Указаніе на дубъ мы видѣли въ II, *б*. Добрыню относитъ на море:

А заносяло тутъ Добрынюшку по морскимъ волнамъ.

Что змѣй налетѣлъ на Добрыню, когда онъ былъ въ водѣ, объ этомъ говорятъ и другіе пересказы.

А не темная туча да накатилася,
Какъ не оболоко да навалилося,—
Налетѣло змѣище да зло Горынище...

„Какъ святы отцы писали—да прописалися:
Какъ сказали—отъ Добрынюшки змѣю смерть придетъ;
А теперь я съ Добрынюшкой, что хочу, сдѣлаю".

Змѣй грозитъ его живкомъ сглонуть; Добрыня прибѣгаетъ къ его чести. Какъ и въ группѣ *д*, у Добрыни нѣтъ ни коня, ни сабли, но почему—не говорится. Въ дальнѣйшемъ два пересказа расходятся. № 408 остается вѣренъ традиціи: колпакомъ съ пескомъ Добрыня бьетъ змѣя и отшибаетъ три хобота; змѣй падаетъ, Добрыня хочетъ пороть его грудь; змѣй обѣщаетъ подарить ему рубашку, сапоги, коня и дѣвицу, племянницу князя Владимира. Добрыня убиваетъ змѣя, беретъ коня и вмѣстѣ съ Дѣвицей ѣдетъ къ матери.

Еще были тутъ радости великія.

Послѣднее выраженіе, повидимому, указываетъ на то, что Добрыня женился на дѣвицѣ. Такое окончаніе явилось благодаря тому, что забыто порученіе князя, и двѣ поѣздки соединены въ одну.

По № 342, змѣя хватаетъ Добрыню въ когти, выноситъ изъ моря, но онъ ее хватаетъ за правое крыло [1]) и ударяетъ о землю. Змѣя проситъ не убивать. Добрыня спрашиваетъ, гдѣ у нея находятся живая и мертвая вода и коверъ самолетный; узнавши это, онъ убиваетъ змѣю, въ ея палатахъ находитъ воду, становится на коверъ и переносится на немъ черезъ море. Нечего и говорить, что такая развязка—чисто сказочная. Далѣе слѣдуетъ былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши.

Въ слѣдующемъ пересказѣ—*з*—,записанномъ на рѣкѣ Пинегѣ [2]), упоминается какая-то „меньшая рѣка", но купанье происходитъ въ морѣ. О родителяхъ Добрыни не упоминается. Добрыня, не въ великомъ возрастѣ, ѣдетъ, повидимому, охотиться, п. ч. беретъ съ собою только лукъ и стрѣлу. Угроза змѣя—не только „цѣлкомъ сглонуть", но и „конемъ стоптать" что является полной безсмыслицей, п. ч. змѣй плаваетъ въ морѣ. Битва—пуховымъ колпакомъ съ пескомъ; Добрыня сшибаетъ не только три хобота, но и три головы, что тоже не имѣетъ смысла. Змѣй обѣщаетъ не носить съ Руси людей и даетъ Добрынѣ платье,

[1]) Ср. жабры въ I, *ж*.
[2]) Григорьевъ, Архангельскія былины и историч. пѣсни, I, № 114.

коня и племянницу князя Владимира. Условія записываются, что, вѣроятно, перенесено изъ сцены пира. Нѣтъ убійства змѣя, что вноситъ поправку къ *д, е, ж.*

Замѣтимъ, что просьба Добрыни къ змѣю изложена такъ:

„Ужъ ты дай мнѣ сроку на малый часъ
Еще выплыть Добрынюшкѣ на крутъ берегъ“.

Изъ этой просьбы, какъ сейчасъ увидимъ, развился цѣлый разговоръ между Добрыней и змѣемъ: Добрыня проситъ срока на три года—змѣй не даетъ и на три мѣсяца, Добрыня проситъ на три недѣли—змѣй не даетъ и на три дня; Добрыня проситъ на три часа, змѣй не даетъ сроку и три слова молвить. Такой разговоръ, несомнѣнно, неудачно перенесенъ изъ такихъ былинъ, гдѣ нападающій на городъ врагъ даетъ нѣкоторое время, отсрочку, чтобы жители рѣшили, принимать ли его условія сдачи [1]).

Такой разговоръ мы находимъ въ двухъ пересказахъ, записанныхъ на Пинегѣ и на Мезени [2]) и нѣчто подобное—въ пересказѣ, ведущемъ свое происхожденіе съ рѣки Ишима [3]). Въ послѣднемъ Добрыня проситъ сроку на три дня, на три часа и на три минуты; змѣй даетъ, и Добрыня три дня плаваетъ въ морѣ, а затѣмъ выскакиваетъ на песокъ. Эта безсмыслица произошла отъ того, что пѣвецъ заставилъ змѣя согласиться на отсрочку. Въ виду этого я эти три пересказа соединяю въ одну группу—*и.*

Соединеніе это дастъ возможность исправить весьма полный, но искаженный сибирскій пересказъ путемъ сличенія его съ другими пересказами, содержащими одну лишь первую поѣздку Добрыни, а также установить нѣкоторыя искаженія въ этихъ пересказахъ. Въ двухъ пересказахъ названа Рязань, въ № 370—Кіевъ; въ этомъ же пересказѣ Никита Романовичъ названъ княземъ, въ № 21—богатымъ гостемъ. Въ сѣверныхъ пересказахъ далѣе разсказывается о дѣтствѣ Добрыни (какъ и во многихъ другихъ пересказахъ); сибирскій пересказъ передъ этимъ вводитъ новый эпизодъ. Девяносто-лѣтній Никита ѣдетъ въ Кіевъ, къ князю Владимиру, снимаетъ съ себя латы и панцырь и про-

---

[1]) См. напр. Бѣломорскія былины, 41, 245, 425.
[2]) Архангельскія былины I, № 87; новая запись № 370.
[3]) Тихонравовъ и Миллеръ, II, № 21

ситъ у князя монаха-постриженика, чтобы спасти подъ старость свою душу. Князь спрашиваетъ, на кого онъ оставляетъ Кіевъ; Никита отвѣчаетъ, что можно надѣяться на его сына. Князь возражаетъ, что его сыну всего три года, но все-таки даетъ ему монаха. Что этотъ эпизодъ введенъ очень поздно, видно изъ того, что купеческое званіе Никиты не мѣшаетъ ему носить воинскіе доспѣхи и оборонять Кіевъ. Этотъ эпизодъ, несомнѣнно, вставленъ изъ былины о Михайлѣ Даниловичѣ, гдѣ онъ вполнѣ умѣстенъ [1]). Отсюда же взята и одна подробность одѣванія Добрыни:

Надѣвалъ на себя платье со-отцовое;
Со-отцово платье ему узёхонько и коротохонько (ст. 104—5).

Въ нашемъ пересказѣ эта подробность вставлена не на мѣстѣ: богатырь выѣзжаетъ на подвигъ въ узкомъ платьѣ; въ былинѣ о Михайлѣ Даниловичѣ подобная деталь вполнѣ осмысленна: отецъ Михайлы говоритъ о томъ, что его сынъ, хотя и малолѣтній, можетъ его замѣнить:

„Онъ вѣдь можетъ владѣть моимъ добрымъ конемъ,
Всей моей сбруей [2]) богатырскою;
Латы-тѣ мои-ти ему не сходятся [3])“.

Послѣ отца Добрыня остается семи лѣтъ. Стало ему 12 лѣтъ (по № 21—пятнадцать);

Сталъ онъ палицей помахивать,
Зачалъ сабелькой пофыркивать,
Сталъ онъ копьицомъ подпиратися.

Онъ задумалъ ѣхать къ морю, на заводи, стрѣлять гусей, лебедей и утокъ. Наказъ матери (по № 87 — отца, еще живого) не плавать на третью струю. Охота. Купанье, по сѣвернымъ пересказамъ, происходитъ въ морѣ. № 21 говоритъ, что Добрыня сталъ купаться въ Днѣпрѣ, но далѣе говорится, что онъ плаваетъ въ морѣ; слѣд., введеніе рѣки здѣсь очень позднее. Добрыня заплываетъ на третью струю,—

---

[1]) Весселовскій, Южно-русскія былины I, 15, 19; Миллеръ, Очерки, 346, 421—2.

[2]) Вмѣсто „сбрудой“ или „бруней“—вооруженіемъ. См. Бѣлом. был., 482, 576, сл. „собрунятпсе“.

[3]) Бѣломорскія былины, 403.

И тутъ струи вмѣстѣ сходилися,
Унесло его къ горамъ, горамъ ко пе́щерамъ (21).

По другимъ пересказамъ—просто въ море, что́ соотвѣтствуетъ бо́льшему количеству пересказовъ; горы взяты изъ второй поѣздки. Пророчество святыхъ отцовъ упоминается во всѣхъ пересказахъ, но въ № 87 оно очень неудачно вложено въ уста Никиты Романовича, которому Добрыня, плавая въ морѣ, пишетъ письмо! Троеглавый (№ 370) змѣй грозитъ Добрыню живымъ сглонуть, хоботомъ убить, дымомъ задушить или искрой засыпать. Добрыня прибѣгаетъ къ чести змѣя, а затѣмъ отшибаетъ ему три (№ 21—тридцать) хобота (№ 370—и всѣ три головы; „тутъ змѣищу славы поютъ"—этимъ пересказъ сканчивается) камнемъ (№ 87—въ пять пудовъ) или комомъ песка (№ 21). Змѣй дастъ обѣщаніе не летать по Кіеву и не уносить княгиню Апраксію; это имя взято, конечно, изъ второй половины пересказа. Затѣмъ они братаются, и змѣй даетъ въ подарокъ коня (комоня) со всей сбруей и сѣдломъ и платье. № 87 говоритъ, что Добрыня получилъ отъ змѣя также красну дѣвицу, родную сестру князя Владимира. Пересказъ, повидимому, не конченъ, и сестру князя пѣвица, вѣроятно, запомнила изъ забытой ею второй половины былины. Эта половина уцѣлѣла въ одномъ сибирскомъ пересказѣ.

Добрыня отпустилъ змѣя живымъ; змѣй полетѣлъ въ Кіевъ, къ князю Владимиру.

И ходила княгиня въ зеленомъ саду,
И ступала княгиня съ камня на камень,
Со бѣла камня ступала на люта змѣя.
Вкругъ ногъ ея змѣище обвивается,
Садитъ ее на могучи плеча
И унесъ ее въ пещеры свои глубокія.

Такой образъ не разъ встрѣчается въ былинахъ [1]), но онъ относится не къ похищенію женщины, а къ чудесному зачатію героя отъ змѣя; таково, напримѣръ, начало былины у Кирши Данилова о Волхѣ Всеславьевичѣ (стр. 18):

По саду, саду зеленому
Ходила-гуляла молода *княжна*
Мароа Всеславьевна.
Она съ каменю скочила на лютова па змѣя;

---

[1]) См. Веселовскаго, Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, II. Спб. 1880, стр. 117—8; Жданова, Русскій былевой эпосъ, 415—8.

Обвивается лютой змѣй
Около чебота-зеленъ-сафьянъ,
Около чулочика шелкова,
Хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втапоры *княгиня* поносъ понесла.
А поносъ понесла и дитя родила.

Мы видѣли, что похищенная змѣемъ дѣвица называлась Мароой (Дмитріевной) и Марфидой Всеславьевной; поэтому можно думать, что это имя, Мароа Всеславьевна, было и въ нашемъ пересказѣ и лишь впослѣдствіи было замѣнено именемъ Апраксіи. Самый образъ похищенія взятъ былъ изъ такой былины, гдѣ отъ княгини Мароы Всеславьевны и змѣя долженъ былъ родиться герой. Но откуда взято имя Апраксіи? Что оно введено въ пересказъ очень поздно, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы видѣли въ № 87 сестру Владимира. Такой версіи вполнѣ отвѣчало бы имя Мароы *Всеславьевны* (ср. I, *д*). Въ нашемъ пересказѣ Апраксія—жена Владимира, а между тѣмъ, когда Добрыня привозитъ ее къ князю, тотъ предлагаетъ ему взять ее замужъ; ясно, что княгиня введена вмѣсто княжны, сестры Владимира.

Замѣтимъ, что въ нашемъ пересказѣ содержится цѣлый рядъ деталей, взятыхъ изъ былинъ о боѣ Алеши съ Тугаринымъ: у змѣя — бумажныя крылья; когда онъ налетаетъ на Добрыню (во второй битвѣ), послѣдній молится, чтобы Богъ послалъ дождь; идетъ дождь и подмачиваетъ у змѣя бумажныя крылья; Добрыня бьетъ его шелыгой. Все это мы находимъ во многихъ пересказахъ былины объ Алешѣ Поповичѣ [1]), и, наоборотъ, ничего этого нѣтъ въ другихъ пересказахъ нашей былины. Несомнѣнно, оттуда же зашло и имя Апраксіи, къ которой летаетъ змѣй Тугаринъ.

Отпустивъ змѣя, Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ, къ матери, и тутъ узнаетъ о несчастьѣ, которое случилось у князя. Добрыня поворачиваетъ коня и тотчасъ же ѣдетъ на горы, къ пещерамъ змѣя Горынища. Мать даетъ ему указанія, какъ биться со змѣемъ, — стоя у стремени. Угрозы змѣя перенесены и на вторую битву, чего нѣтъ въ другихъ пересказахъ. Змѣй бьется при помощи оружія, чему вовсе не соотвѣтствуютъ его угрозы — проглотить, убить хоботомъ, задушить дымомъ или засыпать иск-

---

[1]) См. Очерки Миллера, 431—8.

рами. И это описаніе боя палицами, саблями, копьями и ручного боя, конечно, взято изъ какой-нибудь былины о боѣ двухъ богатырей, напримѣръ, Ильи Муромца съ сыномъ [1]). Мы видѣли выше, что во второмъ боѣ Добрыни главную роль играетъ его плетка, которою онъ стегаетъ коня (I, *а*, *г*, *д;* II, *а;* III, *а*, *б*). Въ нашемъ пересказѣ мать совѣтуетъ Добрынѣ стегать змѣя „шелыгой подорожной" и прибавляетъ:

„Застегашь ты его до смерти
Своей плетью шелковою."

Очевидно, здѣсь слово „шалыга" (или „солыга" = дубина, палица) смѣшано со словомъ „шелепуга" (или „шелепъ" = плеть изъ толстаго ремня); взято оно изъ былины о Тугаринѣ, съ которымъ Алеша бьется или шелепугой подорожной [2]), или шалыгой подорожной [3]). Самый бой описывается такъ:

Распахивалъ Добрыня полу правую,
Вытягивалъ шалыгу подорожную
И стегалъ онъ змѣя по могучимъ плечамъ,
И стегалъ, самъ приговаривалъ:
„Отъ конскаго поту змѣя пухла".
И застегалъ Добрыня змѣища до смерти,
Изрубилъ змѣища въ куски во мелкіе.

Въ пещерахъ Добрыня находитъ Апраксію:

Лежитъ княгиня на перинѣ на перовыя,
На подушечкахъ на пуховыихъ;
На правой рукѣ у ней лежитъ змѣинчишко
И на лѣвой рукѣ змѣинчишко.

Добрыня разрываетъ и растаптываетъ змѣенышей и везетъ княгиню къ Владиміру. Дорогой они вступаютъ между собой въ крестовое братство. Когда князь предлагаетъ, въ награду за освобожденіе Апраксіи, ее въ жены Добрынѣ, послѣдній возражаетъ, что это невозможно, потому что княгиня—его крестовая сестра. Только въ одномъ пересказѣ (I, *г*) дѣло оканчивается бракомъ, но тамъ мы видѣли вмѣсто Добрыни—Дуная и вмѣсто

---

[1]) См. Веселовскаго, Южно-русскія былины, 323.
[2]) Сборникъ *Кирши Данилова*, 75—6. Ср. Бѣлом. был., 578.
[3]) *Ончуковъ*, Печорскія былины, 336—7.

сестры или племянницы князя Владимира—царскую дочь. Большинство пересказовъ оканчивается привозомъ дѣвицы въ Кіевъ.

Нѣкоторыя особенности мы находимъ въ пересказѣ, записанномъ на рѣкѣ Печорѣ [1] — *і*. О рожденіи Добрыни въ Рязани разсказывается нѣсколько иначе: Никита Романовичъ преставился;

Вотъ осталася у него да молода жена,
Вотъ осталася она право беременна.
А немножко прошло да поры-времени,
Вотъ родила она свое да чадо милое.
Собирали тутъ поповъ, дьяковъ, причетниковъ;
Окрестили ея да чадо милое,
Нарекали ему баско [2] новое имячко,
Молодыя Добрынюшка Никитичъ младъ.
А растетъ тутъ ли Добрыня лѣтъ до двѣнадцати;
Онъ сталъ хватать приправу богатырскую:
Онъ сперва хватилъ копейце бурзомецкое—
Хорошо владѣтъ удалый добрый молодецъ.
Онъ еще хватилъ ли палицу боевую—
Хорошо владѣтъ удалый добрый молодецъ;
Онъ еще хватилъ саблю право вѣдь вострую—
Хорошо владѣтъ удалый добрый молодецъ.

Отправляясь къ морю, Добрыня вооружается и беретъ три прута, желѣзный, мѣдный и оловянный, противъ змѣи, которая, по словамъ его матери, не боится простого оружія. Третья струя вынесла Добрыню въ море, и его стало носить по морю. Змѣя грозитъ живкомъ сглонуть, на водѣ стопить или на огнѣ спалить. Она представлена дѣвушкой: Добрыня хватаетъ ее за косы и стегаетъ прутьями. Такое искаженіе объясняется вліяніемъ былины о Потыкѣ, который стегаетъ змѣю, по многимъ варіантамъ, прутьями [3]. Самый способъ боя посредствомъ *стеганія*, несомнѣнно, перенесенъ сюда изъ второй поѣздки Добрыни. Змѣя обѣщаетъ ему дать подарки:

Она выблевала сперва ему золоту казну,
Она выблевала затѣмъ да коня добраго,
Еще выблевала ему да красну дѣвицу.

---

[1] *Ончуковъ*, Печорскія былины, № 59.

[2] Красивое.

[3] См., напр., у г. *Ончукова*, № 57, ст. 237 — 241, 259 — 279. Былина о Потыкѣ извѣстна и тому лицу, отъ котораго записанъ разбираемый пересказъ.

Дѣвица взята, конечно, изъ второй части былины, которая не уцѣлѣла въ пересказѣ. Способъ доставленія подарковъ является въ немъ одномъ. Окончаніе былины, женитьба Добрыни на дѣвицѣ, представляетъ несомнѣнное искаженіе.

Чтобы покончить разборъ варіантовъ, остается еще указать на пересказъ, записанный А. Д. Григорьевымъ на рѣкѣ Мезени, № 351. Этотъ пересказъ представляетъ собою не чистую былину, а вольное изложеніе, очень нескладное, нѣсколькихъ сюжетовъ: бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ, неудавшаяся женитьба Алеши и бой Добрыни со змѣемъ. Послѣдній сюжетъ вначалѣ излагается отъ лица Добрыни. Змѣй — трехглавый. Когда Добрыня проситъ пощады,

Тутъ на то змѣй, змѣй, оглянувшись вдругъ,
Онъ помогъ тутъ Добрынѣ (доплыть) до сырой земли.

Эти слова въ искаженномъ видѣ сохранили намекъ на обманъ Добрыни, который мы видѣли въ III, *б*. Добрыня бросаетъ въ змѣя камнемъ въ 50 пудовъ; змѣй даетъ коня съ принадлежностями, но Добрыня отнимаетъ ему голову.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

(*Былина записана мною въ д. Өедосьевъ, близъ Кандалакши,* Архангельской губ., *отъ крестьянки М. С. Борисовой*).

Ужъ какъ жилъ-то былъ Микитушка да всё богáтой князь.
У его-то было да цядо милоё,
Какъ Добрынюшка да всё Микитичь младъ.
Какъ Никитушка-то пожилъ по сёму свѣту,
Оставалась у его вдова, да вдова ц(ч)есная,
Какъ цёсна вдова Офимья Олёксандровна.
Какъ была-то тамъ прослышила Плакунъ-рѣка:
Какъ збиралисе туды богáтыри пресильнія;
А купалисе онѣ да во Плакунъ рѣки.
Поѣжжалъ Добрынюшка Микитичь младъ
Онъ купатисе да во Плакунъ рѣку.
Не спушшала-то его да рóдна маменька,

Какъ цесна вдова Офимья Олёксандровна:
„Ты не ѣзди-ко, Добрынюшка Микитичь младъ;
Ищэ есть-то тамъ три струи, да струи быстрыя:
Запловёшь, Добрынюшка, да за третью струю,
Прилетитъ зъ горы да зьмѣя лютая;
Зьмѣя лютая дьвѣнадцети-хоботная,
Унсётъ она тебя на высоку гору
Малымъ дѣтоцькамъ да на съѣденьицё“.
Тутъ спроговорилъ да всё Добрынюшка,
Какъ Добрынюшка да онъ Микитичъ младъ,
Онъ спроговорилъ да родной маменьки:
— Ты послушай-ко, да моя родна маменька,
Ты цёсна вдова Офимья Олёксандровна!
Благословишь—пойду, и не благословишь—пойду
Я купатисе да во Плакунъ-рѣку.—
Тутъ спроговоритъ да всё цёсна вдова,
Офимья есь да Олёксандровна:
„Ты послушай-ко, Добрынюшка Микитичь младъ:
На кого ты оставляешь золоту казну,
На кого ты спокидаёшь молоду жону?“
Какъ спроговорилъ Добрынюшка Микитичь младъ:
— Ты послушай-ко, моя да родна маменька,
Ты цёсна вдова Офимья Олёксандровна:
Какъ не прiѣду-то я къ вамъ дьвѣнадцеть лѣтъ—
Розьдѣли-ко ты да золоту казну,
Золоту казну да ты на три части:
Ужъ ты перьву чась бери сама себѣ,
Да другую чась да молодой жоны,
Ужъ ты третью чась да по Божьимъ церьквамъ,
По Божьимъ церьквамъ всё по манастырямъ.—
Брала маменька да золоты клюци,
Отмыкала тамъ да кованы замки,
Приносила тамъ ему да ёму плётоцьку,
Она плётоцьку да и' семи шолковъ.
Завоженьиця да родна дѣдушка,
Подареньиця да родна батюшка.
Поѣжжалъ Добрынюшка Микитиць младъ
Онъ купатися да на Плакунъ-рѣку.
Прiѣжжалъ Добрынюшка да онъ къ Плакунъ рѣки,
Онъ пошолъ купатисе да во Плакунъ-рѣку;
Ужъ онъ заплылъ тамъ Добрынюшка да за перьву струю,
Переплылъ онъ за втору струю,
Ищэ заплылъ онъ да за третью струю.
Приля(ё)тала тамъ да зьмѣя лютая,
Зьмѣя лютая дьвѣнадцети-хоботная,
Роспусьтила-то она свои востры кохти,

Да хотѣла тамъ хватить Добрынюшку Микитиця.
Тутъ спрого́ворилъ Добрынюшка Микитиць младъ:
„Какъ не ц́есь тебѣ, да зьмѣя лютая,
Зьмѣя лютая дьвѣнадцети-хобо́тная,
Какъ не ц́есь тебѣ хватать да со быстро́й струи.
Полетай-ко ты, зьмѣя, да во цисто́ полё,
Во цисто полё, да зьмѣя, битисе,
Зьмѣя, битисе, зьмѣя, рубитисе“.
Полетала тамъ зьмѣя да во цисто́ полё.
Какъ поѣхалъ тамъ Добрынюшка Микитичь младъ,
Пріѣжжалъ Добрынюшка да во цисто́ полё;
Какъ схватилисе оны съ лютой зьмѣёй,
Какъ бросила тамъ зьмѣя лютѧ́ да о сыру́ землю,
Тутъ Добрынюшки да мало можитце.
Ужъ ка вспомнилъ тутъ Добрынюшка да эту плётоцьку,
Эту плетоцьку да и' семи шолковъ
Завоженьиця да ро́дна дѣдушка,
Благословеньиця да ро́дна батюшка,—
Изломилъ какъ у зьмѣи дьвѣнадцеть хоботовъ.
Тутъ змолиласе Добрынюшки лютӑ зьмѣя:
„Ты спусьти, Добрынюшка, да всё Микитиць младъ,
Малымъ дѣтоцькамъ на восьпитаньицё.
Я даю [1]) тебѣ силу несьмѣтну́ю—
Некого́ не будетъ какъ сильнѣ тебя.
Ты поди, Добрынюшка, да во цисто́ полё:
Ищэ есь тамъ три колодця три глубокія;
Ужъ ты выпей тамъ да клюцёво́й воды,—
Какъ прибудётъ тебѣ сила несмѣтная“.
Ка спусьтилъ тутъ Добрынюшка люту́ зьмѣю,
Какъ поѣхалъ тамъ Добрынюшка да во цисто́ полё,
Онъ нашолъ тамъ три колодця три глубо́кія,
Три глубокія да три ключёвыя;
Ужъ онъ випилъ тамъ воды да изъ колодця перьвого—силы прибыло;
Какъ въ другомъ колодци выпилъ—услышилъ силу несьмѣтную [2]);
Онъ исъ третьёго колодця выпилъ клюцёво́й воды—
Онъ и здѣлалсэ во гноищы, во бо́лищы.
Тамъ лёжалъ Добрынюшка да во цисто́мъ поли,
Онъ просилъ, молилъ да ужъ онъ Господа,
Онъ просилъ молилъ себѣ здоровьиця;
Какъ услышалъ тамъ Господь ёго молитву всё,
Онъ послалъ ёму да всё аньдела,
Ему андела да всё арханьдела,
Излицить Добрынюшку Микитиця.

---

[1]) Т. е. дамъ, буд. вр.

[2]) Послѣдніе два стиха пѣвица сказала словами.

Прилятал къ ему аньделъ, арханьделъ всё,
Излицилъ тутъ Добрынюшку Микитиця
Луцьше старого да храбрѣ прежного.
Ка скрыцялъ-зыцялъ Добрынюшка да зыцьнымъ голосомъ:
„Ужъ ты лошадь ты моя, да лошадь добрая!
Ты лети ко мнѣ да исъ циста поля;
Мы поѣдёмъ-ко домой да къ ро̀дной маменьки,
Къ родной маменьки Офимьи къ Олёксандровны,
Ли къ моёй жоны да къ молодой жоны“.
Прилеталъ къ ёму да его доброй конь;
Обуздалъ онъ своёго добра́ коня,
Полеталъ Добрынюшка да онъ къ лютой зьмѣи,
Онъ убилъ прiѣхалъ всё люту́ зьмѣю,
Онъ убилъ у ей да малыхъ дѣтоцёкъ,
Розорилъ её да ее жительсьво.
Прiѣжжалъ домой Добрынюшка да ко свою двору—
Не выходитъ тамъ стрѣцеть да ро̀дна маменька,
Не выходитъ тамъ стрѣцеть да молода жона.
Онъ увидялъ тутъ да мала юнынша:
„Ты скажи-ко мнѣ, да малой юнышокъ,
Ишше есь ли у меня жива да ро̀дна маменька,
Какъ цесна вдова Офимья Олёксандровна?
Ишше есь ли у меня жива да молода жона?“
Тутъ спрогŏворилъ да малой юнышокъ:
— Ишше есь жива да твоя родна маменька,
Какъ цясна вдова Офимья Олёксандровна:
Какъ ушла она до по Божьимъ церьквамъ,
По Божьимъ церьквамъ да всё по мана́стырямъ
Отдавать она да золоту́ казну;
Какъ уѣхала твоя да молода жона
Во Божью церьковь да всё вѣнчатисе
Со Олёшенькой да со Поповицёмъ.—
Поѣжжалъ Добрынюшка ко Божьёй церьквы,
Заходилъ Добрынюшка да во Божью церьковъ,
Онъ срубилъ-то у Олёшеньки да буйну голову.
Ужь онъ бралъ Добрынюшка да молоду жону,
Онъ прiѣхалъ вѣдь Добрынюшка во свой онъ домъ.

№ 2.

(*Былина записана Б. А. Богословскимъ въ с. Варзугѣ, на Терскомъ берегу Бѣлаго моря, отъ Ульяны Вопiящиной.*)

Какъ поѣхалъ Микита во цисто́ полё,
Со циста́-то поля да во тёмны лѣса,
Исъ тёмныхъ-то лѣсовъ да на Почай-рѣку́.
Онъ задумалъ купатьце во Почай-рѣки;

Скипывалъ съ себя Микита платьё верхноё,
Поскорѣ того Микита платьё нижноё,
Ужъ какъ падалъ Микита во Почай-рѣку,
И нырнулъ Микита съ крута бережку,
Ужъ какъ высталъ [1]) Микита на сѣрой камешокъ,
Какъ смотрѣлъ-глядѣлъ Микита во вся чётыри стороны:
Ай отъ западной сторонки туча тучитьце,
Кабы туча тучилась да громъ гремѣлъ,
Кабы громъ-отъ гремѣлъ да цястой дожикъ шолъ.
Налетѣла тутъ змѣя, да змѣя лютая:
„Ужъ ты хоцёшь ли, Никита, я живкомъ сгоню [2]),
Ужъ ты хоцёшь ли, Никита, я водой стоплю,
Ужъ ты хоцёшь ли, Никита, я огнёмъ сожгу?“
Какъ умѣлъ нырать по-рыбьёму,
Ай нырнулъ онъ со сѣрого камешка,
Ужъ онъ высталъ у крута красна берешка;
Надѣваётъ Микита платьё нижноё,
Поскорѣ того Микита платьё верхноё,
Ужъ какъ падалъ Микита на добра коня.
Налетѣла тутъ змѣя, да змѣя лютая;
Ужъ какъ тутъ съ Микитушкой схватилисе.
Оны билисе день до вецёра;
А збивалсэ Микита на цёрны груди,
Вынималъ ли Никита свой булатной ножъ.
Замолиласе змѣя, да змѣя лютая:
„Не пори ты, Микита, у меня цёрныхъ грудей.
Ужъ ты дай мнѣ полётать да по святой Руси;
Ужъ мы станёмъ крестамы брататьце съ тобой“.
Какъ ни смотритъ Микита ей прошеньиця,
Отрубилъ у ей Микита по плець голову.

№ 3.

(Былина записана мною въ с. Кузомени, въ 18 верстахъ отъ с. Варзуги отъ. М. Ѳ. Кожиной).

Жилъ былъ Микитушка, онъ преставилса.
Оставалось у Микитушки цядышко милоё,
Ищэ молодой Оксёнышко да Микитиць младъ.
Ужъ какъ сталъ Микитушка да на возросьти,
Какъ жонила ёго маменька да родимая.
Захотѣлось Оксёнышку ѣхать да во цистó полё
Какъ людей-то посмотрѣть да какъ себя казать.
Проважаётъ ёго матушка родимая,

---

[1]) Выстать—подняться изъ воды.
[2]) Вмѣсто „сглону“, проглочу.

Проважаётъ ёго да молода жона.
Проважаётъ ёго матушка да наказыватъ:
„Ты поѣдёшь, моё да цядо милоё,
Ты наѣдёшь въ цистомъ поли старого,
Въ поли старого наѣдёшь, въ поли т' малого,—
Со коня соходи да низко кланейсэ,
Не обижай понапрасну не единого.
Какъ розпѣжитце твоё да тѣло бѣлоё,
Розгоритце твоё да ретиво серьцё,
Ты захошь какъ купатисе да въ Пучай-рѣки,—
Ужъ ты перьву ту струёцьку заплывай,
Ужъ ты другу-ту струёцьку да заплывай.
Ужъ ты третьёй-то струёцьки не плавай-ко,
Ты послушай-ко матушкина наказаньиця".
Какъ поѣхалъ Оксёнышко да Микитицъ младъ,
Онъ наѣхалъ въ цистомъ поли старого,
Въ поли старого наѣхалъ да въ поли малого,
Со коня соходилъ да низко кланелсэ,
Не обижалъ понапрасну да не единого.
Какъ розьнѣжилось ёго да тѣло бѣлоё,
Розгорѣлосе ёго да ретиво серьцё,
Захотѣлъ онъ купатисе да въ Пучай-рѣки.
Ужъ онъ перьву-ту струёцьку заплывалъ,
Ужъ онъ другую струёцьку заплывалъ,
Ужъ онъ третью-ту струёцьку заплывалъ,
Не послушалъ онъ матушкина наказаньиця.
Да за третiёй струёцькой стоитъ великъ камень,
Да на этомъ каменю лёжитъ драго сукно,
А на этомъ на сукни лёжитъ злацёнъ ремень.
Заходилъ тутъ Оксёнышко на великъ камень,
Ужъ онъ взялъ какъ во руки злацёнъ ремень [1]).
Ишше самъ онъ говорилъ да таковы рѣци:
„Ишше хто этымъ ремешкомъ цёшитце,
Ишше мнѣ кабы теперецю въ глаза видать".
Сколыбаласе матушка да Пучай-рѣка,
Выходила злодѣйка да зьмѣя лютая:
Ужъ ты гой еси, Оксёнышко да Микитицъ младъ!
Какъ осмѣлилсэ зайти ты на мой великъ камень,
Да моимъ ты гребешкомъ какъ цёшиćьсе?
Я хоша тебя, Оксёнышко, да жива зглону,
Я хоша тебя, Оксёнышко, на дно згружу,
Я хоша тебя, Оксёнышко, да подъ хоботы,
Унесу я тебя да къ малымъ дѣтоцькамъ,
Да къ малымъ дѣтоцькамъ сьнесу тебя на сьиденьицо.—

[1]) „Ремень"—вмѣсто „гребень".

Говорилъ тутъ Оксёнышко таковы рѣци:
„Оглядись-ко ты, злодѣйка зьмѣя лютая,
Ишше-то на Москвы топерь дѣвитьц'е?"
Оглядѣлась злодѣйка зьмѣя лютая,
Какъ Оксёнышко со камешка да унырнулъ,
Ужъ какъ масьтёръ былъ ходить Оксёнышко по-рыбному,
Ишше масьтёръ былъ нырать да по-зьвѣриному.
Да крутёхонько бѣжалъ Оксёнышко гъ добру коню,
Надѣвалъ на себя да платьецо нижноё,
Надѣвалъ на собя да платьецо верьхноё,
Ишше всю на собя збрую богатырьцькую,
Какъ садилсэ Оксёнышко на добра коня,
Ужъ онъ взялъ какъ во руки да саблю вострую,
Тутъ скрыцялъ какъ зыцялъ да зысьнымъ голосомъ:
„Прошу милосьти, злодѣйка, со мной поотвѣдатце".
Налетѣла злодѣйка да зьмѣя лютая,—
Отрубилъ у злодѣйки да буйныя головы [1].......

№ 4.

(Былина записана Б. А. Богословскимъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Нижней Зимней Золотицѣ отъ Г. Л. Крюкова).

Какъ не бѣлая берёска она къ земли клонитце,
Какъ не сырой дубъ да погибаитце,
Какъ Добрынюшка Микитичъ въ ноги падаётъ,
А просилъ-то своей-то родной матушки благословленьиця:
„Ушъ ты гой еси, моя родна маменька,
А какъ молода вдова Омельфа Тимоѳеёвна!
А ушъ ты дай же мнѣ благословленьицо съѣзьдить во цистó полё,
Ай во чистó полё съѣзьдить тольке на двѣнадцеть лѣтъ,
А да што мнѣ съѣзьдить по Святой земли
Ай да што мнѣ съѣзьдить въ прокляту Литву".
Давала ёму благословленьицо да на двѣнадцеть лѣтъ
Ай какъ ѣхать во чисто поле,
Говорила ёму родна матушка:
—Ушъ ты гой еси, да чядо милоё!
Ты уѣдёшь во чисто полё подалече,
Ты уѣдёшь въ прокляту Литву поганую,
Уѣдёшь ты да на дунай-рѣку—
Какъ тамъ тибя да роспекётъ да красно солнышко,
Прироздуютъ тя да вѣтры буйныя,—
Не купайсе ты да во дунай-рѣки:
А дунай рѣка весьма быстра,

[1] Далѣе слѣдуютъ другіе эпизоды, которые я выпускаю.

Какъ вывалитъ тибя да на синё морё.—
Да какъ тутъ поѣхалъ Добрыня на Почай-рѣку.
Роспекло Добрынюшку красно солнышко,
А роздули ёго вѣтры буйныя;
А отъ того жару захотѣлось Добрыни закупатисе
А во той ли во дунай-рѣки.
Скинывалъ съ собя платьё цьвѣтноё,
Какъ купалсэ во дунай-рѣки.
Отвалило Добрыню на перьву́ струю;
Нырнулъ какъ Добрыня во второй наконъ,
Отвалило Добрыню на втору струю;
Какъ нырнулъ Добрыня во третей наконъ,
Отвалило Добрыню да на синё морё;
А какъ началъ Добрыня плавати.
А какъ съ тихъ-то горъ увидѣла змѣя-та лютая,
Она съ тихъ же со Пещеръ-горы;
Налетѣла она на Добрынюшку Микитича,
А сама она говоритъ да таковы рѣ(ч)ци:
„Какъ писи-ти писали—описалисе,
А волхи-то волховали—проволховалисе:
А да шьто сказали-ти, убьётъ меня Добрынюшка;
А топерь Добрынюшка у меня въ кохтяхъ.
А да хошь ли ты, Добрынюшка, я тебя огнёмъ сожгу,
И хошь ли ты, Добрынюшка, водой залью,
Ише хошь ли ты, Добрыня, схвачу во двѣнацеть большихъ хоботовъ
А какъ хошь ли то, Добрыня, унёсу тя на Пещоръ-гору,
Да какъ во свой всё высокъ теремъ
А да ко своимъ-то малымъ дѣтоцькамъ тибя да на съѣденьицё?"
Говорилъ Добрыня таковы рѣци змѣи лютыя:
— А да на воды человѣка взеть—вѣдь какъ мертвоѓо!
А дай ты мнѣ-ка выплыть на сыру землю,—
Тогды миня убей, хошь ты живьёмъ неси,
Тогды, шьто хо̂шь, то дѣлай-то.—
Да какъ спустила змѣя Добрыню на сыру землю;
Выплывалъ-то Добрыня на крутой-отъ жёлтой песокъ,
Какъ пошёлъ-то Добрыня по матушки сырой земли.
А какъ нѣту у Добрыни платья чвѣтного,
Ише нѣту ни доброго коня, лошади,
Нѣту у ёго да сабли вострыя.
Какъ по Божьей было милосьти,
По Добрыниной-то было учесьти:
Какъ лёжалъ то тутъ да сѣро̂й камешокъ.
Какъ увидѣла съ Пешшеръ-горы змѣя лютая,
А да хочётъ несьти, схватить въ двѣнацеть большихъ хоботовъ.
Схватилъ-то Добрыня этотъ сѣрой камешокъ,
Какъ билъ-то онъ змѣю лютую по хоботамъ,

Отшибъ у ей-то вси двѣнацеть больши хоботы.
Какъ падала змѣя да на сыру землю,
Какъ у ней отшибъ вси буйны головы.
А какъ змѣя всё взмолиласе:
„Для моихъ то младыхъ дѣточёкъ!
Какъ да дамъ платьё чьвѣтноё,
Чьвѣтно платьё богатырьскоё,
Отдамъ-то я свою палича чяжолую,
Отдамъ-то я тебѣ свою саблю вострую,
Отдамъ вдостали своёго коня да Воронеюшка.
Да приложь ты ко мнѣ вси двѣнацеть хоботовъ“.
А да притянулъ, приложилъ двѣнацеть хоботовъ;
И полетѣла змѣя на Пещеръ-горы,
А пошёлъ-то Добрыня за змѣёй за лютою.
Какъ приходитъ тутъ Добрыня къ высокому ко терёму,
Какъ выходитъ тутъ змѣя всё изъ терёма,
Выноситъ Добрыни платьё чвѣтноё.
Одѣвалсэ, снарядалсэ Добрыня въ платьё чьвѣтноё,
А въ чьвѣтноё платьё, богатырьскоё;
Отдала она своё платьё богатырьскоё,
Какъ одѣлъ-то Добрынюшка Микитичъ младъ;
Выводила она коня, лошать добрую,
Да своёго любимого да Воронеюшка,
Говорила она ёму коню доброму:
„Ужъ ты конь, ты конь, да Воронеюшко!
Какъ мнѣ служилъ, такъ и Добрынюшки служи“.
Выносила она саблю вострую:
А какъ взялъ Добрыня у ей саблю вострую,
Отсѣкъ-то Добрыня у змѣи да буйну голову,
Какъ зажёгъ-то Добрыня зьмѣинъ высокъ терёмъ.
Онъ скакалъ скоро да на добра коня,
Какъ началъ добра коня постёгивать
Какъ той жа плёточькой шолковою;
Подымалъ его конь выше лѣса стоячого,
Выше лѣса стоячого, ниже облака ходячого,
А какъ скачётъ онъ съ горы на гору,
А какъ руцейки, озёры мелки перескакиватъ.
Какъ прієхалъ ту Добрыня во свои села [1].....

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ разсказъ о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича, мною выпускаемый.

V.

Добрыня-змѣеборецъ. Происхожденіе былины.

Исполнивши въ предыдущей главѣ (IV) черновую работу, разобравши многочисленные пересказы былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ, выдѣливши изъ нихъ все наносное и позднее и установивши старые традиціонные элементы, я теперь могу перейти къ вопросу о прототипѣ былины, времени и мѣстѣ ея происхожденія и о классѣ, въ которомъ она была сложена. При этомъ я буду исходить изъ того, что уже установлено или поставлено на очередь въ трехъ статьяхъ проф. В. Θ. Миллера [1]. Напомню то, что указано въ „Экскурсахъ“.

Символизмъ первыхъ вѣковъ христіанства широко воспользовался старой фигурой дракона-змѣя и сдѣлалъ его постояннымъ символомъ дьявола, ада и всего враждебнаго христіанству. Иногда драконъ ясно изображаетъ язычество, побѣждаемое проповѣдниками христіанства; значеніе борьбы съ язычествомъ, а иногда и съ ересью имѣетъ драконъ на изображеніяхъ многихъ епископовъ первыхъ вѣковъ христіанства. Часто какъ на изображеніяхъ, такъ и въ легендахъ драконъ замѣняется змѣею. Какъ язычество или какъ дьяволъ, драконъ не позволяетъ людямъ получить новую жизнь въ крещеніи, почему иногда изображенія или легенды заставляютъ его не допускать людей къ водѣ.

---

[1]) Экскурсы въ область р. нар. эпоса. М. 1892, стр. 32—55; Очерки р. нар. словесности. М. 1897, стр. 144—148; Новыя записи былинъ въ Арханг. губерніи. Спб. 1899, стр. 31—34 (Оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. IV, кн. 2).

Иногда мотивъ этотъ затемняется: драконъ не оберегаетъ воду, но погибаетъ у воды.

Битва съ дракономъ удобно локализируется именно у того источника или той рѣки, гдѣ происходило крещеніе народа.

Подобно тому какъ въ церковно-народной средѣ къ имени великомученика Георгія нѣкогда прикрѣпился мотивъ змѣеборства, повидимому, какъ внѣшняя оболочка религіознаго подвига—распространенія христіанства и сокрушенія язычества, — подобно тому въ былинѣ о Добрынѣ-змѣеборцѣ отразилась энергическая и памятная нѣкогда широко на Руси дѣятельность дяди князя Владимира, Добрыни, по распространенію христіанства, сопровождавшаяся сверженіемъ идоловъ и массовымъ крещеніемъ язычниковъ. Въ народномъ преданіи Добрыня всего крѣпче связанъ съ религіознымъ культомъ. Въ свою бытность въ Новгородѣ посадникомъ, онъ ставитъ кумиръ надъ Волховомъ и приноситъ ему жертвы, а затѣмъ, вмѣстѣ съ воеводой Путятой, огнемъ и мечомъ водворяетъ въ томъ же городѣ христіанство и креститъ жителей. Пословица: „Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ"—свидѣтельствуетъ о томъ, что эти имена крѣпко врѣзались въ народную память. Добрыня, сломившій упорство новгородцевъ въ ихъ язычествѣ, являлся въ представленіи христіанъ ихъ спасителемъ отъ лютости язычниковъ, ихъ освободителемъ отъ діавола. Народная пословица связала имена Добрыни и Путяты. Мѣсто воеводы Путяты заняла въ былинѣ о змѣеборствѣ его дочь, Забава Путятична, племянница Владимира, которую Добрыня выводитъ изъ змѣиной пещеры. Едва ли это случайность. Когда борьба Добрыни съ язычниками отлилась въ эпическую форму борьбы со змѣемъ, то согласно съ шаблонною чертой сюжета должна была явиться дѣвица, царская дочь, освобождаемая героемъ отъ змѣя. Соответственно съ общественнымъ положеніемъ Добрыни, родственника Владимира, она должна была стать именно родственницей князя, а тѣсная связь Добрыни и Путяты, намѣстника и воеводы новгородскихъ, сдѣлала ее Путятичной.

Въ „Очеркахъ" В. Ѳ. Миллеръ повторяетъ, что имя Путяты, вырученнаго Добрыней при осадѣ Новгорода, сохранилось въ отчествѣ Забавы, выручаемой Добрыней отъ змѣя. Здѣсь авторъ припоминаетъ мѣстное новгородское преданіе о томъ, что на

мѣстѣ, гдѣ стоитъ Перынскій скитъ, жилъ звѣрь-зміяка, который ходилъ въ Ильмень къ волховской коровницѣ. Когда князь Владиміръ приказалъ Новгороду креститься, зміяку-Перюна схватили и бросили въ Волховъ. Зміяка, находящійся въ связи съ женщиной, напоминаетъ змѣя, который унесъ Забаву Путятичну. Новгородское преданіе отождествляетъ Зміяку съ Перуномъ, и это отождествленіе даетъ звено, которое связываетъ былиннаго змѣя съ языческимъ божествомъ. Есть полное основаніе думать, что это преданіе, а также преданіе о крещеніи новгородцевъ, въ Якимовской лѣтописи, послужили въ древности, по крайней мѣрѣ, отчасти матеріаломъ для былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ. Въ виду тѣсной связи историческаго Добрыни съ Новгородомъ можетъ быть поставленъ вопросъ, не былъ ли именно въ Новгородской области сложенъ прототипъ былины о змѣеборствѣ Добрыни.

Таковъ взглядъ проф. В. Ѳ. Миллера на происхожденіе былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ. Изслѣдователь оговаривается, что онъ не разрѣшилъ всѣхъ вопросовъ, являющихся при изученіи былины. Поэтому новый пересмотръ ихъ можетъ быть полезенъ. Такъ, можно поставить вопросъ: нѣтъ ли въ старинной русской литературѣ произведеній, ближайшимъ образомъ связанныхъ съ сюжетомъ былины? Почему Добрыня имѣетъ отчество „Никитичъ“? Откуда въ былину проникло названіе волхвовъ? Откуда явилось представленіе о пещерѣ, въ которой живетъ змѣй? Сравненіе былины съ нѣкоторыми житіями поможетъ намъ разрѣшить эти и подобные вопросы, являющіеся при детальномъ изученіи былины.

Въ одной изъ версій былины (I, *д*) Добрыня побѣждаетъ змѣю карманнымъ шелковымъ платкомъ. Нѣчто подобное мы находимъ въ апокрифѣ о св. Георгіи и дѣвицѣ и въ духовномъ стихѣ, передѣлкѣ апокрифа; Георгій говоритъ спасенной дѣвицѣ:

Ты разрушай (т.-е. развяжи), дѣва, свой
шелковъ поясъ,
Свяжи имъ змѣю за шею,
Ты веди змѣю въ чисто поле.

Въ проложномъ житіи Тимоѳея, еп. Прусійскаго, говорится о томъ, что святой „змія превелика, въгнѣздьшася въ пещерѣ нѣкоей подъ кюпарисомъ и врежающа человѣки, помолився уби, и

вдавъ ѳхерій, сирѣчь платъ ризный, въ уста его, иже носяше"[1]). Житіе не говоритъ, для чего нужно было святому вложить въ ротъ дракона платокъ; но послѣдній былъ вложенъ тотчасъ же по убіеніи дракона; слѣдовательно, платокъ необходимъ былъ при борьбѣ. Изъ подобнаго произведенія одна изъ версій былины могла взять платокъ, какъ средство борьбы со змѣемъ. Указанное житіе показываетъ, что въ агіографической литературѣ существовало представленіе о томъ, что змѣй (драконъ) имѣетъ *гнѣздо*, живетъ въ *пещерѣ* и уничтожаетъ людей. Такое же представленіе мы находимъ и въ былинѣ.

Въ житіи св. Тимоѳея драконъ не символизируетъ язычества или грѣха, но въ основѣ всѣхъ подобныхъ легендъ лежитъ символика. Часто символическій образъ впослѣдствіи искажается, теряетъ свое первоначальное значеніе и дѣлается чисто-сказочнымъ. Такъ, въ греческомъ прологѣ относительно преп. Агапита говорится, что онъ молитвою умертвилъ дракона („δράκοντα εὐχῇ ἐθανάτωσε"[2]), т.-е. удалилъ грѣховныя мысли. Въ русскомъ переводѣ мы читаемъ слѣдующее: „Змія великаго, близъ монастыря являющася, губяща человѣкы и скоты, молитвою своею умори его"[3]). Очевидно, переводчикъ не понялъ символа и наивно реализировалъ его. Въ проложномъ житіи св. Ѳеодора Тирона разсказывается о томъ, что онъ сжегъ идольскую церковь; еще раньше этого, прежде чѣмъ объявить себя христіаниномъ, Ѳеодоръ думалъ: „аще побѣжду змѣя, побѣжду и діавола", что онъ и сдѣлалъ[4]).

Очевидно, сожженіе языческаго храма и открытое заявленіе Ѳеодора христіаниномъ символизируется какъ побѣда надъ змѣемъ. Но въ позднихъ рукописяхъ Пролога замѣтно реализированіе этого символа. Въ Прологѣ XIV в. слово „побѣжду" замѣнено словомъ „убію"[5]). Въ Прологѣ XVI в. Ѳеодоръ не только видитъ змѣя, но и убиваетъ его копьемъ: „внегда мимо

---

[1]) Сергій, Мѣсяцесловъ Востока, т. I, прилож., стр. 176.

[2]) Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano, nunc Berolinensi. Bruxellis. 1902. Стр. 473.

[3]) Рукоп. Румянцевскаго музея: Унд. № 225, л. 457 об., и № 227, л. 403.

[4]) Прологъ XIII в. Румянцевскаго музея, № 319, л. 74.

[5]) Напечатанъ г. Пономаревымъ: Славяно-русскій Прологъ, ч. II. Спб. 1898. стр. 46.

нѣкое мѣсто хотяше минути, и видѣ змій (вм. „увѣдѣвъ, яко змій“) превеликъ зѣло... и помысли, яко аще зміа сего убію, побѣжду и дьявола. И си глаголавъ, уби зміа копіемъ своимъ“ [1]).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ представленіе о той работѣ воображенія, которую возбуждали христіанскія символическія легенды. Одна изъ такихъ легендъ, апокрифическое житіе св. Никиты, содержитъ въ себѣ нѣсколько чертъ, близкихъ къ былинѣ. Вотъ содержаніе апокрифа [2]).

У царя Максиміана былъ благочестивый и мудрый сынъ Никита. Однажды онъ увидѣлъ во снѣ изображеніе креста надъ своей головой. Проснувшись, онъ сталъ ходить по городу и спрашивать: „Кто мнѣ покажетъ изображеніе, которое я видѣлъ этой ночью?“ Одна женщина Ульяна сказала ему:—Я показала бы тебѣ это изображеніе, но я боюсь твоего отца.—Никита обѣщалъ дать ей много денегъ; тогда она вынула изъ пазухи крестъ, и Никита узналъ въ немъ видѣнное имъ во снѣ изображеніе. Онъ облекся въ нищенское суконное платье и сталъ молиться Богу. Малый отрокъ Юліанъ-отступникъ, которому царь обѣщалъ дать замужъ свою дочь, разсказалъ Максиміану, что сынъ его отрекся отъ кумировъ. Царь подстерегъ сына и увидѣлъ, какъ онъ молится на востокъ. Никита сказалъ ему: „О, беззаконникъ! боги глухи, нѣмы, слѣпы и безгласны: уста имѣютъ—не говорятъ, глаза имѣютъ—не видятъ, уши имѣютъ—не слышатъ, руки имѣютъ—не осязаютъ, ноги имѣютъ—не ходятъ, ноздри имѣютъ—не обоняютъ, падаютъ—не встаютъ“. Затѣмъ Никита разбилъ вдребезги двѣнадцать изображеній боговъ въ судилищѣ. Тогда царь сказалъ: „Дитя мое, кто тебя обманулъ—не Егорій ли, котораго замучилъ мой братъ Дадіанъ?“.

Далѣе слѣдуетъ описаніе различныхъ мученій, которымъ подвергъ Никиту Максиміанъ. Послѣ мученій царь велѣлъ наложить на него оковы и посадить въ темницу. Діаволъ въ видѣ ангела явился въ темницу и совѣтовалъ ему принести жертву богамъ. Но Никита узналъ объ обманѣ отъ архангела Михаила. Онъ

---

[1]) Рукоп. Румянцевскаго музея, № 320, л. 469 об.

[2]) Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. III, стр. 146—149. На стр. 146 напечатано „арь клати быхъ“, нужно— „а рькла ти быхъ“.

простеръ руку, схватилъ діавола, бросилъ его подъ себя, наступилъ на его шею и сталъ его давить; затѣмъ онъ снялъ съ себя оковы и сталъ ими бить діавола, заставляя его разсказать, кто его прислалъ. Діаволъ сознался, что его прислалъ Сатана, а самъ онъ—Вельзаулъ. „Я—тотъ, который борется съ епископами, вводя ихъ въ гнѣвъ; я—тотъ, который вводитъ людей въ огонь и въ водахъ потопляетъ; я—тотъ, который заставляетъ людей во всемъ согрѣшать и плату давать женщинамъ; я—тотъ, который заставляетъ людей говорить, что такой-то попъ грѣшенъ, и мы не примемъ причастія отъ его руки".

Прошло три года. Царь вспомнилъ, что Никита сидитъ въ темницѣ, и велѣлъ привести его на судъ. Никита привелъ и бѣса на судъ за руку и заставилъ его упасть ницъ предъ царемъ. Царь сказалъ ему: „Никита, это—твой богъ?"—Нѣтъ, это не мой Богъ, но поспѣшникъ твоимъ волшбамъ.—Слѣдуетъ новое мученіе, послѣ котораго Никита опять остался невредимъ.

И вотъ, явились два волхва-вѣдуна („два волъхва ведныи"), Пахомеи, и стали хвалиться передъ царемъ, что они могутъ предать смерти Никиту. И сказалъ имъ царь: „Волхвы мои, если вы это сдѣлаете, то будете моими друзьями, и я дамъ вамъ много денегъ". Волхвы пошли [1]) за травою, змѣиной пищей, зная хорошо лютое [2]) волхвованіе, и дали Никитѣ выпить изъ чаши. Тогда роса упала съ неба въ чашу, все волхвованіе выкипѣло и пролилось на землю, а въ чашѣ оказались тѣло и кровь Христовы. Волхвы, увидѣвъ чудо, крестились. Затѣмъ слѣдуетъ новое чудо—воскрешеніе двухъ мертвецовъ.

И возстали всѣ жители съ царицею на царя. Блаженный Никита крестилъ весь городъ: 12 тысячъ мужчинъ, 9 тысячъ женщинъ и тысячу дѣтей.

Основная черта, сближающая легенду о Никитѣ съ былиной о Добрынѣ, та, что и тотъ, и другой являются борцами противъ злыхъ духовъ. Какъ Добрыня побѣждаетъ змѣя, такъ Никита—Вельзаула. Борьба Никиты съ діаволомъ особенно сильно дѣйствовала на народное воображеніе. Именно этотъ эпизодъ изъ житія изображенъ на металлическихъ маленькихъ образкахъ и

[1]) Въ текстѣ „И доста" вм. „Идоста".
[2]) Въ текстѣ „лѣто" вм. „люто".

на амулетахъ, называемыхъ „змѣевиками“: св. Никита держитъ лѣвою рукой діавола за волосы, а въ правой рукѣ у него круглая палка [1]). Въ апокрифѣ діаволъ не выводится подъ видомъ дракона, но этотъ символъ такъ часто встрѣчается въ агіографической литературѣ, что замѣна Вельзаула, изображаемаго въ человѣческомъ видѣ, змѣемъ не представляла затрудненія для человѣка, близкаго къ церкви. Но легенда о св. Никитѣ должна была припомниться слагателями былины о Добрынѣ потому, что въ ея содержаніи они могли найти сходство съ дѣятельностью дяди князя Владиміра. Никита креститъ городъ съ 22 тысячами населенія; Добрыня креститъ также многолюдный городъ—Новгородъ. Никита—сынъ правителя; Добрыня—дядя великаго князя. Въ виду этого коренного сходства дѣятельности Добрыни съ дѣятельностью героя византійской легенды можно думать, что она оказала нѣкоторое вліяніе на былину, отразившую въ себѣ память о крещеніи Новгорода. Дѣйствительно, мы находимъ въ былинѣ нѣсколько деталей, сближающихъ ее съ легендой. Никита одѣвается въ суконное платье нищаго. Добрыня носитъ шляпу земли Греческой—принадлежность нищаго странника. Діаволъ обманываетъ Никиту, являясь къ нему въ видѣ ангела; змѣй обманываетъ Добрыню, не исполняя даннаго ему обѣщанія. Діаволъ говоритъ Никитѣ: „Я—тотъ, который вводитъ людей въ огонь и въ водахъ потопляетъ“. Змѣй говоритъ Добрынѣ:

„Хочешь ли, Добрыня, я тебя огнемъ сожгу?
Хочешь ли, Никитичъ, я тебя водой стоплю?“

Никита живетъ въ темницѣ съ діаволомъ и приводитъ его на судъ за руку, но потомъ отрекается отъ него; Добрыня вступаетъ въ договоръ со змѣемъ, называетъ его крестовымъ братомъ, но потомъ его убиваетъ. Въ легендѣ волхвы хвалятся, что могутъ Никиту предать смерти; въ былинѣ волхвы предсказываютъ Добрынѣ смерть отъ змѣя; и Никита и Добрыня избѣгаютъ смерти.

Несмотря на сходство цѣлаго ряда деталей, былину нельзя считать передѣлкой легенды. Послѣдняя послужила для слагате-

---

1) Жезневскій, Описаніе Тверского музея. Археолог. отдѣлъ, № 473, 289; Журналъ Мин. Н. Пр. 1889, іюнь, стр. 363.

лей былины однимъ изъ образцовъ, но они кореннымъ образомъ обработали агiографическiй матерiалъ.

Переработка зависѣла отъ двухъ причинъ: 1) героемъ былины былъ не христiанскiй мученикъ, а храбрый воинъ; 2) правитель, родственникъ героя, стоялъ на его сторонѣ и не былъ его мучителемъ. Поэтому столкновенiе Добрыни съ княземъ Владимиромъ, которое должно было бы отвѣчать столкновенiю Никиты съ Максимiаномъ, не играетъ въ былинѣ большой роли; наоборотъ, столкновенiе Никиты съ дiаволомъ легло въ основу былиннаго сюжета. Тѣмъ не менѣе, легенда повлiяла на былину, вслѣдствiе чего типы Добрыни-воителя и его покровителя, князя Владимира, недостаточно выдержаны. Добрыня въ одно и то же время—и воинъ на конѣ, вооруженный, и странникъ въ паломнической греческой шляпѣ. Князь Владимиръ, съ одной стороны,—христiанскiй правитель, которому служитъ Добрыня; съ другой стороны, это—человѣкъ, якшающiйся съ волхвами и волшебницами, подобно своему прототипу, царю Максимiану. Послѣдняя черта особенно характерна.

Очевидно, по взгляду слагателей былины, князь не защитникъ своего народа, а просто деспотъ и трусъ, растерявшiйся при вѣсти о нападенiи змѣя. Когда змѣй уноситъ его племянницу, онъ въ теченiе трехъ дней скликиваетъ волхвовъ и колдунiй, которые научили бы его, какъ достать племянницу. Узнавъ о томъ, что Добрынѣ уже приходилось биться со змѣемъ, онъ беретъ съ него слово и закрѣпляетъ его обѣщанiе ѣхать на выручку письменнымъ договоромъ. Однимъ словомъ, это—типъ сказочнаго правителя, посылающаго героя на опасное предпрiятiе.

Въ виду значительнаго сходства былины съ легендой, мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ то, что Добрыня получилъ свое отчество отъ имени героя легенды. Я уже указывалъ (разбирая пересказы III, *б*), что Добрыня нерѣдко называется въ былинахъ Никитой и Никитой-Добрыней.

По мнѣнiю акад. Веселовскаго, отчество Добрыни восходитъ къ героическому прозвищу „Аникитъ" (Ἀνίκητος = непобѣдимый). Можетъ быть, къ тому же прозвищу восходитъ и имя Максимiанова сына, который въ дѣйствительности оказывается непобѣдимымъ: его не могутъ одолѣть ни отецъ, ни судьи, ни дiаволъ, ни

волхвы; онъ свергаетъ отца съ престола и креститъ городъ. Форма „Аникитъ“ могла быть искажена и дать другое имя—„Никита“. Греческое имя Ἀνίκητος (лат. Anicetus и Anica) переводится и „Аникитъ“ и „Аникита“ [1]).

Разбирая различныя версіи былины, я указывалъ на то, что она состоитъ изъ двухъ частей, описывающихъ двѣ различныя поѣздки Добрыни: 1) поѣздка къ Пучай-рѣкѣ или къ морю, купанье и первая встрѣча съ змѣемъ; 2) поѣздка на гору Сорочинскую для освобожденія княжеской племянницы. Первую поѣздку Добрыня предпринимаетъ по своей собственной волѣ, при чемъ обыкновенно пѣвецъ оставляетъ ее безъ мотивировки, или же—Добрыня ѣдетъ охотиться (I, *г*, *д*, *ж;* II, *а*, *б;* III, *д*, *е*, *з*, *и*). Самое *купанье* его въ рѣкѣ Пучаѣ проф. В. Ѳ. Миллеръ считаетъ отголоскомъ крещенія кіевлянъ на Почайнѣ. Съ тѣхъ поръ какъ В. Ѳ. Миллеръ писалъ о былинѣ, появились новые матеріалы, дающіе возможность кое-что прибавить къ прежнимъ выводамъ. Разбирая пересказы II типа (раньше неизвѣстные), я сдѣлалъ тотъ выводъ, что они подверглись вліянію отдѣльной былины о доставаніи воды, имѣющей свойство молодить людей. Князь съ княгиней умываются привезенной съ Пучай-рѣки водой и дѣлаются молодыми. Эта былина въ полномъ своемъ видѣ до насъ не дошла, но сохранилась въ видѣ вставки въ былины о Добрынѣ и змѣѣ, о Добрынѣ и Алешѣ и объ Алешѣ и его сестрѣ. Въ послѣдней былинѣ подвигъ Добрыни приписанъ Алешѣ, и это перенесеніе, несомнѣнно, позднее. Борьба Добрыни со звѣремъ скимномъ (львенкомъ) также въ одномъ пересказѣ (Тихонравовъ и Миллеръ, II, 67) приписана Алешѣ.

Достать воду съ Пучай-рѣки мѣшаетъ змѣй. Подобное представленіе находится въ Голубиной книгѣ: въ озерѣ лежитъ змѣй и не даетъ людямъ пить воды; они могутъ запасаться водой лишь въ то время, когда прибѣгаетъ къ водѣ инорогъ, пугающій змѣя.

Въ новгородскихъ преданіяхъ змѣю, заграждающему воду соотвѣтствуетъ Зміяка-Перюнъ или крокодилъ, котораго языч-

---

[1]) Сергій, Мѣсяцесловъ Востока, I, 10, 17, 35, 73, 167. Въ Прологѣ Синодальной библіотеки, № 240, л. 167: „Страсть святою мученику Фотия и Аникиты“. Далѣе—„И пришедъ Аникитъ...“

ники называли Громомъ, или Перуномъ. Извѣстно, что старые боги проповѣдниками христіанства отождествлялись съ бѣсами, почему змѣй-драконъ, символъ діавола, въ то же время былъ символомъ языческаго главнаго бога. Итакъ, змѣй и въ разсматриваемой (отрывочной) былинѣ—символъ діавола. Что же значитъ омовеніе водою съ Пучай-рѣки? На аллегорическомъ языкѣ XI столѣтія „омыться“ значило креститься, и язычникъ—человѣкъ грязный. „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, разсказывая о кончинѣ княгини Ольги, говоритъ, что ея современники, язычники, „кальни бѣша, грѣхъ *не омовени* (не омытые отъ грѣховъ) крещеньемь святымь. Си (т.-е. Ольга) бо *омыся* купѣлью святою, и совлечеся грѣховныя одежа ветхаго человѣка Адама и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ“. Итакъ, человѣкъ, переходящій изъ язычества въ христіанство, умывается [1]) и надѣваетъ новую одежду. Такое же представленіе находимъ и въ былинѣ: князь Владиміръ и княгиня умылись водой, привезенной съ Пучай-рѣки,—

Ай *умылися* они да *нарядилися*,
Нарядилися, помолодилися.

Такимъ образомъ, былина о привозѣ воды для князя и княгини заключаетъ въ себѣ смутное воспоминаніе о крещеніи князя Владиміра. Второй бой Добрыни со змѣемъ и освобожденіе Забавы Путятичны намекаетъ на крещеніе новгородцевъ.

Теперь является вопросъ: какого рода историческіе намеки содержитъ первый бой Добрыни и его купанье?

По словамъ проф. В. Ѳ. Миллера (Экскурсы, 44), „Добрыня, сгонявшій силою въ воду цѣлыми толпами народъ, могъ въ воображеніи полуязыческой среды вызвать образъ какого-то купальщика-фанатика, какого-то любителя купать и купаться, потому что то и другое могло заключаться въ такомъ, напримѣръ, имени, какъ Купало“. Для подкрѣпленія этой догадки В. Ѳ. Миллеръ ссылается на обрядовыя купальскія пѣсни, въ которыхъ Иванъ Купало, т.-е. Креститель, изъ лица купающаго сталъ лицомъ купающимся. Мнѣ думается, нѣтъ никакой нужды въ такого рода предположеніи. Образъ Добрыни, съ опаской купаю-

1) Егорій Храбрый говоритъ сестрамъ: „Идите на Іорданъ-рѣку, *умойте* вы лица бѣлыя: вы набралися духу басурманскаго“.

щагося въ рѣкѣ или въ морѣ и неосторожно заплывающаго на третью струю, гдѣ его могла ожидать гибель, ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ крещеніемъ „огнемъ“, которое потомъ долго вспоминалось въ пословицѣ. На этотъ подвигъ Добрыни намекаетъ второй его бой, кончающійся сожженіемъ змѣинаго гнѣзда. Что же касается купанья Добрыни, то, вѣроятно, оно составляло предметъ отдѣльной былины, разсказывавшей о дѣтствѣ героя. Я не могъ бы указать прототипъ этой былины, но подобный разсказъ находится въ одномъ изъ отдѣловъ „Девгеніева дѣянія“. Какъ и въ былинѣ о Добрынѣ, въ греческой поэмѣ говорится о рожденіи героя, нареченіи имени, крещеніи, обученіи владѣть копьемъ и ѣздить на конѣ и объ охотѣ на звѣрей. Описаніе первыхъ подвиговъ Девгенія оканчивается слѣдующимъ эпизодомъ. На охотѣ отецъ Девгенія видитъ, что платье на его сынѣ испачкалось отъ звѣринаго пота и медвѣжьей слюны, и говоритъ ему: „Пойдемъ, мой сынъ, изъ этого темнаго лѣса; въ лѣсу есть водный источникъ, въ которомъ словно свѣча свѣтится; изъ простыхъ людей никто не можетъ къ нему подойти, потому что въ немъ совершаются многія чудеса. Пойдемъ же, дитя, къ источнику, и я самъ своими руками омою лицо твое, руки и ноги“.

Когда они пришли къ источнику, Девгеній сказалъ: „Отецъ, ты моешь мои руки, а имъ еще предстоитъ быть грязными“. Какъ только онъ сказалъ это, прилетѣлъ къ источнику тому большой змѣй съ четырьмя человѣчьими головами. Девгеній поскакалъ къ нему навстрѣчу, ударилъ его мечомъ и отрубилъ у него всѣ головы. Затѣмъ отецъ вымылъ Девгенія и надѣлъ на него дорогое платье.

Этотъ эпизодъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ былиной о купаньѣ и первомъ боѣ Добрыни. Но въ былинѣ бой со змѣемъ занимаетъ центральное мѣсто—даже святые отцы предсказываютъ гибель змѣя отъ Добрыни, — между тѣмъ какъ въ греческой поэмѣ это—только одинъ изъ эпизодовъ охоты. Во всякомъ случаѣ, сравненіе этихъ двухъ произведеній даетъ основаніе утверждать, что былинный разсказъ о купаньѣ Добрыни не можетъ быть намекомъ на дѣятельность его въ Новгородѣ. Скорѣе, онъ представляетъ собою отдаленный отголосокъ преданія о крещеніи самого Добрыни.

Извѣстныя въ настоящее время былины о Добрынѣ представляютъ цѣлый циклъ сказаній, конечно, появившихся въ разное время и въ различныхъ областяхъ. Можно думать, что нѣкоторыя былины объ этомъ героѣ до насъ не дошли. По крайней мѣрѣ, извѣстно нѣсколько эпизодовъ, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является Добрыня и которые не представляютъ законченныхъ былинъ, а сохранились какъ вставки въ другія былины. Мнѣ уже пришлось указать такого рода вставки: бой съ Невѣжей, съ бабой Ягой (I, *e*); сюда можно причислить бой съ бабой Горынинкой [1]), съ Латынгоркой [2]), со львомъ или скимномъ [3]), съ силой невѣрною [4]); встрѣчу со смертью [5]), гибель въ рѣкѣ Смородинѣ [6]), самоубійство [7]).

Всѣ эти эпизоды, какъ можно думать, нѣкогда представляли изъ себя болѣе цѣльныя былины, но дошли до насъ въ отрывочномъ видѣ. Возможно, что и о дѣтствѣ и купаньѣ Добрыни существовала отдѣльная былина, которая впослѣдствіи была соединена съ былиной, гдѣ герой выручаетъ отъ змѣя княжескую племянницу. Въ такомъ случаѣ, купанье Добрыни въ морѣ или рѣкѣ символически воспроизводитъ преданіе о переходѣ его изъ язычества въ христіанство.

Что многое изъ эпической біографіи Добрыни не дошло до насъ, объ этомъ можно заключить изъ намековъ, содержащихся въ извѣстныхъ намъ пересказахъ. Таково предсказаніе. Въ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ Илья вспоминаетъ о томъ, что „смерть ему на бою не писана“; въ соотвѣтствіи съ этимъ мы знаемъ былину, въ которой передается разсказъ о такомъ предсказаніи странниковъ (Христа и апостоловъ). Что касается Добрыни, то изъ словъ змѣя мы знаемъ о предсказаніи святыхъ отцовъ, что онъ долженъ погибнуть отъ руки Добрыни.

---

1) Сборникъ Кирши Данилова, стр. 154—157; Рыбниковъ, I, 65.

2) Бѣломорскія былины, 489—491.

3) Кирѣевскій, II, 1—2, 9—11; Гильфердингъ, № 234; Соболевскій, I, № 485; Этнографическій сборникъ, VI, статья г. Потанина, стр. 96; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 65—68, 278.

4) Рыбниковъ, II, 33.

5) Тамъ же, стр. 36.

6) Соболевскій, I, 363.

7) Бѣломорскія былины, 38.

Очевидно, объ этомъ предсказаніи сообщалось въ недошедшей до насъ былинной версіи. Оно должно было помѣщаться при описаніи дѣтства героя. Извѣстное теперь описаніе дѣтства Добрыни принадлежитъ другому Добрынѣ—рязанскому храбру Добрынѣ, Златому поясу, подвиги котораго лѣтопись относитъ къ первой четверти XIII в. Добрыня—сынъ рязанскаго купца. Начало былины ясно обнаруживаетъ свое происхожденіе изъ мѣстныхъ рязанскихъ преданій:

Доселѣва Рязань слободой слыла,
А нынѣ Рязань славенъ городъ сталъ.

Хотя крѣпость („градъ") подъ названіемъ Переяславля Рязанскаго была заложена еще въ 1095 году, но до конца XII ст. Рязань могла называться слободой, потому что въ церковномъ отношеніи она была подчинена черниговской епископіи. „Свободой" или „слободой" называлось вновь заведенное поселеніе, пользовавшееся свободою отъ извѣстныхъ повинностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежавшее къ „городу", какъ болѣе крупной единицѣ. Рязанская самостоятельная епископія возникла въ 1198 г., и съ того времени Рязань могла уже слыть городомъ, такъ какъ тамъ въ это время жилъ великій князь [1]).

Слѣдовательно, описаніе дѣтства Добрыни (входящее въ составъ также былины о боѣ его съ Ильей Муромцемъ) присоединено къ былинѣ о купаньѣ сравнительно поздно и, какъ мы видѣли, вошло въ составъ пересказовъ лишь одного III типа. Былины, записанныя въ Олонецкой губерніи, не знаютъ Добрыню рязанцемъ; тѣмъ не менѣе и въ нихъ мы находимъ намеки на описаніе рожденія и дѣтства героя (I, *б*, *і*). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что это описаніе составляло принадлежность древнѣйшей версіи былины о змѣеборствѣ. Быть можетъ, въ составъ этого описанія входила пѣсня о звѣрѣ скимнѣ (львѣ, индрикѣ), которою начинаются нѣкоторыя былины о Добрынѣ. Какъ смотрѣть на эту пѣсню?

По словамъ проф. В. Ѳ. Миллера [2]), „враждебныя богатырю-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, I, 704, 1520, прим. 4; Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества, 27, 97. Переяславль Рязанскій (теперь село Рязань) въ старыхъ извѣстіяхъ носитъ названіе „Старой Рязани".

[2]) Экскурсы, 42.

змѣеборцу силы почуяли его рожденіе: представитель этой силы, какой-то страшный скименъ звѣрь (левъ), носящій всѣ признаки эпическаго змѣя, кричащій по-звѣриному, шипящій по-змѣиному, подбѣгаетъ со стадомъ звѣринымъ-змѣинымъ къ Нѣпрѣ рѣкѣ (на которой совершилось крещеніе кіевлянъ), и отъ этого всколебалась земля, посыпался съ крутыхъ береговъ песокъ, и помутилась вода. Діавольская сила заволновалась, предчувствуя, что ея власти наступаетъ конецъ съ нарожденіемъ Добрыни".

Дѣйствительно ли скименъ—олицетвореніе діавольской силы? Описаніе этого чудеснаго звѣря не соотвѣтствуетъ такому предположенію: у него шерсть буланая, золоченая, на каждой шерстинкѣ по жемчужинкѣ, на спинѣ два серебряныхъ блюда, на блюдечкахъ два яблочка катаются, жемчугъ по блюдамъ разсыпается; глаза у него горятъ, какъ звѣзды. Такого рода представленіе свойственно величальнымъ пѣснямъ: подобнымъ образомъ описывается плугъ въ южно-русскихъ колядкахъ или чудесный пахарь Микула со своей сохой:

Сошка у оратая кленовая,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются—
Что не скатенъ жемчугъ разсыпается [1]).

Таково же описаніе Егорія Храбраго, у котораго руки въ золотѣ, ноги въ серебрѣ, голова жемчужная, по вискамъ звѣзды катаются, за ушами зори занимаются. По мнѣнію В. Ѳ. Миллера, скименъ носитъ всѣ признаки эпическаго змѣя. Наоборотъ, описаніе скимна до извѣстной степени соотвѣтствуетъ дѣйствительному виду бросающагося льва: его шерсть—буланая, т.-е. темножелтая, усы стоятъ какъ щетка, уши—какъ копья; его щетина опрокинулась напередъ, онъ становится на заднія лапы и кричитъ. Въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни у „скипера"—рога и копыта булатные [2]). Это указаніе, очевидно, перенесено изъ другихъ варіантовъ, гдѣ вмѣсто скимна является Индрикъ-звѣрь [3]):

---

1) Гильфердингъ, № 156.
2) Кирѣевскій, II, 2.
3) Соболевскій, I, № 485; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 66.

у Индрика копыта булатныя и шерсть сиво-желѣзнаго цвѣта [1]), что опять до извѣстной степени отвѣчаетъ дѣйствительному виду носорога.

Изъ одиннадцати извѣстныхъ намъ пересказовъ пѣсни въ двухъ звѣрь называется *индрикомъ*, въ одномъ [2])—*львомъ*, а въ остальныхъ—*скименомъ* (скимеромъ, скиперомъ, скимономъ, устиманомъ). „Левъ", очевидно, есть переводъ греч. σκύμνος (дѣтенышъ льва и вообще дикаго звѣря). Возможность перевода показываетъ, что пѣсня долгое время вращалась въ грамотной средѣ; описаніе льва и инорога какъ будто прямо снято съ затѣйливаго рисунка старинной иконы. Слѣдовательно, составитель пѣсни долженъ былъ отнестись къ своей задачѣ вполнѣ сознательно. Какого рода картина представлена въ пѣснѣ? Бѣжитъ стадо звѣрей, впереди всѣхъ—львенокъ; онъ подбѣгаетъ къ Днѣпру и входитъ по колѣна въ воду. Посыпались берега, помутился Днѣпръ:

Заслышали рожденьице Добрынино,
Дакъ въ тое время родился Добрыня-князь [3]).

Очевидно, появленіе на берегу Днѣпра львенка—символъ рожденія героя, который долженъ повести за собою впослѣдствіи людей въ Днѣпръ для крещенія. Добрыня только-что родится; потому символомъ его является дѣтенышъ, скимнъ. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ скимнъ называется воромъ и собакой; въ двухъ—герой даже убиваетъ его [4]), но это представляетъ собою искаженіе первоначальнаго образа звѣря,—въ противномъ случаѣ трудно было бы объяснить вполнѣ осмысленную замѣну скимна индрикомъ, отцомъ звѣрей и благодѣтелемъ человѣчества. Сравненіе героя со львомъ и вообще съ хищнымъ звѣремъ вполнѣ отвѣчаетъ духу древней поэзіи. Вспомнимъ, что одинъ изъ героевъ Слова о полку Игоревѣ—яръ туръ и буй туръ Всеволодъ; Святославъ, отецъ Владиміра Святого, ходилъ какъ барсъ; о князѣ Романѣ Волынская лѣтопись говоритъ: „Онъ одолѣлъ

---

[1]) Ср. въ малор. колядкѣ: Господь подбираетъ все воропыхъ коней, чей черезъ годъ будетъ „сивозелізі" (Потебня, Объясненія мр. и сродныхъ пѣсенъ, II, 137).

[2]) Кирѣевскій, II, 11.

[3]) Кирѣевскій, II, 11.

[4]) Тихонр. и Миллеръ, II, 278; 67.

всѣ языческіе народы, мудро исполнялъ Божьи заповѣди; онъ устремлялся на язычниковъ какъ левъ, былъ сердитъ какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, перелеталъ ихъ землю какъ орелъ, храбръ былъ какъ туръ".

Изъ приведенныхъ фактовъ я дѣлаю тотъ выводъ, что появленіе скимна на берегу Днѣпра выражаетъ предвѣстіе будущихъ подвиговъ Добрыни. Нужно замѣтить, что пѣсня о скимнѣ представляетъ большое сходство съ описаніями знаменій, сопровождающихъ рожденіе многихъ эпическихъ героевъ [1]). Такъ, при рожденіи Вольги (Вольха) на небѣ просвѣтился мѣсяцъ, задрожала земля, море всколебалось, туры и олени за горы пошли, зайцы, лисицы, волки, медвѣди, соболи, куницы спрятались въ лѣсъ, рыбы ушли въ моря, птицы улетѣли за облака. Подобными знаменіями сопровождается рожденіе Егорія Храбраго:

Еще туры, олени по горамъ пошли,
Еще сѣры-ти заюшки по засѣкамъ,
Еще бѣленьки горностаюшки по темнымъ лѣсамъ,
Тутъ вѣдь рыбина ступила во морску глубину,
Еще на небѣ взошелъ да младъ свѣтелъ мѣсяцъ,
На землѣ зародился могучъ богатырь
Да по имени Егорій свѣтъ Храбрыя [2]).

Намекъ на одно изъ такихъ знаменій сохранился въ побывальщинѣ объ Алешѣ Поповичѣ: „На небесахъ зародился младъ свѣтелъ мѣсяцъ,—на землѣ-то у стараго соборнаго у Леонтья попа зародился сынъ—могучій богатырь; а имя нарекли ему младъ Алеша Поповичъ" [3]). Переполохъ, происходящій въ природѣ, имѣетъ непосредственное отношеніе къ будущимъ подвигамъ героя:

Когда на небѣ родился свѣтёлъ мѣсяцъ,
Тогда на Руси родился могучъ богатырь,
Молодыи Вольгя Всеславьевичъ.
Рыба отступила во морску глубину,
Все слышачи на Руси багáтыря
Молодого бы Вольгу Всеславьевича;

Аѳан. III 312

---

[1]) См. Веселовскаго, Разысканія въ области р. дух. стиховъ, II. Спб. 1880, стр. 117—119; Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, 296, 416; Стасовъ, Собраніе сочиненій, III, 1003.

[2]) Бѣломорскія былины, 151—2.

[3]) Аѳанасьевъ, Народныя русскія сказки, III, 136.

Птица солеталась по поднебесью,
Все слышачи на Руси багатыря
Молодого Вольга Всеславьевича;
Тонки горностали—во сыру землю,
Все слышачи на Руси богатыря
Молодого Вольію Всеславьевича;
Да буры лисицы по темнымъ лѣсамъ,
Все слышачи на Руси багатыря
Молодого Вольію Всеславьевича [1]).

Рыбы, птицы и звѣри предчувствуютъ свою участь: они знаютъ, что родившійся богатырь будетъ великимъ охотникомъ. И дѣйствительно, былина о Вольгѣ разсказываетъ о чудесныхъ ловахъ героя. Рожденіе Добрыни сопровождается почти такими же знаменіями, что и рожденіе Вольги: выбѣгаетъ стадо звѣрей (въ одномъ пересказѣ—два соболя съ куницею), впереди бѣжитъ скимнъ; онъ подбѣгаетъ къ Днѣпру, кричитъ, и вотъ Днѣпръ помутился, море всколебалось.

Еще мелкая-та-ли рыбица на дно ушла [2]).

Весь этотъ переполохъ въ природѣ происходитъ оттого, что она слышитъ о рожденіи героя:

Какъ заслышалъ лютый Скименъ да невзгодушку:
Ужъ какъ на небѣ родился свѣтелъ мѣсяцъ,—
На землѣ-то народился могучъ богатырь [3]).

Въ другомъ пересказѣ:

Какъ зачуялъ воръ-собака нарожденьице:
Народился на святой Руси на богатой
Молодешенекъ Добрыня сынъ Никитьевичъ [4]).

Теперь является вопросъ: не знаменуетъ ли рыканіе скимна то, что ему предстоитъ погибнуть отъ руки Добрыни? Я уже указалъ на то, что изображеніе скимна мало подходитъ къ представленію о дьявольской, вражеской силѣ. Нужно обратить вниманіе также на то, что Добрыня предназначенъ къ другому подвигу: святые отцы писали, волхвы волхвовали и старые люди

---

[1]) Ончуковъ, Печорскія былины, 331—2.
[2]) Гильфердингъ, № 234; ср. Кирѣевск. II, 1.
[3]) Тихонравовъ и Миллеръ, II, 65.
[4]) Кирѣевскій, II, 2. „На богатой", вѣроятно,—искаженіе, вмѣсто „да богатырь".

пророчили, что смерть придетъ отъ Добрыни *змѣю;* основной подвигъ Добрыни—убійство змѣя Горынича. Слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что скимнъ, левъ, индрикъ—не противники Добрыни, а его прообразы.

Мы видѣли, что рожденіе Добрыни и Егорія Храбраго сопровождается одними и тѣми же знаменіями. Егорій воспитывается въ горѣ, которая принимаетъ его въ свои нѣдра, какъ мать. По стиху и Голубиной книгѣ, „малый Индрикъ звѣрь" живетъ также въ горѣ. Эго—Мессія, кроткій и сильный, покоряющійся только непорочной дѣвѣ. Въ средневѣковомъ Физіологѣ мы читаемъ объ инорогѣ: „Инорогъ мало животно есть, подобенъ козляти, кротокъ же зѣло; и не можетъ приближитися къ нему ловецъ, зане силенъ есть; единъ же рогъ имать посредѣ главы". [1]) Онъ живетъ пока въ горѣ какъ въ чревѣ матери.

Когда Кондрыкъ-звѣрь *возыграется,*
Всѣ святыя горы всколыхаются [2]).
Молокита (т.-е малый китъ!) звѣрь вострепещется—
Еще вся гора да востробощется,
Еще всѣ звѣри испугаются
И съ крутой горы да убираются [3]).
Малый Ногиръ [4]) звѣрь всколыблется—
Сіонъ-гора вся поворотится;
Тогда всѣ звѣри ему поклонятся [5]).
Когда Индеръ звѣрь въ горѣ [6]) воротится,
Тогда вся земля да восколеблется [7]).

Итакъ, инорогъ живетъ въ Сіонской горѣ [8]), мѣстопребываніи Бога; когда онъ выйдетъ оттуда, основанія земли поколеб-

---

[1]) Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ 258, прим.; Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 203 (ст. Кирпичникова).

[2]) Варенцовъ, Сборникъ р. духовныхъ стиховъ, 14.

[3]) Григорьевъ, Архангельскія былины, I, 602.

[4]) Смѣшеніе съ птицей Ногай, Ногаръ и т. п. См. у Веселовскаго, ор. с., 213—215.

[5]) Григорьевъ, I, 609.

[6]) Въ текстѣ явная ошибка: „въ гору"; ср. далѣе: „поворотится.

[7]) Дютшъ и Истоминъ, Пѣсни русскаго народа, 2С.

[8]) Представленіе о томъ, что Индеръ живетъ въ горѣ, т.-е. подъ землею, дало основаніе отождествить это животное съ мамонтомъ. Въ Воронежской губерніи записано преданіе о томъ, что Индеръ, т.-е. мамонтъ, живетъ подъ землею и по временамъ оттуда выходитъ. Такъ какъ кость носорога считалось цѣлеб-

лются, и будетъ второе пришествіе Мессіи. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ Голубиной книги мѣсто инорога занимаетъ левъ:

Левъ-звѣрь поворотится—
Всѣ звѣри ему поклонятся [1]).

Единорогъ—противникъ лютаго звѣря льва, которому писано быть царемъ надъ звѣрями [2]). Это, конечно,—намекъ на царство Антихриста. Онъ же—противникъ лютаго змія, который не подпускаетъ людей къ водѣ. Извѣстно, что въ Голубиной книгѣ смѣшиваются единорогъ и индрій (hydros)—„звѣрекъ маленекъ, иже убиваетъ коркодила". Поэтому не только индрикъ (авандрій и т. п.), но и единорогъ прочищаетъ источники, достаетъ воду во время засухи [3]), какъ символъ Мессіи, источника жизни.

Народная фантазія воспользовалась образомъ второго пришествія Мессіи, и знаменія этого пришествія привлекла къ рожденію героя-распространителя христіанства. Прообразъ Христа—малый звѣрь, живущій въ горѣ, и источающій воду; прообразъ Добрыни—львенокъ, прибѣгающій къ Днѣпру со стадомъ звѣрей. Голубиная книга предсказываетъ, что всѣ звѣри поклонятся индрику; при рожденіи Добрыня впереди всѣхъ звѣрей бѣжитъ скимнъ или индрикъ.

Можетъ быть поставленъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли представленіе о Добрынѣ какъ о христіанскомъ героѣ, русскомъ Мессіи, подвигъ котораго издавна предсказанъ святыми отцами и рожденіе котораго сопровождается чудесными предзнаменованіями,—міросозерцанію въ первые вѣка христіанства на Руси? Что касается предсказанія о крещеніи кіевлянъ, то мы находимъ его въ древнемъ жизнеописаніи князя Владимира (пророкъ говорилъ о русскихъ: „нареку не люди моя—люди моя" [4]) и въ позд-

пою, то и мамонтовы клыки стали считать такими же: простой народъ до сихъ поръ грызетъ ихъ при зубной боли. Встарину изъ мамонтовой кости дѣлались небольшія иконы, представлявшія большую цѣнность. См. Исторію Россіи Соловьева, кн. I, 1708; Потанина; Восточные мотивы въ сред. евр. эпосѣ 525,820, прим. 2; Древности, изд. Археол. Общ., VII, 6 (ст. В. Ѳ. Миллера).

[1]) Варенцовъ, 18; ср. Добровольскій, Смоленскій этнографич. сборникъ, IV 171.

[2]) Сборникъ Кирши Данилова, 172—3.

[3]) Веселовскій, ор. с., 257; Сочиненія Тихонравова, I, 176—7.

[4]) См. мои Бытовыя черты русскихъ былинъ, 77. Ср. Полное Собр. Р. Лѣт. I, 51; X, 58.

нѣйшей легендѣ объ апостолѣ Андреѣ. Извѣстно, что лѣтописцы находили въ византійскихъ сочиненіяхъ, въ особенности эсхатологическаго характера, предсказанія современныхъ имъ историческихъ событій. Также вполнѣ соотвѣтствуетъ духу времени и вѣра въ чудесныя знаменія. Въ началѣ XI в., вскорѣ послѣ крещенія Руси, одинъ волхвъ предсказывалъ, что скоро Днѣпръ потечетъ обратно и что Русская и Греческая земля обмѣняются мѣстами [1]). Во второй половинѣ того же вѣка рѣка Волховъ потекла вверхъ передъ разгромомъ, которому подвергъ Новгородъ князь Всеславъ Полоцкій. Въ 1091 г. солнце было какъ мѣсяцъ во второмъ часу дня. Во время охоты князя Всеволода упалъ съ неба большой змѣй; всѣ пришли въ ужасъ. Въ это же время многіе слышали, какъ земля гремѣла. Въ 1064 году, передъ нашествіемъ половцевъ солнце потемнѣло и стало въ родѣ мѣсяца; невѣжды говорили, что его кто-то съѣдаетъ. Въ лѣтописи мы находимъ тѣ же знаменія, чтó и въ былинахъ; между прочимъ она объясняетъ намъ, почему при рожденіи Добрыни и другихъ богатырей „на небѣ всходитъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ:“ Это—не что иное, какъ солнечное затменіе, при которомъ солнце становится похожимъ на мѣсяцъ.

Я указалъ, что описаніе дѣтства Добрыни входило въ древнѣйшую версію былины о змѣеборствѣ. Разборъ пѣсни о Скименѣ показываетъ, что эта пѣсня представляетъ собою обособившееся начало этой древней версіи. Мы видѣли, что пѣвцы поняли скимна какъ противника Добрыни. Забвеніе истиннаго смысла этого звѣря, какъ прообраза героя, должно было повести къ тому, что начало былины о змѣеборствѣ выдѣлилось и стало механически присоединяться къ сюжету „Добрыня въ отъѣздѣ“; нѣкоторые варіанты забыли даже имя богатыря и обратились въ безымянную пѣсню.

Выше я указалъ, что былина о змѣеборствѣ Добрыни состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть, какъ я старался выяснить, носитъ характеръ біографическій и описываетъ жизнь героя, начиная съ его рожденія и кончая тѣмъ договоромъ, который установилъ побратимство между Добрыней и змѣемъ. Вторая часть описываетъ поѣздку героя въ жилище змѣя на вы-

---

[1]) П. С. Р. Л. X, 97.

ручку родственницы князя. В. Ѳ. Миллеръ, не разграничивая этихъ двухъ частей, всю вообще былину сопоставляетъ съ преданіями и историческими фактами эпохи Владимира Святого. По взгляду уважаемаго профессора, обѣ поѣздки Добрыни представляютъ собою отголосокъ преданій о крещеніи Новгорода. Но этому взгляду противорѣчитъ то, что въ первой части былины упоминаются Почайна и Днѣпръ. Эти названія указываютъ на то, что здѣсь мы имѣемъ отголосокъ кіевскихъ преданій, и только вторую часть былины возможно сопоставлять съ дѣятельностью Добрыни въ Новгородѣ.

Для того, чтобы составить себѣ болѣе отчетливое представленіе объ отношеніи былины къ преданію о крещеніи новгородцевъ, приводимому Татищевымъ, обратимся къ тому, что извѣстно намъ изъ лѣтописей о крещеніи Новгорода. Въ современныхъ событію лѣтописныхъ извѣстіяхъ мы находимъ двѣ замѣтки о немъ: 1) Въ 990 г. кіевскій митрополитъ Михаилъ отправился въ Новгородъ Великій съ епископами патріарха Фотія (патріархъ Фотій далъ ему въ помощь шесть епископовъ), съ Добрынею, дядею Владиміра, и съ Анастасомъ. Онъ сокрушилъ идолы, крестилъ много народа, построилъ церкви и поставилъ пресвитеровъ (священниковъ) по городамъ и селамъ. [На слѣдующій годъ всѣ они отправились (кромѣ двухъ священниковъ) въ Ростовъ.] 2) Въ 991 г. въ Кіевѣ митрополитомъ Леонтомъ въ Новгородъ Великій и Псковъ поставленъ былъ епископъ Іакимъ-корсунянинъ. Онъ пришелъ къ Новгороду, разорилъ „остальныя требища", сокрушилъ идолы, а Перуна разрубилъ и бросилъ въ Волховъ. Въ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописяхъ объ Іоакимѣ разсказывается нѣсколько иначе: „И пріиде епископъ Іоакимъ, и требища разори, и Перуна посече, что въ Великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи въ Волховъ. И повязавше ужи (веревками), влечаху и̓ по калу, біюще жезліемъ и пхающе. И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача стонати и вопити: „о горе, охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ!" И вринуша его въ Волховъ. Онъ же, пловя сквозѣ Великій мостъ, верже палицу свою и рече: „на семъ мя поминаютъ новгородскія дѣти!" Еюже, и нынѣ безумніи людіе, убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда архіепископъ нигдѣже никому переняти (перехватить) его. И пловущу ему и

нощь всю, и иде видблянинъ [1]) порану на рѣку, хотя горнцы (горшки) везти въ городъ,—аже Перунъ приплылъ къ брегу; и онъ отрину (отпихнулъ) его шестомъ и рече: „ты, Перунище, досыта еси ялъ и пилъ, а нынѣ поплови прочь!" И плы и до свѣта во кошевье" [2]). Весьма вѣроятно, что это народное преданіе, записанное уже тогда, когда черезъ Волховъ было нѣсколько мостовъ, т. к. въ немъ упоминается „Большой" мостъ—слѣд., былъ и малый,—ведетъ свое происхожденіе отъ монаховъ Перынскаго скита, поставленнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Съ урочищемъ Перыня связано также и преданіе о звѣрѣ-зміякѣ, доселѣ живущее близъ Перынскаго скита. Подобное преданіе еще въ XVII в. было включено въ „Исторію еже о началѣ Русскія земли и созданіи Новограда и откуду влечашеся родъ словенскихъ князей" [3]). Передача легенды оканчивается такъ: „Наше же христіянское истинное слово неложнымъ испытаніемъ многоиспытанне извѣстися о семъ окаяннѣмъ чародѣи-волхвѣ, яко злѣ разбіенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ въ Волховѣ, и мечтаніями (чарами) бѣсовскими окаянное его тѣло несено бысть вверхъ по оной рѣцѣ Волхову и извержено на брегъ противу волховнаго его городка, идѣже нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ отъ невѣгласъ (язычниками) погребенъ бысть... съ великою тризною поганскою. И могилу ссыпаша надъ нимъ вельми высоку, якоже есть обычай поганымъ. И по трехъ убо днехъ окаяннаго того тризнища просѣдеся (осѣла, провалилась) земля и пожре мерзкое тѣло коркодилово, и могила его пресыпася съ нимъ во дно адово. Иже и донынѣ,

---

[1]) Горшечникъ съ рѣки Витьбы.

[2]) Кошеніе = бросаніе жребія (Срезневскій). Не есть ли это искаженіе словъ: „до святаго крещенья"?

Цитирую изъ хронографич. сборника: „Книга, глаголемая Времянникъ, сирѣчь лѣтописецъ русскій". М. 1820, т. I, 52. Послѣдняя фраза въ Софійскомъ Временникѣ, 1. 88, читается такъ: „плы изъ свѣта некощьное". Некощьный = презрѣнный. До сихъ поръ это мѣсто цитировали по П. С. Р. Л. IV, 207, гдѣ есть цѣлый рядъ искаженій. Преданіе это, несомнѣнно, вошло въ лѣтописи изъ 2-ой редакціи Еллинскаго лѣтописца, составленной, вѣроятно, въ первой половинѣ XIII в. См. А. А. Шахматовъ, Къ вопросу о происхожденіи хронографа. Спб. 1899, стр. 70—71, 42—57.

[3]) А. Н. Поповъ, Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій, внесенныхъ въ хронографы, стр. 442—447.

якоже повѣдаютъ, знакъ ямы тоя не наполнится“. Изъ приведеннаго отрывка видно, что преданіе относится къ смерти какого-то волхва, которому книжникъ придаетъ эпитетъ окаяннаго чародѣя; этотъ волхвъ былъ похороненъ съ тризною новгородцами-язычниками на урочищѣ Перыня, около рѣки. Но несомнѣнно, что волхва, похороненнаго на Перынѣ, книжникъ смѣшиваетъ съ Перуномъ, статуя котораго стояла на этомъ же мѣстѣ. „Исторія“ разсказываетъ слѣдующее.

Пытаясь объяснить названіе рѣки Волхова, книжникъ XVII в. говоритъ, что она получила свое названіе отъ волхва. Волхвъ былъ бѣсоугодный лютый чародѣй въ людскомъ образѣ; бѣсовскими ухищреніями и чарами онъ превращался въ различные образы и въ образъ лютаго звѣря крокодила. Онъ преграждалъ путь по Волхову тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. „Сего же ради люди, тогда невѣгласи (язычники), Богомъ сущимъ (истиннымъ) того окаяннаго нарицаху“ и называли его Громомъ или Перуномъ. Для ночныхъ чаръ и собранія бѣсовъ онъ поставилъ малый городокъ на мѣстѣ, которое называютъ Перыня, гдѣ стоялъ и кумиръ Перуна. „И баснословятъ о семъ волхвѣ невѣгласи, глаголюще: въ Бога сѣлъ“.

Въ виду того, что въ послѣдней фразѣ авторъ „Исторіи“ ставитъ наст. вр. „баснословятъ“ и что въ концѣ разсказа онъ говоритъ: послѣ многихъ справокъ я вполнѣ удостовѣрилъ („истинное слово неложнымъ испытаніемъ многоиспытанне извѣстися“) смерть волхва въ Волховѣ и его погребеніе на Перынѣ съ языческой тризной,—преданіе о смерти волхва нужно считать далеко не позднимъ. Можно думать, что еще въ то время, когда новгородцы почитали волхвовъ (въ XI — XIII вв.) и христіанскіе проповѣдники писали поученія, направленныя противъ язычества, явилось и поученіе противъ боготворенія когда-то убитаго и пышно похороненнаго язычниками новгородскаго волхва.

Только изъ такого поученія и могъ почерпнуть свои свѣдѣнія книжникъ XVII ст. Я уже указалъ, что онъ смѣшиваетъ волхва съ Перуномъ. Превращеніе въ лютаго звѣря коркодила и плаваніе *вверхъ* по рѣкѣ (послѣднее сохранено и въ народномъ преданіи, записанномъ Якушкинымъ, о звѣрѣ-зміякѣ Перюнѣ) относятся, несомнѣнно, не къ волхву, а къ Перуну. Плаваніе

статуи Перуна по Волхову отмѣчено новгородскою лѣтописью и, несомнѣнно, вошло въ народную поэзію. Нѣкоторые пересказы былины о подвигахъ Ильи Муромца съ Идоломъ переносятъ эти подвиги изъ Царьграда въ Новгородъ. Въ одной олонецкой былинѣ, гдѣ Идолище насильничаетъ въ Царьградѣ, здѣсь же оказывается и рѣка Волховъ:

Ударилъ онъ (Илья) Идолище да межу уши.
Покатилось головище какъ пивной котелъ,
Полетѣли глазища, будто селезни,
И поплыли по Волхову.
Понесло его тушу сѣнную несмѣтную.
Тутъ ему, проклятому, славы поютъ [1]).

Несомнѣнно, что образъ Идола Скоропита (скорпіи, дракона), поганаго и нечестиваго [2]), напомнилъ одному изъ сѣверныхъ пересказчиковъ былинъ мѣстное новгородское преданіе о сверженіи въ Волховъ Перунова идола, и онъ включилъ его въ былину о гибели Идолища поганаго.

Судя по тому, что надъ могилой волхва, по словамъ „Исторіи", язычники насыпали большой холмъ, надо полагать, что онъ погибъ въ очень древнее время, и я думаю, что не будетъ особенно смѣлымъ сопоставить преданіе о волхвѣ съ тѣмъ „высшимъ жрецомъ" Богомиломъ, прозваннымъ сладкорѣчія ради Соловьемъ, о которомъ говоритъ (у Татищева) Якимовская лѣтопись. Что при насильственномъ крещеніи новгородцевъ онъ былъ убитъ, не можетъ быть сомнѣнія: всѣ волхвы, о которыхъ только упоминается въ лѣтописяхъ (подъ годами 1023, 1024, 1071, 1093, 1227), были убиты князьями, ихъ воеводами или намѣстниками.

А такъ какъ новгородское простонародье еще долго не усвоивало греческой вѣры, несомнѣнно, до конца XI в., а можетъ быть, и долѣе, то вполнѣ естественно, что Богомилъ, какъ талантливый ораторъ и мученикъ, былъ обожествленъ—„въ Бога

---

1) Тихонравовъ и Миллеръ, стр. 56. Ср. замѣч. В. Ѳ. Миллера, Новыя записи былинъ въ Якутской области, 14 (Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. V, кн. 1). Григорьевъ, Арханг. былины, № 19, ст. 82.

2) Въ одномъ пересказѣ онъ прямо названъ *змѣищемъ:* Григорьевъ, Архангельскія былины, I, № 112, ст. 167.

сѣлъ". Убитый кн. Глѣбомъ новгородскій волхвъ еще при жизни выдавалъ себя за Бога.

Въ виду связи, въ которую ставитъ легенда XVII в. Перуна съ его служителемъ, волхвомъ, можетъ быть поставленъ вопросъ: не отразился ли гдѣ-нибудь въ былинахъ образъ волхва,—противника Добрыни, по преданію Якимовской лѣтописи? Нужно замѣтить, что представители какъ языческой, такъ и христіанской религіи высоко ставятъ знаніе. Олегъ прозванъ вѣщимъ за то, что онъ узналъ, что греки, поднося ему питье и кушанье, хотятъ его отравить; оборотень князь Всеславъ имѣетъ вѣщую душу; вѣщимъ авторъ Слова о полку Игоревѣ называетъ и „смысленаго" пѣвца Бояна, который растекался мыслью по лѣсу, леталъ умомъ подъ облаками и зналъ много мудрыхъ изреченій. Христіане называютъ язычниковъ „невѣгласами", невѣждами, а себя „вѣгласами", образованными. Новгородскій волхвъ при князѣ Глѣбѣ, выдавая себя за Бога, говорилъ, что онъ все знаетъ впередъ („яко провѣдѣ вся"); „знаешь ли, что будетъ завтра и сегодня до вечера?" спрашивалъ его Глѣбъ. Тотъ отвѣчалъ: „все знаю". Самые термины: вѣдство, вѣдунъ, вѣдунья, вѣдьма, вѣдьмакъ, знахарь, знахарка, показываютъ, что отъ волхвовъ или лицъ, ихъ замѣнявшихъ, требовалось прежде всего знаніе, въ особенности, конечно, знаніе будущаго [1]). Борецъ за христіанскую религію тоже высоко ставитъ знаніе и въ своей религіи видитъ истинное знаніе, между тѣмъ какъ въ представителѣ язычества его не признаетъ. Слѣдовательно, образованность должна быть необходимой принадлежностью героя, борющагося со змѣемъ, защитникомъ язычества. И дѣйствительно, при характеристикѣ героевъ былины всегда говорятъ, что Добрыня отличался вѣжествомъ:

Нѣтъ на вѣжство—Добрынюшки Никитича [2]).

Мать говоритъ Добрынѣ, что она рада была бы при рожденіи надѣлить его всѣми талантами, между прочимъ, вѣжествомъ—самого Добрыни [3]). Въ одномъ пересказѣ былины объ отъѣздѣ

---

[1]) Ср. мои Бытовыя черты р. былинъ, 76—79.

[2]) Бѣлом. был. № 101, ст. 4; Тихонр. и Миллеръ, № 49, ст. 4; № 67, ст. 5; Ончуковъ, № 84, ст. 45.

[3]) Рыбниковъ, I, № 25, ст. 24; Гильфердингъ, № 5, ст. 759; № 149, ст. 30; № 157, ст. 267.

Добрыни слово „вѣжество“ замѣнено словомъ „бѣгоство“ [1]), и эту замѣну объяснить нельзя иначе, какъ искаженіемъ слова „вѣдовство“. Теперешніе сказители (а также пѣвцы XVIII в. [2])) понимаютъ это вѣжество какъ вѣжливость, умѣнье вести себя или знаніе грамоты [3]), но въ XI—XII вв. это слово обозначало знаніе, образованность, мудрость [4]).

„Вѣдать“, т.-е. быть мудрыми, могутъ лишь представители религіи. Естественно, что представители христіанской религіи не признаютъ этой способности за волхвами.

Лѣтописецъ подъ 1071 г. разсказываетъ, что волхвъ, убитый княземъ Глѣбомъ, не зналъ о своей смерти; о волхвахъ, пришедшихъ съ Волги въ Бѣлоозеро, онъ говоритъ, что „другимъ они предсказывали и гадали („вѣдуще и гадающе“), а о своей погибели не узнали; если бы они знали, они не пришли бы на то мѣсто, гдѣ они должны были быть схвачены; даже когда ихъ схватили, зачѣмъ они говорили, что не будутъ убиты, тогда какъ онъ (Янъ) намѣревался ихъ убить?“

Въ одной легендѣ, разсказывающей о постройкѣ первой христіанской церкви въ Бѣлозерской сторонѣ, на рѣкѣ Шекснѣ, говорится, что тамъ „жили люди нскрещеные; поставили церковь, а не вѣдаютъ, во имя котораго святого; нѣкто *невѣжа* взялъ просфиру, а просфира окаменѣла“ [5]). Легенда сохранилась въ рукописи Соловецкаго монастыря и, новидимому, передаетъ мѣстное бѣлозерское преданіе. Отсюда можно заключить, что въ Новгородской области нѣкогда употреблялся терминъ „невѣжа“ для обозначенія язычниковъ-финновъ.

Добрыня, какъ представитель христіанства, отличается вѣжствомъ. Естественнымъ врагомъ его является представитель старой религіи—Невѣжа. Разбирая группу *е* перваго типа былины о змѣеборствѣ, я уже указалъ, что битва Добрыни съ Невѣжей составляетъ принадлежность былинъ о Добрыни въ отъѣздѣ (Неудавшаяся женитьба Алеши) и что встрѣча съ Невѣжей представляетъ лишь отрывокъ былины, не дошедшей до насъ въ

---

1) Бѣлом. был., № 62, ст. 209.
2) Сборникъ Кирши Дан., 97.
3) Ончуковъ, стр. 8, 138; Бѣлом. был. 47, 434, 527.
4) Срезневскій, Матеріалы для словаря, слова: вѣжа, вѣжьливый, невѣжьство.
5) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, I, 373.

цѣломъ видѣ. Слѣд., это—отдѣльная былина, не имѣющая отношенія къ змѣеборству. Въ извѣстныхъ теперь отрывкахъ упоминаются два богатыря: Добрыня и Илья Муромецъ; значитъ, мы знаемъ позднюю версію столкновенія Добрыни съ Невѣжей. В. Ѳ. Миллеръ [1]) говоритъ, что Добрыня, убивъ его, расправляется съ его тѣломъ „такъ, какъ нѣкогда историческій Добрыня расправлялся съ идолами въ Новгородѣ:

„И тутъ Невѣжу онъ разсѣкъ разрубилъ,
И огня-то расклалъ, на огнѣ его сожогъ".

Я думаю, что былина намекаетъ на нѣчто другое. Вѣдь, Невѣжа выставляется колдуномъ: онъ обертывается чернымъ ворономъ и змѣемъ; въ другихъ пересказахъ былины объ отъѣздѣ (см. I, *e*) его замѣняетъ баба-Яга, колдунья. Невѣжа—противникъ христіанства, и его нужно наказать по церковнымъ законамъ. Извѣстно, что византійское церковное законодательство очень любило и заботливо разрабатывало тѣлесныя наказанія, осложняя физическую боль уродованіемъ человѣческаго тѣла, ослѣпленіемъ, отсѣченіемъ руки и другими безполезными жестокостями [2]). По церковному греческому установленію, принятому въ древней Руси, люди, производившіе мятежъ противъ церкви, наказывались сожженіемъ. Въ 1169 г. кіевскій митрополитъ приказалъ еретику, ростовскому епископу Ѳеодору, „языкъ урѣзати, яко злодѣю и еретику, и руку правую отсѣщи и очи вынять". Татищевъ къ этому прибавляетъ, что тѣло Ѳеодора наконецъ сожгли на торговой площади предъ народомъ [3]). Сожженіе еретиковъ широко практиковалось въ Московскомъ государствѣ съ начала XVI в. и до конца XVII. По сожженію подвергались не одни еретики; имъ наказывалось вообще противленіе церковному началу. Такъ, въ 1174 г. была сожжена наложница галицкаго князя Ярослава Осмомысла, при чемъ съ самого князя взяли присягу, что онъ будетъ жить съ одной законной женой [4]). Къ противникамъ церкви очень рано были отнесены и люди, занимавшіеся гада-

---

[1]) Экскурсы, 43.

[2]) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, I, 310.

[3]) Макарій, Исторія русской церкви, III, 254, прим. 35. Мои „Бытовыя черты р. былинъ", 92—93.

[4]) П. С. Р. Л. II, 106.

ніемъ и тайнымъ врачеваніемъ, т.-е. волхвы и бабы-колдуньи. Въ Ярославовомъ церковномъ уставѣ есть статья, по которой женщину, занимавшуюся какимъ-либо родомъ волхвованія, надлежало строго наказывать. То же самое повторяетъ правило митрополита Іоанна II (1080—1089) по отношенію къ людямъ обоего пола, занимающимся волхвованіемъ [1]). Волхвы, какъ вожаки народнаго движенія, направляемаго противъ церкви, наказывались, подобно еретикамъ, сожженіемъ. Въ 1227 г. въ Новгородѣ сожгли четверыхъ волхвовъ на Ярославовомъ дворѣ, такъ какъ про нихъ говорили, что они производили отравы. „А Богъ вѣсть", прибавляетъ правдивый новгородскій лѣтописецъ [2]).

Въ одномъ „Сказаніи лѣтомъ вкратцѣ" подъ 1303 годомъ находится такое сообщеніе: „Хлѣбъ бысть дорогъ; сего ради сожгоша 4 жены злыхъ" (Правосл. Палестинскій сборникъ, 12-й вып. Спб. 1887, стр. 30). Эти „злыя жены",—конечно, бабы-колдуньи. Случаи сожженія колдуній бывали, и недалеко отъ Москвы, еще въ концѣ XIX в. То, что теперь признается простонароднымъ суевѣріемъ, когда-то было вѣрой людей, близкихъ къ церкви. Память о такой расправѣ съ отравительницами (иногда, какъ въ новгородскомъ извѣстіи 1227 г., лишь подозрѣваемыми въ отравленіи) сохранилась въ пѣснѣ о томъ, какъ сестра хотѣла отравить брата. Братъ, узнавши объ этомъ, говоритъ ей:

„Ты и бойся, сестра, дубова костра!"
Онъ клалъ дрова середи двора,
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Что до самаго до пепелу;
Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю.

(Соболевскій, Великор. нар. пѣсни, т. I, №№ 135 и 134).

Такъ же развѣяли пепелъ отъ трупа „злого еретика" Лжедимитрія. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Добрынѣ и Маринкѣ Добрыня расправляется съ ней, какъ съ колдуньей и еретицей, посредствомъ огня:

---

1) Ключевскій, 310—311.
2) Новгородская лѣтопись по Синод. списку, 110.

Срубилъ-то Добрыня у Марины буйну голову,
И клалъ да на дрова дубовыя
И пепелъ разсѣялъ по чисту полю.

(Тихонравовъ и Миллеръ, № 26; почти то же—у Гильфердинга, № 316).

Связь такого сожженія съ постановленіями церкви ясно обнаруживается въ другомъ пересказѣ: Гильфердингъ, № 163. Добрыня.

Отрубилъ Маринкину буйную голову...
Онъ сбираетъ поповъ, протопоповъ всѣхъ.
Собиралися попы, протопопы всѣ,
Дѣлали огни палящіе,
Рыли (бросали) Маринкино бѣло тѣло
На эти на огни на палящіе.
Какъ у душки у Маринки дочь-Игнатьевны
Во всякомъ суставѣ по змѣенышу.

Въ послѣднемъ выраженіи обнаруживается связь колдовства и еретичества съ образомъ змѣя-діавола, котораго можно уничтожить только огнемъ. Такъ поступаетъ Добрыня и съ Невѣжей, сжигая его тѣло на огнѣ. Въ одномъ изъ варіантовъ о Потыкѣ богатыри такъ расправляются съ его лихой женой: ее повѣсили, а затѣмъ:

Да расклали огонь, большой пожогъ (костеръ),
Повалили вѣдь Мареушку на большой пожогъ
Да сожгли-то ея какъ тѣло бѣлое,
Еще пепелъ какъ развѣяли по чисту полю.

(Бѣломорскія былины, № 100.)

По мнѣнію акад. Веселовскаго, образъ жены Потыка сложился по образу Марины въ былинахъ о Добрынѣ (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1905, № 4, стр. 313).

Огонь во всѣхъ этихъ казняхъ является средствомъ очищенія отъ злого духа, овладѣвшаго еретицей или колдуньей. Свойство огня уничтожать нечистую силу особенно ясно обнаруживается въ былинѣ о сорока каликахъ, которые жгутъ селитру на груди одного изъ товарищей, нарушившаго, по ихъ мнѣнію, ихъ постановленіе [1]). Они судятъ его „своимъ судомъ“, т.-е. церковнымъ, который былина противополагаетъ „княжескому“, т.-е. свѣтскому [2]).

[1]) Бѣломорскія былины, 449, 498, 526.

[2]) См. мои Бытовыя черты р. былинъ, 92—3.

Селитрой прожигается грудь, очевидно, потому, что въ ней находится сердце, заключающее въ себѣ, по древнему представленію, источникъ всей духовной жизни человѣка; если сжечь сердце грѣшника, то будетъ уничтоженъ злой духъ, руководившій его поступками.

Я указалъ выше, что смерть главнаго новгородскаго волхва Богомила, о которомъ сохранила преданіе „Исторія" Татищева, могла впослѣдствіи дать легенду о волхвѣ, погребенномъ на урочищѣ Перыня. Впослѣдствіи, когда подробности борьбы Добрыни съ новгородцами и ихъ предводителями, Богомиломъ и Угоняемъ, были забыты, пѣвцы могли воспѣть побѣду его надъ волхвомъ; а такъ какъ въ представленіи пѣвцовъ волхва, какъ противника церкви и носителя діавольской силы, слѣдуетъ сжечь, то и Невѣжа подвергается той же участи: его сжигаютъ. Судя по тому, что Невѣжа грозитъ самому князю Владиміру и что мать совѣтуетъ беречься Невѣжи, нужно думать, эта былина возникла еще въ то время, когда волхвы имѣли большую власть, слѣд., въ XI в. Въ разсказѣ о волхвахъ, помѣщенномъ въ лѣтописи подъ 1071 г., говорится, что у двухъ волхвовъ, пришедшихъ съ Волги на Бѣлоозеро, было 300 людей. Туда пришелъ сборщикъ дани Янъ, но бѣлозерцы не согласились выдать ему волхвовъ. Когда онъ отправился къ нимъ одинъ, безъ оружія, его отроки предупреждали его объ опасности. И дѣйствительно, во время стычки его дружины со сторонниками волхвовъ былъ убитъ бывшій съ Яномъ попъ.

Обратимся опять къ былинѣ о змѣеборствѣ. Теперь можно будетъ дать отвѣтъ на поставленный проф. В. Ѳ. Миллеромъ вопросъ, не въ Новгородской ли области сложенъ былъ прототипъ былины. Мы видѣли, что былина о второй поѣздкѣ Добрыни разработала мѣстное, живущее понынѣ близъ Новгорода, преданіе. Героемъ ея является новгородскій намѣстникъ, который былъ извѣстенъ жителямъ города гораздо раньше его „христіанскаго" подвига, еще съ 970 г., когда онъ явился въ Новгородъ вмѣстѣ съ сыномъ его сестры Малки, или Малуши, Владиміромъ въ качествѣ его опекуна. Въ 980 г., когда Владиміръ сдѣлался кіевскимъ княземъ, Добрыня становится новгородскимъ намѣстникомъ. Послѣ вторичнаго крещенія новгородцевъ онъ остается въ Новгородѣ, судя по тому, что Татищевскій сводъ упоминаетъ

объ уходѣ оттуда одного лишь Путяты. О новгородскомъ происхожденіи былины говоритъ и то, что въ двухъ ея мѣстахъ упоминаются волхвы (I, *а*, *б*; II, *а*; III, *г*, *д*, *ж*, *и*), при чемъ во второмъ случаѣ они приравниваются святымъ отцамъ. Такое отождествленіе христіанскихъ святыхъ съ языческими священнослужителями, а также представленіе, что князь Владиміръ скликивалъ къ себѣ волхвовъ, зелейницъ и волшебницъ, свидѣтельствуютъ также о сѣверномъ происхожденіи былины; на югѣ волхвы никогда не имѣли большого значенія, тогда какъ на сѣверѣ они пользовались популярностью до XIII ст. Даже въ поздней новгородской былинѣ гость Терентій, у котораго захворала жена, идетъ „дохтуровъ добывать, волхи-то спрашивати“ [1]).

Въ подтвержденіе новгородскаго происхожденія былины о второй поѣздкѣ Добрыни должно еще указать на то, что героиней является въ ней та же Забава Путятична, что и въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, несомнѣнно, новгородской. Самое имя „Забава, Запава“ представляется мнѣ эпонимическимъ. Вѣроятно, оно было такимъ же олицетвореніемъ мѣстности (можетъ быть, рѣчки), какимъ въ былинахъ о Садкѣ являются молодецъ Ильмень со своей сестрой Волховой, дѣвушка Чернава (рѣчка, впадающая въ Ильмень), или въ выше указанной „Исторіи о созданіи Новаграда“ Волховъ отъ Волхва, сына Словена, Шелонь отъ его жены, протокъ Жилотугъ отъ его внука [2]). Вѣроятно, въ Новгородѣ было урочище, носившее имя Забавы или Запавы; это можно предполагать на томъ основаніи, что еще теперь въ Новгородѣ есть *Забавская* улица.

Что былины о Добрынѣ преимущественно сѣвернаго происхожденія, видно между прочимъ изъ того, что онъ иногда называется „племянникомъ“ князя Владиміра, тогда какъ историческій Добрыня былъ его дядей. Да XVI в. слово „племянникъ“ не употреблялось въ теперешнемъ его смыслѣ. Какъ указалъ Н. В. Васильевъ [3]), это слово обозначало только человѣка, принадлежащаго къ тому же роду, племени. Въ такомъ значеніи оно употреблено въ двухъ новгородскихъ грамотахъ XV в.: 1) Если

---

[1]) Сборникъ Кирши Данилова, 6.

[2]) Ср. Жданова, Русскій былевой эпосъ, 419—420

[3]) Этногр. Обозр., кн. LXII. (1904, №3), 59—60.

игумену Савастьяну не понадобится та земля, то мои „племеньники“ должны дать ему сорочекъ за сорокоустъ, а въ пользу монастыря 30 бѣлокъ на ладанъ. Здѣсь племянники—вообще наслѣдники послѣ смерти. 2) Вмѣсто истца представить (на судъ) его „племенника“ или друга съ простою грамотой. Здѣсь племянникъ, являющійся наравнѣ съ другомъ (ср. былинный терминъ „дружина“ = младшій товарищъ, слуга) представителемъ своего патрона на судѣ, вообще—родственникъ-кліентъ. Въ разсказѣ о Липицкой битвѣ 1216 г., помѣщенномъ въ Никоновской лѣтописи и восходящемъ къ суздальскому лѣтописному своду XIII в., ростовскій князь Константинъ говоритъ про своихъ дружинниковъ: „Едини суть въ родствѣ, и въ племяни, и въ кумовствѣ“ [1]). Эти три термина я различаю такъ: родство даетъ единство кровное; племя даетъ единство въ отношеніи житейскихъ, экономическихъ интересовъ; кумовство даетъ единство религіозное, церковное. Слѣдовательно, древнее значеніе слова „племянникъ“—человѣкъ принятый въ группу (семью, общину), пособникъ, младшій товарищъ.

Г. Васильевъ указываетъ (тамъ же), что въ восточныхъ великорусскихъ говорахъ до сихъ поръ употребляется слово „племяшъ“ и выраженіе „застольный племянникъ“ въ значеніи бѣднаго родственника-нахлѣбника. Такимъ образомъ, оказывается, что терминъ „племянники“, для обозначенія родственниковъ-кліентовъ до сихъ поръ распространенъ въ предѣлахъ стараго новгородскаго общественнаго вліянія. Въ этихъ же предѣлахъ употребляется слово шабёръ (стар. сябръ) въ значеніи сосѣда, товарища; первоначальное значеніе этого слова—родственникъ (лат. consobrinus: см. Ключевскаго, Курсъ русской исторіи, I, 139). Въ смыслѣ младшаго товарища, какъ указано Н. В. Васильевымъ, употребляется слово племянникъ во многихъ бѣломорскихъ былинахъ. Могу къ этому прибавить, что и въ былинахъ, записанныхъ въ Олонецкой губ. а также въ Сибири, упоминаются племянники: такъ, Иванъ Годиновичъ почти всегда называется племянникомъ князя, Ермакъ—племянникомъ Ильи Муромца. Въ такомъ же значеніи, родственницы, употребляется слово „племянница“: такъ, въ нашей былинѣ и въ другихъ упоминается пле-

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт. X, 73.

мянница князя Владимира, въ пѣснѣ о Чурилѣ-игуменьѣ—княженецкая племянница Стафида Давыдьевна (Сб. Кирши Данилова, 165), въ пѣснѣ объ Иванѣ Дородоровичѣ—княжеская племянница Софья (Бѣлом. был., № 32).

Итакъ, новгородское происхожденіе былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ можно считать доказаннымъ. Можно еще поставить вопросъ о классѣ, среди котораго возникла былина въ своемъ первоначальномъ видѣ. Мы видѣли, что сюжетъ для нея былъ взятъ изъ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній, что она имѣетъ тенденцію возвеличить образъ борца за христіанство противъ язычества, что героемъ ея является княжескій намѣстникъ, дѣйствовавшій заодно съ греческими епископами. Припомнимъ также, что Добрыня носитъ „шляпу земли Греческой", обычную принадлежность каликъ, что змѣиная пещера, по былинѣ, помѣщается на Сорочинской (Сарацинской) горѣ (I, *а*, *б*; II, *а*), которая иногда замѣняется горой Аравійской (II, *б*), Сіонской (II, *в*) и Саворской (III, *е* [1]); упоминаются также Сорочинская земля (I, *б*), дорога (I, *е*), рѣка Ерданъ (III, *а*), Греческое море (III, *д*), камень Латырь и сапфиръ, извѣстный на Руси по Святославову Изборнику 1073 г. (III, *ж*). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что былина долго вращалась среди церковныхъ людей, близко знакомыхъ съ Палестиной и ея окрестностями, находившимися въ рукахъ сарацинъ. Въ XI—XII вв. церковные люди не составляли устойчиваго, однороднаго общественнаго класса. Въ число ихъ попадали лица разныхъ классовъ гражданскаго общества, и принадлежность къ нему обусловливалась волей или временнымъ положеніемъ, иногда случайными обстоятельствами. Къ нимъ принадлежали между прочимъ изгои, люди, по несчастію или другимъ причинамъ потерявшіе права, которыми обладали ихъ отцы: поповъ сынъ, не обучившійся грамотѣ, обанкрутившійся купецъ, выкупившійся холопъ, даже осиротѣвшій князь. Такіе люди были поставлены подъ особое попеченіе церкви и носили названіе церковныхъ, богадѣльныхъ и задушныхъ людей [2]). Изъ ихъ-то среды выходили многочисленные „калики", „сумы переметныя",

---

[1]) Такъ же называется Ѳаворъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ у Ончукова, Печорскія былины, стр. 235. Вѣроятно, начальное *с* воспроизводитъ средне-греческое произношеніе буквы *θ*—*с* шепелявое.

[2]) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, I, 326, 305.

странники въ Палестину, въ XII в. настолько размножившіеся, что новгородское духовенство стало протестовать противъ ихъ хожденій ватагами. Я думаю, что среди этихъ паломникомъ, авторовъ древнѣйшихъ духовныхъ стиховъ, и была сложена былина о Добрынѣ-змѣеборцѣ [1]).

Въ связи съ вопросомъ о средѣ, сложившей былину, находится вопросъ о степени сознательности въ обработкѣ византійскаго сюжета змѣеборства. Относительно этого вопроса проф. В. Ѳ. Миллеръ [2]) высказалъ слѣдующее: „Во избѣжаніе недоразумѣнія, къ которому могла бы подать поводъ выдвинутая мною параллель между св. Егоріемъ и Добрыней по отношенію къ змѣеборству, считаю необходимымъ замѣтить, что въ прикрѣпленіи сюжета змѣеборства къ Добрынѣ я не усматриваю какой-нибудь сознательной аллегоріи въ народномъ творчествѣ. Змѣй, котораго истребилъ Добрыня, не символизируетъ язычество, сокрушенное историческимъ Добрыней. Мотивъ змѣеборства пріурочился къ Добрынѣ въ силу безсознательнаго психологическаго процесса, который нерѣдко былъ наблюдаемъ въ народной эпикѣ, но требуетъ особеннаго объясненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. О томъ, какъ *приблизительно* совершался такой процессъ, можно судить по аналогіи". И авторъ указываетъ на прикрѣпленіе сказки о змѣѣ къ мѣстнымъ преданіямъ о возникновеніи холмовъ, идущихъ отъ Кіева къ Каспійскому морю, и о голодѣ, который былъ въ нѣкоторыхъ аулахъ Осетіи во время войны дигорцевъ съ алагирцами. Но, вѣдь, приводить такія аналогіи значитъ объяснять одинъ неизвѣстный фактъ другимъ, столь же мало извѣстнымъ.

Стоя на той точкѣ зрѣнія, что былина отражаетъ міровоззрѣніе класса людей, особенно близко стоявшихъ къ христіанской средне-вѣковой легендѣ, я ищу именно здѣсь выясненія интересующаго насъ вопроса. Извѣстно, что въ христіанскомъ искусствѣ всегда господствовало символическое и аллегорическое направленіе. Это направленіе, широко распространенное, между прочимъ, въ области поэзіи какъ на Западѣ, такъ и въ Византіи

---

[1]) Ср. Бытовыя черты р. былинъ, 90—95; Изъ исторіи р. былевого эпоса, I, 2—6.

[2]) Экскурсы, 50—51.

въ средніе вѣка, „уже въ XI вѣкѣ было усвоено нашими предками въ переводахъ разныхъ византійскихъ сочиненій“ [1]). Былины, какъ произведенія, возникшія въ христіанскую эпоху и отразившія въ себѣ византійскую и вообще средневѣковую литературу, широко воспользовались христіанскимъ символизмомъ и по образцу заимствованныхъ символовъ создали цѣлый рядъ новыхъ, своихъ. Символизмъ является въ нихъ или въ формѣ простой метафоры, какъ, напр., въ выраженіи: богатырь всѣхъ побилъ,—

Не оставилъ силы на сѣмена;

или въ формѣ аллегорической рѣчи. Таковы слова новгородцевъ Василію Буслаевичу:

Тебѣ съ этою удалью молодецкою
Наквасить (т.-е. окровянить) рѣку будетъ Волховъ!

или слова старца пилигрима ему же:

Молодой курень (цыпленокъ), не попархивай!

или отвѣтъ Василія старцу:

Не дано тебѣ яичко о Христовѣ днѣ,—
А дамъ тебѣ яичко о Петровѣ днѣ.
Билъ его палицей булатной по головушкѣ;

или слова Ильи Муромца о Данилѣ и его женѣ:

Ужъ ты, батюшка Владимиръ князь,
Изведешь ты яснаго сокола,—
Не поймать тебѣ бѣлой лебеди!

Особенно часто символизмъ употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной [2]). Въ такихъ случаяхъ пѣвцы изъ скромности затушевываютъ грубую реальность символизмомъ. Укажу на два примѣра. Въ „Повѣсти о Василіи Златовласомъ“, одной изъ старыхъ параллелей къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ [3]), разсказывается грубо о томъ, что Василій, получивъ отказъ въ сватов-

---

[1]) Лекціи Буслаева („Старина и новизна“, кн. VIII, 373).

[2]) Сюда относятся „вѣнчаніе вкругъ ракитова куста“, загадка Ставровой жены, аллегорическая рѣчь Потыка у Рыбникова, I, № 37, ст. 144—150.

[3]) См. Вс. Миллеръ, Очерки, 212—216.

ствѣ, „растлилъ дѣвство“ королевны, думая про себя: „поневолѣ будетъ ми жена“ (стр. 21). Въ былинѣ Соловей лишь впослѣдствіи сватается за княжескую племянницу Забаву, а раньше получаетъ отъ князя „загонъ земли непаханой и неораной“ въ зеленомъ саду Забавы, въ вишеньѣ и орѣшьѣ, гдѣ строитъ дворъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ есть и грубыя подробности, отвѣчающія „Повѣсти“. Забава, какъ и королевна, сама послѣ этого проситъ взять ее замужъ.

Продѣлка Соловья повторяется въ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ пересказахъ, тоже является „садъ“, или „виноградъ“.

1) Какъ разъѣхался Котянко изъ чиста поля,
Какъ въ новъ теремъ онъ—тупымъ концомъ.
Какъ упалъ новый теремъ, виноградъ сломалъ,
Еще всѣ вереи да помитусились (покривились);
Едва Чайна Часовична на ногахъ стоитъ [1]...
2) Полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ.
Втапоры (Авдотья) Часовична
Бросилась будто бѣшеная [2]...
3) Сшибъ того терема по окна прочь,
И слетѣлъ теремъ во зеленый садъ [3]...
4) Ударилъ палицей по терему,—
Теремъ палъ и загородь поломалъ [4]...
5) Хотѣнъ со слугой:
Заѣхали ко вдовѣ да во широкій садъ,
Приломали, притоптали, все притравили.
И вдовы-то дома не случилося,
И одна Чадинка пригодилася...
Сама говорила таково слово:
И что за невѣжа появилася,
И надъ нашимъ домомъ насмѣхается!“ [5]).

Дѣло кончается тѣмъ, что Чайна Часовична принуждена выйти замужъ за Хотѣна и униженно проситъ у него этой милости.

---

1) Моя запись изъ Поморья, не напечатанная.

2) Сборникъ Кирши Данилова, 63.

3) Рыбниковъ II, № 22, ст. 91—2.

4) Гильфердингъ № 164.

5) Гильфердингъ, № 282. Ср. обычная выраженія въ сказкахъ: невѣжа воду пилъ, бочку не покрылъ; Бѣломорскія был., № 75, ст. 382; Ончуковъ, Печорскія былины, № 45, ст. 232.

Въ былинѣ она шествіи Батыя („Василій Игнатьевичъ“) покореніе христіанскаго города Кіева татарамъ символизируется картиной Богородицы, ходящей по городовой стѣнѣ и плачущей надъ Евангеліемъ. Въ духовномъ стихѣ, инокъ теряетъ въ морѣ ключъ отъ церкви, т.-е. въ житейской суетѣ утрачиваетъ чистоту вѣры [1]). Въ волочебной пѣснѣ церковнаго происхожденія, дѣвушка роняетъ въ море золотой вѣнокъ, т.-е. лишается своей дѣвственности [2]). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы видимъ такое же сознательное употребленіе символическихъ образовъ, какъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ. Проф. Павловъ-Сильванскій указываетъ цѣлый рядъ символическихъ дѣйствій въ древнемъ русскомъ правѣ [3]). Многіе символы какъ въ правѣ, такъ и въ народной поэзіи съ теченіемъ времени дѣлаются непонятными и искажаются, но въ эпоху своего появленія они вполнѣ ясны. Что касается образа змѣя или змѣи, то представленіе о немъ, какъ о символѣ всего злобнаго, обманчиваго и губительнаго, широко распространено въ народной поэзіи. Въ былинахъ „родъ змѣиный“—то же, что поганый, невѣрный, языческій, еретическій. Поэтому любовникъ иностранки Маринки, еретицы, у которой нѣтъ образа въ комнатѣ,—Змѣй Тугаринъ или Змѣй Горынычъ. Въ мѣстныхъ новгородскихъ легендахъ Коркодилъ-Перунъ или Зміяка-Перюнъ, несомнѣнно, являются символами языческаго бога; а такъ какъ былина о змѣеборствѣ Добрыни основана на этихъ легендахъ, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ сознаніи слагателей ея заимствованный изъ агіографіи образъ змѣя-дракона отождествлялся съ образомъ языческаго бога, въ которомъ христіанинъ долженъ былъ видѣть бѣса. Такое отождествленіе было тѣмъ удобнѣе, что въ образѣ змѣя слагатель, знакомый съ языческими представленіями, легко могъ увидѣть черты, сближавшія его съ образомъ бога-громовника. Добрыня купается среди лѣта, въ жару; приближеніе змѣя описывается слѣдующимъ образомъ:

---

1) Варенцовъ, Сборникъ русск. дух. стиховъ, 183—5; Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки (Труды Этногр. Отд., т. XV), I, 25.

2) Шейнъ, Великоруссъ, I, 342.

3) Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1905 г., іюнь.

Вѣтра нѣтъ, да тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, да будто дождь дождитъ,
Ай дождя-то нѣтъ, да только громъ гремитъ,
Громъ гремитъ, да свищетъ [1]) молнія.
Налетѣло змѣище Горынчище (I, *а*).

И въ другихъ пересказахъ говорится, что, когда налетала змѣя, туча тучилась, громъ гремѣлъ, и частый дождикъ шелъ (III, *б*). Иногда змѣя только сравнивается съ тучей:

А не темныя ли тѣмени затѣмнѣли,
А не черныя тутъ облаци попадали,—
А летитъ ко Добрынюшкѣ люта змѣя [2]).

Какъ олицетвореніе грозовой тучи, змѣя „по поднебесью хоботы (т.-е. хвосты) заметываетъ" и представляется огненной (III, *е*); она грозитъ Добрынѣ сжечь его огнемъ (I, *б*; II, *а*, *б*, *в*; III, *г*, *д*, *е*, *и*, *і*) или залить водой (II, *а*, *б*, *в*; III, *і*). Подобное изображеніе змѣя-діавола встрѣчается въ легендѣ о св. Георгіи: здѣсь змѣй является олицетвореніемъ бури на морѣ, благодаря чему онъ называется сыномъ Посейдона; когда онъ летитъ, слышится свистъ и шумъ, клубится дымъ, и сыплются искры [3]). Если авторъ легенды могъ назвать змѣя-діавола сыномъ языческаго бога, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что слагатель былины въ символическомъ образѣ змѣя Горынича видѣлъ бога-громовника.

Въ заключеніе подведу итоги моихъ замѣчаній о былинѣ:

1) Содержаніе былины ближайшимъ образомъ связано съ агіографической византійской литературой.

2) Отчество Добрыни восходитъ къ греческому прозвищу или имени Ἀνίκητος.

3) Былина о привозѣ воды для князя, не дошедшая до насъ въ цѣльномъ видѣ, заключаетъ въ себѣ смутное воспоминаніе о крещеніи князя Владимира.

4) Купанье Добрыни символически воспроизводитъ преданіе о переходѣ его изъ язычества въ христіанство.

---

[1]) Вѣроятно, искаженіе слова „сверчетъ", сверкаетъ.
[2]) Гильфердингъ, № 59 (I, *д*); ср. III, *ж*.
[3]) Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій Храбрый, 59.

5) Пѣсни о скимнѣ представляетъ обособившееся начало древней версіи былины о змѣеборствѣ; скимнъ—прообразъ героя.

6) Въ преданіи о новгородскомъ волхвѣ, убитомъ бѣсами и брошенномъ въ Волховъ, сохранилась память о сверженіи Перунова истукана и гибели новгородскаго главнаго волхва. Отголосокъ преданій о Добрынѣ, какъ о побѣдителѣ волхва, сохранился въ былинѣ о боѣ Добрыни съ Невѣжей.

7) Былина о Добрынѣ-змѣеборцѣ сложена въ Новгородской землѣ людьми, близкими къ церкви.

8) Слагатели былины воспользовались византійскимъ символическимъ образомъ дракона-діавола и сознательно обработали матеріалъ легендъ въ примѣненіи къ подвигамъ Добрыни.

А. Марковъ.

Цѣна 75 коп.

Того же автора:

Бѣломорскія былины, съ предисловіемъ проф. В. Ѳ. Миллера. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Бытовыя черты русскихъ былинъ. М. 1904. Ц. 1 рубль.

Что такое Овсень? Изъ исторіи русской и латышской весенней обрядности. М. 1905. Ц. 20 к.

Матеріалы, собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 г. Марковымъ, Масловымъ и Богословскимъ. Ч. I. Духовные стихи, былины и историческія пѣсни, причитанія. М. 1905. Ц. 2 р. (Вторая часть печатается).

Изъ исторіи русскаго былевого эпоса. Вып. I. М. 1905. Ц. 50 к.

Къ вопросу о методѣ изслѣдованія былинъ. М. 1907. Ц. 15 к.

